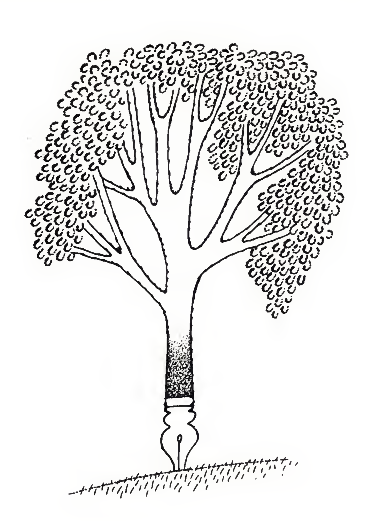

ЯРОСЛАВ ГАШЕК
РАССКАЗЫ
И
ФЕЛЬЕТОНЫ

Лидове
накладательстви

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

Лидове
накладательстви
Прага

ЯРОСЛАВ ГАШЕК
РАССКАЗЫ
И
ФЕЛЬЕТОНЫ

С чешского языка перевел коллектив
советских переводчиков-богемистов.
Перепечатано по изданиям:
„Рассказы. Фельетоны",
изд-во „Художественная литература",
Москва 1954 г.
„Собрание сочинений Я. Гашека в 5-ти томах",
изд-во „Правда",
Москва 1966 г.
„Избранное", изд-во „Художественная литература",
Москва 1978 г.

Иллюстрации Адольф Борн
Графическое оформление Милан Альбих
Редактор Зузана Гулакова
Изд-во „Лидове накладательстви", Прага 1988

Цена 2 р. 11 коп.

РАССКАЗЫ

НАД ОЗЕРОМ БАЛАТОН

В тот полдень Болл Янош сидел перед своим домом на веранде, сооруженной, по местному обычаю, наподобие портика, который примыкает прямо к дому, предоставляя убежище от палящих лучей солнца.

Вид на окрестности был отсюда прекрасный. Зеленели и отливали голубизной пологие склоны, покрытые виноградниками. Среди густой, непроглядной зелени, сползавшей вниз, в долину, там и сям проступали синеватые пятна: в этих местах виноградники были обрызганы раствором, предохраняющим виноград от вредителей.

Отсюда все можно было обозреть: виноградники, сторожки, крытые соломой, полосы кукурузных полей и совсем далеко – луга, откуда доносился приглушенный звон колокольчиков и слышалось мычание коров.

А за лугами простиралась безбрежная гладь озера Балатон, или, как гордо его называют здесь, «Magyar tenger» – «Венгерского моря». У этого моря зеленые неспокойные воды, сливающиеся на горизонте с небом, в синеву которого поднимаются клубы дыма всякий раз, когда где-то в отдалении пароход бороздит водную гладь, простирающуюся на сто двадцать километров до самого Веспрема. Да, таков край Magyar tenger – с его вином, бурями и легендами о русалках, что вечерами увлекают рыбаков в глубину озера, со старыми сказками о речных вилах, которые похищают мальчиков по ночам, убивают их и оставляют на пороге дома.

Это то самое озеро Балатон, откуда в тишине ночи слышат-

ся таинственные звуки, крики и плач детей водяных, которые с незапамятных времен целыми семьями живут в водных пучинах. Им, должно быть несть числа, потому что в Бодафале, Медесфале, Олвашфале, в Олме и во многих других деревнях, разбросанных по берегу озера, вдруг объявляются древние седые старики с длинными бородами. Им, наверное, сотни и сотни лет, потому что о них рассказывали уже деды дедов, прапрадеды теперешних обитателей этих краев.

Однако Болл Янош вовсе не любовался красотой пейзажа. Он сидел на стуле, завернувшись в полушубок, хотя день был необычайно жаркий. На столике перед ним лежали часы. Лицо его было хмурым.

– Что-то долго не трясет, – проворчал он, взглянув на часы, – обычно в пять меня уже бьет лихорадка, а сегодня, ишь, окаянная, опоздала. В шесть заявится окружной судья допрашивать, а меня еще не отпустит. – Озабоченный Болл угрюмо наблюдал за часовой стрелкой. «Ну, слава богу,» вздохнул он в четверть шестого, «забирает».

Болл Янош начал стучать зубами. Стук был такой громкий, что прибежал батрак спросить, не желает ли чего хозяин.

– Te vagy szamar, – ты, осел, – выдавил из себя Болл, – принеси подушку и закутай мне ноги.

Когда ноги были закутаны, Болл, дрожа всем телом, принялся разглядывать окрестности.

В голове шумело, бил озноб, и все вокруг, как Боллу казалось, было окрашено в желтый цвет. Виноградники, кукуруза, сторожки, луга, озеро, горизонт... Это были самые страшные минуты приступа. Он хотел сказать батраку, что ему очень худо, и не смог вымолвить ни слова. Но вот желтая краска постепенно изчезла, и все сделалось фиолетовым.

Теперь Болл уже мог, стуча зубами, произнести: «О, страсти господни!»

А когда он объявил: «Ну, слава богу, кажется, скоро конец», – все предстало перед ним в своем естественном свете. Голубой небосвод, зеленые и синеватые виноградники, желтеющие луга и изумрудное озеро.

Когда же он приказал батраку: «Забери подушку, сними полушубок и принеси трубку», – то почувствовал, как греет

солнце и как пот выступает у него на лбу. Приступ миновал.

– Теперь черед другой лихорадки, – проговорил он, разжигая черную трубку, – сейчас явится окружной судья.

Внизу, на дороге, которая вилась среди виноградников, затарахтел экипаж и послышался негодующий голос судьи:

– Я т-те покажу! Хорош кучер! Дай только остановиться, я всыплю тебе пяток горячих! Эк тебя развезло!

– Сердитый, – вздохнул Болл Янош, – строго будет допрашивать.

Экипаж остановился возле дома, и из него степенно, с достоинством вылез окружной судья, держа связку бумаг под мышкой. Он направился на веранду к Боллу, который уже шел ему навстречу, попыхивая трубкой.

После обычных привествий судья представился:

– Я Омаис Бела. Приступим к допросу.

Он положил бумаги на стол, сел, закинув ногу на ногу, постучал пальцем по столу и произнес:

– Да, плохи ваши дела, голубчик.

Болл Янош тоже присел и пожал плечами.

– Вот так, дорогой. Печально это, – продолжал судья. – Когда же вы, милейший, застрелили цыгана Бургу?

– Нынче как раз неделя, – ответствовал Болл. – Это случилось в пять часов. Не желаете ли сигару? – спросил он, вынимая из кармана портсигар. – Очень хорошие. Банатский табак.

Окружной судья взял сигару и, обминая ее кончик, небрежно бросил:

– Так вы говорите, что это случилось в пять часов двадцать первого июня?

– Да, ответил помещик, – точно в пять часов двадцать первого июня. Двадцать третьего уже похоронили. Позвольте, – он протянул судье огонек.

– Покорно благодарю, – сказал Омаис Бела. – Итак, при вскрытии было обнаружено, что Бурга убит из дробовика выстрелом в спину.

– Совершенно верно, – подтвердил Болл, – ланкастер, номер одиннадцать.

– Все это очень прискорбно. Откуда, вы говорите, этот табачок?

– Из Баната. С вашего позволения, я прикажу работнику принести немного вина?

– Оно бы недурно, – разрешил окружной судья. – Выпьем по чарочке и продолжим допрос.

Вино мгновенно появилось на столе. Помещик наполнил бокалы.

– Ваше здоровье!

– Благодарствую . . . Собачья должность!

Окружной судья приподнял бокал и с видом знатока принялся разглядывать вино на солнце.

Солнечные лучи играли в бокале, и лицо окружного судьи

озарилось чистым красным светом. Он отхлебнул и выпил все разом, причмокнув от удовольствия.

– Прекрасное вино! – похвалил он, блаженно улыбаясь. – И что вам пришло в голову застрелить этого цыгана?

Болл Янош невозмутимо попыхивал трубкой.

– Это двухлетнее вино, с моих виноградников западного склона, – объяснил он. – Ваше здоровье!

Они еще раз подняли бокалы.

– У меня есть и получше, трехлетнее, с виноградников восточного склона, – заметил Болл.

Он взял другую бутыль, отбил горлышко и налил.

– Великолепно! – хвалил окружной судья. – Вы, вообще говоря, превосходный человек!

– Если бы не лихорадка, – пожаловался Болл, – вот уже четыре дня мучает, никак ее не уймешь. Вам нравится этот букет?

– Очень! Превосходный аромат! – восхищался судья.

– Ну, у нас найдется и еще кое-что! – отозвался хозяин, вынимая из корзинки большую длинную бутыль. – Это вино пятилетней выдержки.

– Вы образцовый гражданин! – воскликнул Омаис Бела после первого бокала пятилетнего вина. – Ничего подобного до сих пор мне пить не приходилось. Этот вкус, этот цвет – восхитительная гармония!

– А я припас и еще лучше! – сообщил Болл Янош, когда пятилетнее вино было выпито. – Такого вы, пожалуй, не пивали ... Смотрите, – сказал он, наливая вино из узкой бутыли, – это вино двадцатилетней выдержки.

Окружной судья был в восторге.

– Это как токайское, лучше токайского! – шумно расхваливал он, осушая один бокал за другим. – Вы же чудесный человек, я глубоко уважаю вас, но ответьте мне: отчего вы застрелили этого цыгана?

– Оттого, – Болл Янош стал вдруг серьезным, – оттого, что этот негодяй украл из моего погреба двадцать бутылей такого вина.

– Будь и я на вашем месте, – причмокивая, произнес окружной судья, – будь я ... я поступил бы так же ... Потому что

это вино . . . Вот и запишем: «Цыган Бурга убит в результате несчастного случая». Налейте-ка мне, дорогой . . .

Помещик и судья еще долго пили вино, рожденное на склонах Балатонских гор, красное вино, такое красное, как кровь цыгана Бурги, вора . . .

СЛУЖЕБНОЕ РВЕНИЕ ШТЕПАНА БРИХА, СБОРЩИКА ПОШЛИНЫ НА ПРАЖСКОМ МОСТУ

Каждый, кому когда-либо приходилось вступать на пражский мост, наверняка сознавал всю значительность этого момента.

Строго официальные лица стражей в будке и перед ней; осанистая, полная достоинства фигура полицейского у проезжей дороги; наконец, таблица, бесстрастно перечисляющая пошлины, взимаемые как с людей, так и со скотины, – все это уже приводит вас в священный трепет.

А стоит чуть-чуть повнимательнее вглядеться в лица неподкупных блюстителей порядка, перед которыми бессильно даже женское очарование, и у вас возникает непреодолимое желание поцеловать руку, протянутую за крейцером.

Самоотверженная любовь, преданность магистрату и служебное рвение сначала умиляют вас. Но когда вы вспомните, что этих людей в плоских фуражках охраняет закон, строго карающий за всякое оскорбление должностного лица, вы не выдержите и, сняв шляпу перед неумолимыми Брутами города Праги, сунете им в руку крейцер.

Одно время среди этих Брутов выделялся Штепан Брих, сборщик пошлины на мосту Франца-Иосифа. Как ястреб, оглядывал он неусыпным оком трепетных горожан, желавших перейти через мост. Брих не ведал ни шуток, ни проволочек. Стоило кому-нибудь из этих болванов штатских (с военных не брали пошлины) высунуть хотя бы кончик носа за черту, обозначенную простертой рукой Штепана Бриха, – к нему не было никакого снисхождения и никакие оправдания

ие могли помочь. Или он платил крейцер, или его попросту можио было считать погибшим.

Штепан Брих делал знак рукой, и дежурному полицейскому уже все было ясно.

Он приближался, положив руку на кобуру револьвера, а Штепаи Брих, указывая иа смельчака, ие пожелавшего сразу заплатить пошлииу, произносил всего лишь два слова. «Взять его!» Полицейский хватал ослушника и деловито осведомлялся: «По-хорошему пойдешь или со скандалом?»

Обычио провииившийся избирал первый способ.

В полицейском участке его просили раздеться, а потом долго обыскивали, обмеривали, фотографировали, допрашивали и, накоиец, отводили в камеру. После этого деиь, самое большее – иеделю устанавливали, проживает ли такой-то там-то, ие водится ли за ним каких-иибудь грешков.

В конце концов задержанного отпускали или, если ои выра-

жал недовольство этой законной процедурой, отправляли в уголовное отделение на Карловой площади.

Оттуда злоумышленника по этапу пересылали на место жительства. Это считалось сравнительно легким наказанием за преступление, которое несчастный попытался совершить, нанося ущерб финансовому отделу пражского магистрата.

И на все с удовлетворением взирал Марат пражских мостов – сборщик налогов Штепан Брих.

Однажды к будке сборщика подошел советник магистрата, служащий финансового отдела Пойзл и попросил:

– Приятель, пропустите меня бесплатно! Я спешу на Смихов, а бумажник забыл дома!

Ну, разве Штепан Брих не знал своего начальства? Знал, любил и почитал, и вот любовь к начальству пришла в столкновение со служебным долгом.

Как только советник магистрата переступил границу, обозначенную протянутой вперед рукой Бриха, последний поймал господина Пойзла за полы пиджака.

– Вернитесь или заплатите крейцер, – сухим, официальным тоном сказал Штепан Брих.

– И не подумаю! – обозлился советник.

Тогда Штепан Брих кивнул полицейскому, поджидавшему жертву, как паук муху, и произнес только два слова: «Взять его!»

Когда после обычного своего присловья: «По-хорошему или со скандалом?» – полицейский повел советника в тюрьму, на глаза нашего Брута навернулись слезы, и Штепан Брих впервые за всю свою жизнь заплакал.

Спустя две недели в помещении финансового отдела магистрата отмечалось скромное, но славное торжество.

По требованию самого господина советника Пойзла – его-таки пощадили и не отправили домой по этапу – магистрат за верную службу наградил Штепана Бриха бронзовой медалью.

Получив награду, Штепан Брих стал еще бдительнее.

В ночь на 3 мая сего года он спокойно стоял на мосту у Национального театра. Вдруг какой-то человек мелькнул в окне будки и быстро побежал через мост.

Полицейский куда-то ушел с поста – должно быть, сопрово-

ждал в участок очередного правонарушителя. Не растерявшись, Штепан Брих бросился вслед за негодяем, крича:

– Стой! Заплати сперва!

Неизвестный, словно не слыша, мчался вперед. Штепан Брих несся за ним, нарушая ночную тишину воплем: «Патруль, держи его! Пусть уплатит крейцер!» Так добежали они до Малой Страны, миновали Уезд, площадь Радецкого, Вальдштейнскую улицу, обогнули Хотковы сады – впереди трусил выбившийся из сил незнакомец, а немного позади сопел Штепан Брих, не перестававший вопить: «Уплатите крейцер или буду стрелять!»

Они были уже за Дейвицкими воротами, на пути к Подбабе.

Когда взошла луна, убегавший оглянулся и вдруг увидел плоскую форменную фуражку, перекошенный рот и выпученные глаза чиновника магистрата.

В смертельном страхе свернул он к реке и, спасая свою жизнь, прыгнул в воду. Еще один всплеск – и Штепан Брих уже плыл за беглецом.

С криком: «Уплатите крейцер!» – он настиг незнакомца на середине реки и мертвой хваткой вцепился в его одежду. Большая волна накрыла обоих . . .

Спустя три дня из Влтавы около Клецан выловили двух утопленников, сжимавших друг друга в страстных объятиях. В судорожно сведенном кулаке одного из них был зажат крейцер. Это был Штепан Брих, который успел-таки в смертной схватке вытащить крейцер из кармана своей жертвы.

С тех пор жутко бывает по ночам на берегах Влтавы между Подбабой и Подгорьем. Едва пробьет полночь, из воды доносится:

– Уплатите крейцер!

Это и на дне реки не унимается дух Штепана Бриха.

АМСТЕРДАМСКИЙ ТОРГОВЕЦ ЧЕЛОВЕЧИНОЙ

Не имея иной возможности быть полезным чешской нации, я решил заняться ее умственным развитием. С этой целью я отыскал замечательного человека, три раза сидевшего в тюрьме Панкрац за грабеж и обладавшего изумительной фантазией.

Кроме того, этот человек ловко владел пером и умел придавать своим мыслям нужную форму – задача, непосильная для другого моего сотрудника, совершенно лишенного способности мыслить оригинально, но в то же время умевшего развить заданную тему и связать отдельные эпизоды гибкой, изобретательной, захватывающей интригой.

Потолковав с обоими уважаемыми сотрудниками, я сообщил им, что намерен основать книгоиздательство, имеющее целью снабжать чешскую публику занимательным чтением.

Я заключил с обоими договор, по которому они обязались приступить через пять месяцев к сдаче мне частями, за обычную полистную оплату, увлекательного романа.

Ровно через пять месяцев в моем издательстве вышел первый выпуск романа «Амстердамский торговец человечиной, или Таинственное убийство в Черной пещере, или Корчма Кровавый епископ». Роман выходил четыре года подряд еженедельными выпусками, по восемьдесят геллеров за выпуск; всего вышло двести восемь выпусков общим весом восемнадцать килограммов. Об успехе, которым пользовалось это произведение, ярче всего свидетельствует случай с владе-

лицей продуктовой лавки Возабовой, о котором я расскажу.

У поденщика Франтишека Голана было двенадцать человек детей, и он ждал тринадцатого, когда агент по распространению книг и журналов принес ему первый выпуск «Амстердамского торговца человечиной, или Таинственного убийства в Черной пещере, или Корчмы Кровавый епископ».

Напряженно ожидая появления на свет нового члена семьи, Голан с избытком располагал свободным временем и, чтобы скоротать его, принялся жадно читать первый выпуск романа. По мере чтения интерес его возрастал. Начало было великолепное: «В одной из отдаленных улиц Амстердама, у пристани, над водой канала, в котором за год бесследно исчезали сотни чужеземцев, находился небольшой трактир с номерами. К напиткам, подаваемым новому постояльцу, подмешивали здесь снотворный порошок, а потом . . . потом постель с постояльцем проваливалась в подвал. Удар, страшный сдавленный крик . . . Рядом с трактиром была мясная лавка. Мясо отпускалось здесь по такой дешевой цене, что в лавке всегда было полно покупателей. Это мясо имело особый привкус: тут торговали человечиной! Знаете, как это делалось? В подвалах спящих постояльцев убивали ударом топора, потрошили трупы, разрубали на части и ночью доставляли человечину в мясную лавку. Одному только Роберту Клегу удалось вырваться оттуда – сверхъестественным путем . . .»

На этом текст первого выпуска обрывался.

С тех пор поденщик Голан стал регулярно покупать «Амстердамского торговца человечиной». Но, имея тринадцать человек детей, тратить каждую неделю по восемьдесят геллеров на книгу тяжеленько. И он каждую субботу посылал младших ребят по очереди просить милостыню, а за выпрошенные деньги покупал «Амстердамского торговца человечиной», выпуск за выпуском, и наслаждался подробным перечнем убийств, составленным так искусно, что каждый выпуск обрывался в самом начале убийства, а приканчивали жертву только в начале следующего выпуска, в конце которого происходила поимка главаря банды, причем в последней фразе сообщалось, что он бежал из тюрьмы, спустившись по громоотводу, потом перелез через стену, но упал, настигнутый пулей

охраны, – для того чтобы в начале следующего выпуска, собравшись с силами, возобновить побег – на этот раз в лодке по бурному морю, – и в тот момент, когда ветер вырвал у него весла из рук, встретиться в последней фразе выпуска с шайкой контрабандистов, в главаре которой он узнает бывшую свою возлюбленную, соблазненную графом де Галуа . . . И так далее, в том же духе.

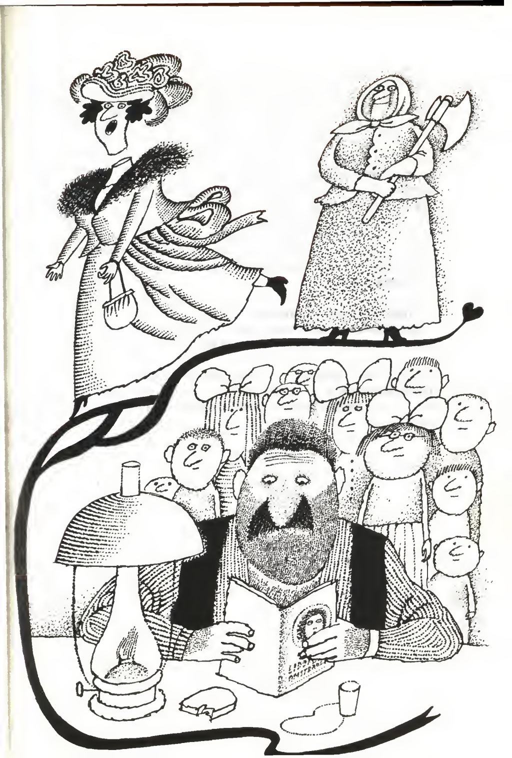
В течение полугода расписывалась история корчмы «Кровавый епископ», и все это время по ходу действия войска и жандармерия безуспешно преследовали призрак «кровавого епископа».

Четыре года провел в упоительном чтении «Амстердамского торговца человечиной» поденщик Голан, рыдая по ночам над судьбой беглянки – принцессы де Галуа, сводной сестры главаря шайки контрабандистов (она же – переодетая и соблазненная возлюбленная главаря банды убийц, который был окружен войсками в Черной пещере, но, бросившись в водопад, спасся от врага вплавь).

Прочтя последний, 208-й выпуск, и уплатив за «Амстердамского торговца человечиной» в общей сложности сто шестьдесят шесть крон сорок геллеров, Голан проплакал всю ночь напролет. При мысли о печальном конце главаря банды, которого в последнем выпуске повесили, у бедняги разорвалось сердце от жалости, и он покинул этот мир, оставив вдову с тринадцатью детьми без всяких средств к существованию. Похоронив мужа, бедная женщина продала все двести восемь выпусков владелице продуктовой лавки напротив – пани Возабовой, за одну крону сорок геллеров, то есть восемнадцать килограммов бумаги для завертывания сосисок и т. п., – по восемь геллеров за килограмм.

У почтенной пани Возабовой было два сорта покупателей: одни брали за наличные, другие на книжку. Она обращалась со всеми одинаково любезно; только дамочкам, бравшим за наличные, говорила «сударыня» и «целую ручку», а представительницам второй группы просто: «что прикажете?» и «мое почтение». Никаких других различий не делалось.

Приобретя двести восемь выпусков «Амстердамского торговца человечиной», эта уважаемая особа велела отнести бу-

магу к ней на дом, а после того, как закрыла свое заведение на ночь, решила разрезать ее в четвертку – на фунтики. Взяла первый выпуск и принялась за дело. Вдруг в глаза ей бросилось напечатанное жирным шрифтом: «А! Они продают в мясной лавке мясо убитых людей!» Покачав головой, она отложила нож в сторону и стала знакомиться с новым видом мясоторговли. Познакомившись, задумалась. На другой день прочла второй выпуск, третий, четвертый. И так, читая в среднем по три выпуска в день, за три месяца проглотила все двести восемь. Начиная со сто восьмого она перестала следить за своей наружностью и менять белье.

На девяностый день она разослала лучшим своим покупательницам – тем, которые брали за наличные – записки такого содержания:

«Милостивая государыня!

Не откажите в любезности зайти ко мне сегодня вечером на дом. Я должна сообщить вам важную новость!»

Когда они пришли, она порубила их всех топором. Как только весть об этом разнеслась по городу, мне пришлось пустить «Амстердамского торговца человечиной» вторым изданием.

СПОСОБ ГОСПОДИНА ПОЛИЦМЕЙСТЕРА

Друг против друга сидели двое, всем своим видом обнаруживая разделяющую их бездну. За столом – надворный советник и полицмейстер того города, где совершались описываемые события, а в кресле у стола – плохо одетый мужчина с зачесанными за уши волосами и соломкой от сигары за правым ухом. На коленях у него лежала потертая кепка. Он медленно, веско говорил:

– Поставим точки над «и». Мне известно, господин полицмейстер, что, узнав о моем желании видеть вас и предложить вам свои услуги, вы с большой неохотой согласились принять меня. Вы считали, что у вас и без того довольно сыщиков, изучивших Панкрац, и было бы бесполезно толковать об их успехах . . . Короче говоря, это совершенно никчемный народ. Мысль, конечно, правильная, но именно поэтому вы сделали бы ошибку, не приняв меня. Знаете, какой репутацией пользуется здешняя полиция? Об этом всюду идут толки: ее поведение объясняют то простой нерасторопностью, то наличием у нее тайного сочувствия к преступникам.

– Не может быть! – воскликнул полицмейстер.

– Факт, – возразил Ян Поберта. – Но не в этом дело. Речь идет о другом. Мне понятно ваше отчаяние. Происходит убийство днем – полиция ничего не обнаруживает, происходит оно ночью – опять ничего. Убивают мужчину – убийц след простыл, убита женщина – виновных нет. Ну, куда это годится?

– Вы забываете о последнем случае, – робко возразил по-

лицмейстер. – Мы нашли убийц, установили их личность, их наружность, место, куда они уехали, имеем их снимки – словом, нам известно все. Только их бегству тотчас после совершения злодеяния мы помешать не могли.

– Да, господин полицмейстер, это правда, – сказал Поберта. – Но вы забываете, что одного из убийц черт занес в Прагу, и получилось опять плохо, так как негодяй доказал свое алиби. И вот, видя все это, я подумал, что благородство украшает человека. Заплатим добром за зло, сказал я себе: спасем полицию.

– Вы хотите спасти полицию? – воскликнул полицмейстер.

– Ну да, – скромно и солидно ответил Ян Поберта. – Нас собралось несколько известных старых практиков, и мы решили выручить здешнюю полицию, предоставив ей кое-какие факты, способные заткнуть рот недоброжелателям и насмешникам.

– Вы? – повторил свой вопрос изумленный полицмейстер.

– Да, да. Я и мои товарищи готовы помочь полиции выйти из неловкого положения. Конечно, не даром, но цена умеренная, а способ замечательный.

– В чем же он заключается? – осведомился полицмейстер.

– Пожалуйста. О каждом сенсационном преступлении вы немедленно даете знать мне. В свою очередь, я тотчас сообщаю вам, куда направить выделенного для данного случая члена нашей организации. Вы выдаете ему паспорт, проездные и некоторую сумму на первое время, пока он не устроится на чужбине. Все это я передаю ему, а вам вручаю предметы, которые послужат уликами. Кроме того, поставляю свидетелей, подтверждающих его присутствие в соответствующий момент на месте преступления и так далее. После этого вы сообщаете печати и населению, что напали на след. И как только этот человек окажется за границей, объявляете, что преступник – не кто другой, как он. Даете приказ об аресте и так далее. Так как у него будет паспорт на другое имя, задержать его не удастся, но вам будет принадлежать честь обнаружения убийцы. Так уже делалось. Но самое главное то, что этот человек больше никогда не вернется и полиция не опозорится публично, как получилось в прошлый раз.

– Что же, – промолвил полицмейстер. – Это неплохо. Я подумаю.

– Когда мне прийти за ответом?

– Жду вас завтра в три.

Когда на другой день Ян Поберта опять пришел к полицмейстеру, они быстро договорились обо всем. И полицмейстер вздохнул свободно. Конец позору и скандалам! А газеты пускай лопнут с досады...

Через две недели произошло убийство из-за угла. Полиция и на этот раз не сумела задержать убийц, но установила, кто совершил преступление. Она опубликовала описание примет, фотоснимки, назначила вознаграждение тем, кто обнаружит местопребывание преступников. Правда, все это она сделала, когда последние были уже далеко за границей. Население все же успокоилось, так как уже некого было бояться. Однако не прошло и месяца, как было совершено убийство с целью ограбления. Бандиты были опять опознаны, изобличены, фотогра-

фии опубликованы, было объявлено вознаграждение тем, кто их обнаружит, – словом, все как в первый раз.

Но видно, тут сам черт решил подставить полицмейстеру ножку. Через некоторые время приходит к нему какой-то неизвестный и – ни много ни мало – заявляет, что явился с повинной. При расследовании убийства с ограблением полиция пошла, мол, но ложному следу.

– Послушайте, мой милый, – с раздражением ответил полицмейстер. – Не говорите глупостей. Полиции в точности известно, кем совершено это убийство. Все улики налицо и поразительно совпадают.

– Сколько бы их ни было и как бы они ни совпадали, полиция идет по неправильному пути.

– Это почему? – вскипел полицмейстер.

– Да потому, что убийца – я, и пришел к вам с повинной.

Услышав это, полицмейстер чуть не отдал богу душу. Но тотчас овладел собой, вызвал чиновника и велел ему снять показания с преступника. А сам скорей послал за полицейским врачом.

– У меия тут душевнобольной, доктор!

– Душевнобольной?

– Ну да, человек, страдающий навязчивой идеей, будто не кто другой, как он, совершил последнее убийство с целью ограбления.

– А этого не может быть?

– Абсолютно исключено. Личность преступника установлена. Это не он.

– Значит, перед нами тяжелый случай психоза.

Только теперь, объявив сознавшегося убийцу сумасшедшим, полицмейстер вздохнул свободно. Опасность миновала!

Вскоре после этого было совершено преступление, о котором заговорил весь город: в одном банке произошла дерзкая кража; воры похитили не менее двухсот тысяч крон золотом и, кроме того, еще некоторую сумму мелкими банкнотами, общую стоимость которых в точности установить не удалось.

На этот раз полицмейстер оплатил организации Яна Поберты даже билет на экспресс, чтобы только поскорей полу-

чить возможность опубликовать сообщение, что преступники ему известны.

Повторилась старая история ... Но главный сюрприз ждал полицмейстера впереди.

Через две недели он получил от Яна Поберты из Северной Африки письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый господин полицмейстер!

Как это ни грустно, нам надо расстаться. Надеюсь все же, что оставляю по себе добрую память, так как был полезен. Но в дальнейшем вам пришлось бы все время прибегать к помощи лжи, а это очень неприятно. Знаю, что первую возникшую опасность вы сумели отклонить, упрятав явившегося к вам с повинной действительного виновника в сумасшедший дом. Но при этом от пережитых волнений вы чуть не захворали. Я понял, что должен что-то для вас сделать. Сами того не зная, вы не погрешили против истины, опубликовав сообщение, что виновник нашумевшей кражи в банке я, Ян Поберта. Банкноты и золото я захватил с собой, но не хочу с вами расстаться, не поблагодарив за любезность, с которой вы способствовали моему бегству и оплатили проезд. Жаль, что наша коммерческая связь на этом обрывается, но полагаю – вам будет нетрудно установить новую, если вы будете к моим коллегам столь же предупредительны, как ко мне.

С приветом

Ян Поберта».

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Старый Шима, прослуживший в банкирской конторе «Прохазка и К°» пятнадцать лет, набрался наконец смелости и постучался в кабинет банкира Прохазки, чтобы попросить с нового года прибавки в двадцать крон.

И вот Шима сидит перед господином Прохазкой, потому что тот, выслушав просьбу, кивнул на стул. Шеф ходит по кабинету, жестикулирует и говорит:

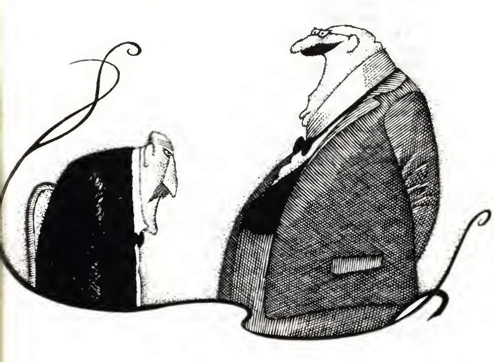
– Я мог бы немедленно выставить вас вон после такой наглой просьбы, но у меня есть с полчаса свободного времени, и я хочу поговорить с вами по душам. Вы хотите, чтобы я увеличил вам жалованье на двадцать крон в месяц, то есть на двести сорок крон в год. И вы отваживаетесь просить меня об этом в такое время, когда над денежным рынком навис дамоклов меч всеобщего финансового краха?! Разве вам не известно, что акции Альпине-Монтан* упали с 772 до 759.60, а акции Бедржиховских заводов* котируются не по 940, а по 938? Акции Зброевки* тоже катятся вниз, дорогой Шима. С 728 они упали до 716.40. Это поистине ужасно, а вы хотите двадцать крон прибавки!

Прохазка всплеснул руками и взволнованно продолжал:

– Ценные бумаги на бирже крайне неустойчивы. Даже наиболее надежные из них – акции австрийского кредитного банка – в последние дни упали; в итоге вместо 664.90 они котируются на пять крон ниже, а вы требуете двадцать крон прибавки. На акции транспортных компаний регистрируются только мелкие сделки, акции государственных дорог упали на

целых двенадцать крон! Венгерскому правительству не удалось получить во Франции заем в сто миллионов, а вы требуете двадцать крон прибавки! Германия собирается продавать металлургические заводы, идут разговоры о распродаже австрийских государственных имений, а вы приходите ко мне и говорите, как о чем-то само собой разумеющемся: «Я пятнадцать лет служил вам верой и правдой, господин шеф, и, принимая во внимание финансовые затруднения, всеобщую дороговизну, десять человек детей и дырявые сапоги, осмелюсь просить двадцать крон прибавки ежемесячно.»

Несчастный, вы сами не знаете, насколько вы правы. Финансовые затруднения действительно приняли угрожающий характер. Акции Южной дороги понизились на целых пять крон, а у меня их ... впрочем, не мне говорить вам об этом, дружище. Не забывайте, что даже на акции Буштеградской же-

лезной дороги и то не предвидится солидных дивидендов: курс литеры А Буштеградской дороги уже упал с 2515 до 2462, а литеры Б – с 1004 до 976. Да вы, голубчик, просто спятили, прося прибавки! Ведь это же прямо безумие! Побывайте-ка на пражской бирже! Продается уйма ценностей, а чего они стоят? И спросу никакого. Курсы всех акций катятся вниз! Устойчивых бумаг нет! Акции кредитного банка, на которые я раньше заключил сделки по 760, теперь котируются на 750.75. Что вы на это скажете, а? Вы все еще хотите прибавки, старина? Вы все еще настаиваете на своей просьбе, несмотря на то, что даже швейцарское правительство не может рассчитывать на заем в два миллиона, необходимый ему до зарезу? Да, друг мой! Биржевые бюллетени свидетельствуют о близком крахе, можно с ума сойти от баланса этого года! Румыния, Турция, Болгария, Греция не могут получить ни гроша в кредит, а вы хотите, чтобы я прибавил вам жалованье!

Испания, Португалия и Италия нигде не могут разместить займы. Банкирский дом «Франс-Фрер» в Лионе вследствие конфликта в Марокко потерпел на сто пятьдесят миллионов франков убытка, а вы как ни в чем не бывало приходите и говорите мне: «Господин шеф, прошу прибавить мне двадцать крон!» Друг мой, а вы знаете, что поговаривают о слиянии Росицких угольных шахт с Бедржиховскими заводами? А вы знаете, что покупка паев рудника «Анна-Мария» приведет к снижению годового оборота на двадцать тысяч крон? Нигде нет никаких возможностей для биржевых спекуляций. Купите-ка себе акции Подольского цементного завода, и вы увидите, как вы возгордитесь. А попробуйте пойти с ними на биржу! Ага, вы качаете головой, – не пойдете, мол. Пока еще крепкий курс у акций Колинского завода искусственных удобрений, за них вы заплатите 379, а я покупал их по 382, значит, я теряю по три кроны на каждой. Вы просто удивляете меня, дружище! Сидите как чурбан! Черт вас возьми – и вместе с акциями сахарных компаний! Я утверждаю, что у них слабый курс, – вы можете разбиться в лепешку, но не получите за них больше 261.50. Мне их никто не посмеет предложить, как и акции завода доктора Кольбена*. Смею вас уверить! Я выгоню вон такого человека! А вы знаете, что Винебергское строительное

общество накануне краха, что люблянские лотерейные билеты упали в цене? А вы знаете, что американский миллиардер Браун застрелился? А вы знаете, что финансисты Мюллер, Скалат, Ковнер, Гюбнер покончили с собой, что Реше, Кине, Мэн, Бюлехар повесились, что Карелт, Моррисон и Коммот и банкир Гаммерл с компаньоном утопились? А вы знаете, что повсюду банкрот на банкроте, что горят угольные шахты на Аляске и в одну из них прыгнул американский угольный король? А вы знаете, что залежи серы на Урале уничтожены землетрясением? А вы знаете, что ольденбургские пятидесятиталеровые паи понизились в цене на пятьдесят процентов, что Зальцбургская железнодорожная и трамвайная компания обанкротилась? Нет, вы не знаете этого, иначе вы не стали бы просить у меня прибавки в двадцать крон...

Банкир Прохазка хлопнул по плечу неподвижно сидящего Шиму, и тот повалился со стула на пол, конечности у бедняги уже похолодели.

От всех этих финансовых катастроф у него сделался разрыв сердца.

МЯТЕЖ В АВСТРИЙСКОМ ФЛОТЕ

Не стану отрицать, у меня есть кое-какие дела с полицией; соседи считают меня удалившимся на покой коммерсантом, тогда как в действительности я давно разыскиваемый мошенник.

В ресторане, где я постоянный гость, ко мне относятся с почтением, а одного полицейского комиссара, который когда-то усердно меня выслеживал, я даже ссужаю деньгами для игры в карты. В этом же ресторане бывает сыщик из политической полиции. Мы трое – я и эти двое господ из полиции – хорошие друзья, видимся каждый день, и у нас нет секретов друг от друга.

Недавно агент политической полиции не пришел на обычную партию в карты. На другой вечер он явился, но поздно и был явно чем-то расстроен.

Он рассказал, что полиция напала на след антимилитаристически - социалистически - коммунистически - анархистского заговора, и они производили обыск у одного человека.

– Дело очень серьезное, господа! – заметил он и, вздохнув, продолжал: – В последнее время определенные органы в Вене получили сообщение, что моряки военного флота совершили в Португалии переворот. Потом пришло сообщение, что и в Бразилии моряки военного флота пытались поднять мятеж. Начали с артиллерийского обстрела – и порядок полетел ко всем чертям. А там пришла и третья бумага – с приказом взять под наблюдение австро-венгерский флот – гордость нашей монархии. Я твердо верю, что недалек тот час, когда этот флот завоюет нам колонии на Южном полюсе, как когда-то

австрийские мореплаватели открыли в Арктике Шпицберген и Землю Франца-Йосифа. Однако присоединение Южного полюса к Австро-Венгрии потребует от нашего флота высокой дисциплины. И вот представьте себе, господа: на юге нашей монархии, под Триестом, матросы с одной канонерки ... – наш приятель наклонился и продолжал шепотом: – ... ходили пить вино к трактирщику, у которого был брат, а у брата приятель, который породнился с человеком, чья сестра встречалась с другим молодым человеком, живущим в одном коридоре с социалистическим агитатором!

Сыщик перевел дух и продолжал:

– Дело, в сущности, очень простое: ведь тот молодой человек безусловно встречался со своим соседом, социалистическим агитатором; знаете, как это бывает, – слово за слово, то да се ... А потом сестра этого молодого человека ... виноват, сестра того человека вышла замуж за молодого человека и тем самым породнилась с приятелем того, первого человека ... виноват, я хотел сказать, с братом приятеля первого человека ...... к которому, – закончил он уже шепотом, – ходили выпивать матросы с канонерки.

Как видите, политическая полиция до всего доберется, – передохнув, продолжал сыщик. – Итак, первый человек, поскольку сестра молодого человека вышла замуж за социалистического агитатора, теперь тесно связан с противозаконным движением, так как его приятель, чей брат породнился с первым человеком, живет в одном коридоре ... э–э, нет, я кажется, сбился. В коридоре живет не он, а приятель его брата ... нет, опять не так ... Извините, господа, я сегодня слишком устал, лучше завтра докончу эту историю.

Он пожал нам руки и ушел, все еще взволнованный. На следующий вечер он продолжал:

– Вчера, господа, я рано ушел, потому что очень утомился за день. Сегодня опишу вам дальнейшие обстоятельства этого дела ... Я забыл упомянуть, что у арестованного хозяина распивочной, куда ходили матросы, было семь сыновей и один из них женился на дочери пражского дворника, с которой познакомился в Вене. Это обстоятельство играет важнейшую роль во всем деле.

У снохи арестованного есть кузен в Праге. К этому кузену мы и нагрянули с обыском, о котором я еще расскажу. Все это дело кажется страшно запутанным, но на самом деле оно проще простого, налицо злостный умысел – внести разложение в наш флот. Это видно из того, что арестованный в Праге кузен снохи арестованного трактирщика, собираясь проникнуть в военный флот, поддерживал знакомство с матросами пражского пригородного пароходства. Но я разгадал его зловещие замыслы!

Мы обнаружили, что он втерся в доверие к капитану «Збраслава» и – представьте себе, какова дерзость! – ездил на этом судне за тридцать километров от Праги, до самых Давли. Подчеркиваю также, что он пытался подкупить рулевых на пароходах «Хухле» и «Браник» и расспрашивал у них об устройстве штурвала. Его знали все машинисты и кочегары пражского пароходства, потому что он угощал их пивом с единственной целью – выведать, как устроен пароходный винт.

И разве не подозрительны, например, его вопросы о численности команды на отдельных пароходах, таких, как «Вышеград» и другие! Не ясно ли, что этот человек готовился к антивоенной пропаганде в военном флоте? Зачем бы ему иначе ходить в кино, где показывали хронику «Парад военно-морского флота»? И почему, скажите на милость, этому подозрительному субъекту понадобилось породниться с тем самым арестованным трактирщиком?... Вернее, наоборот: почему у трактирщика оказалось семь сыновей и одному из них вздумалось жениться на кузине человека, который разъезжал на судах пражского пригородного пароходства, готовясь к подрывной деятельности в военно-морском флоте? Человек, который не гнушается за литр пива выманивать у рулевого парохода «Збраслав» секрет управления рулем, – что стал бы делать такой человек, доведись ему попасть на дредноут флота его императорского величества? Уж он бы не пожалел всего своего состояния, лишь бы узнать, как на наших кораблях дают задний ход. Состояния у него, правда, нет, но все же хватает денег угощать сигарами машинистов винтовых пароходов на Влтаве, лишь бы они ему растолковали, как приводится в движение судовой двигатель.

И не важно в принципе, о чем идет речь: о миноносце, канонерке или пригородном пароходе «Пршемысл». Важно то, что этот злоумышленник разлагает команду, осматривает винты и рули и даже учится плавать!

Сыщик сделал значительную паузу, перевел дух и продолжал.

– Все это мы точно установили, прежде чем арестовать этого субъекта. Двое сыщиков задержали его, как раз когда он ступил на палубу «Збраслава», чтобы отправиться в Модржаны. Заметьте, что Модржаны лежат на том же меридиане, что и австрийский морской порт Пулье... Итак, его задерживают и доставляют в полицию. При нем находят три письма. Он, конечно, уверяет, что ни в чем не виноват. Но это ему не помогло; мы взялись за письма. И вы подумайте, каков негодяй! Внешне невинные заказы на цыплят, масло и су-

шеные овощи. При этом он заявляет, что у него нет никаких родстенников в Триесте, а на вопрос о местожительстве дает адрес и объясняет, как пройти, – квартира, мол, на третьем этаже, дверь без визитной карточки. И все это так спокойно и нахально, смотрит прямо в глаза, просто ужас!

Мы его для виду отпустили домой, а мне было приказано рано утром явиться к нему на квартиру с обыском. Ладно, взял я с собой сыщиков, и мы пошли. Адрес сходится, дом номер такой-то, третий этаж, дверь без визитной карточки. «Хозяина нет дома,» – отвечает прислуга. «Ага, – говорю я, – упорхнула пташка!» Вскрываем письменный стол, забираем письма, и инспектор Шпачек уже собирается их унести, как вдруг пташка возвращается в гнездо... Шпачек потянул нас за полы и говорит: «Господи боже мой! Это же не та квартира, коллеги, мы попали к его милости судье!» Скандал! Ну, мы с извинениями ретируемся – мол, ошиблись дверью! И что бы вы думали? Настоящий-то виновник, оказывается, живет рядом!

Политический сыщик утер пот с лица и закончил:

– А теперь господа, вы ясно видите, как тяжела полицейская служба. Все наши старания пошли прахом. Изъяли мы у него корреспонденцию и продолжаем розыск. И вот как раз сегодня из Вены приходит телеграмма – дело временно прекратить на том основании, что к арестованному не могли ходить моряки, потому что он вовсе не торговец вином, а всего лишь разносчик в овощной лавчонке, к тому же глух от рождения... А тот тип, чью корреспонденцию мы изъяли, тоже не имеет прямого отношения к делу, потому что настоящий виновник, который ходил вынюхивать на пражские пароходы, чтобы совершить это преступление, оказывается, умер десять лет назад.

Политический агент мрачно выпил пиво и утер усы. Мятеж во флоте австрийской империи был полностью подавлен!

КАМЕНЬ ЖИЗНИ

В лето рождества Христова 1460-е игумен Штальгаузенского монастыря в Баварии возносил тайные молитвы всевышнему и всемогущему подателю разума о ниспослании духа святого, который помог бы ему, игумену Леонардусу, отыскать философский камень и эликсир жизни.

Перед ним пылал огонь, нагревавший пузатую реторту, где, шипя, варилось какое-то снадобье, а рядом стояли тигли, которым предстояло принять в свои недра расплавленное вещество, чтобы можно было выпарить твердый осадок.

Игумен Леонардус умиленно взывал к милосердному господу, моля его взглянуть на своего смиренного служителя, который, не покидая путей благодати, не обращаясь за советом к дьяволу и не призывая на помощь нечистую силу, ищет философский камень и жизненный эликсир.

А из соседней трапезной доносился исступленный вопль монахов, оглашавших строгие готические своды хоровым чтением: «Pater noster, qui est in coelis . . .»[1].

Дружно скандируя каждый слог, они старались перекричать друг друга, голодные и сердитые, так как игумен ради их же спасения сильно ограничил их всех, кроме самого себя, в пище и питье.

Открыв дубовые двери в трапезную, отец Леонардус с просветленным лицом произнес:

– Молитесь до захода солнца!

[1] «Отче наш, иже еси на небесех . . .» *(лат.)*

Потом вернулся в свою алхимическую лабораторию, преклонил колена на скамеечке перед распятием и, словно в экстазе, стал молиться:

– Господи боже, спаситель мой, ниспошли луч света на раба твоего, просвети его мысли, чтобы найти ему жизненный эликсир, во спасение христианам, и философский камень. И укажи мне, господи, не грех ли будет опустить ныне в эликсир сей пепел от сожженного еретика, который держал у себя черного кота, ходившего на двух ногах и сожженного нами вместе с его одержимым бесовской силой хозяином в честь и славу твою в день храмового праздника у ворот штальгаузенских. А я поступлю по воле твоей.

Бог не послал знамения. И отец Леонардус сварил пепел сожженного еретика-чародея вместе с пеплом его кота. Потом, тихо вторя завываниям монахов, читающих в соседней трапезной «Отче наш», вылил содержимое реторты в тигли, поставил их на таган и с благодатным умилением принялся выпаривать осадок.

Снова спустился сумрак, и отец Леонардус пошел в трапезную, предоставив огню в каменном очаге кипятить клокочущую и шипящую массу.

В трапезной он проникновенным, отечески ласковым голосом сказал монахам несколько слов о божьем милосердии, а затем отпустил их отдыхать, приказав им всем, прежде чем возлечь на свои жесткие ложа, подвергнуть грешную плоть взаимному душеспасительному бичеванию. Наконец, преклонив колена перед неугасимой лампадой, зажег факел и вышел во двор.

Он пошел осматривать монастырское хозяйство, этот славный игумен-хлопотун. Навестить поросят в хлеву: как они себя чувствуют? Вчера они выглядели очень плохо.

Отец Леонардус подозревал, что монахи, тяготясь наложенным на них постом, добрались до каши из отрубей, предназначенной свинкам, и питают ею свои грешные утробы, гневя бога и обкрадывая бедных тварей. За последнее время свинки заметно похудели. Это были уже не прежние славные круглые бочонки, такие розовые, аппетитные, что отец Леонардус пел во славу их псалмы, воздавая хвалу создателю. Этих милых

божьих созданий было сорок – ровно столько, сколько монахов. Ясное дело, если сорок монахов, богохульствуя, съедали пищу, приготовленную для сорока свиней, как же можно было ждать, чтобы бедняжки весело похрюкивали на дворе святой обители, оживляя отголосками живой жизни и молодости угрюмую монастырскую тишину?

Пламя факела озарило бедные создания красным светом. Узнав своего пестуна, они захрюкали так печально, что у доброго игумена сжалось сердце.

– В каком виде, о братья, предстаете вы предо мной? – скорбно воскликнул старец, глядя на их исхудалые тела; он прослезился и вздохнул.

Потом, увидав пустые корыта, послал проклятие по адресу монахов и пошел звонить в колокол.

Когда монахи опять собрались в трапезной, он обратился к ним с такою речью:

– Вы бичуете бренные тела свои, а сами обкрадываете свиней и нарушаете посты? Бог накажет вас. На колени, негодяи!

Как бы вознесенный над толпой, с лицом, озаренным лучами неугасимой лампади, он воскликнул:

– Покайтесь, жалкие свиньи!

И под пение монахов, затянувших «Misericordia! Misericordia!» («Помилуй нас!»), спустился в погреб, где, скрипнув зубами, испил чару вина.

Вернувшись в трапезную, он объявил монахам, что пошлет их пешком в Рим, к папе Иннокентию III – просить прощения у главы христианского мира.

Потом велел всем идти спать.

А сам пошел в темную каморку, где производил свои опыты, и, сунув факел в очаг, стал рассматривать оставшееся после выпаривания вещество. Оно было тяжелое, с металлическим блеском.

Отец Леонардус побледнел; нет, это не философский камень: в старинной книге, принадлежавшей сожженному чародею, сказано, что философский камень должен быть прозрачен и невесом. А ведь землю для своих опытов он взял с того холма возле Штальгаузена, где прежде была каменоломня и в великую пятницу, говорят, появляется светлое сияние.

Он упал на колени и заплакал. Устремив взор на распятие и ударив себя в грудь, промолвил смиренно:

– Вижу, боже, спаситель мой, что я не достоин твоих милостей!

Потом взял оказавшийся в тиглях зернистый порошок, вынес его во двор и там высыпал.

После этого монахи еще несколько дней постились и худели, так как заботливый игумен, хлопоча о душевном их спасении, следил, чтобы они не трогали каши, предназначенной свиньям.

А свиньи удивительно раздобрели. Трудно даже себе представить, чтобы можно было так быстро разъесться после такой длительной голодовки. И чем больше худели монахи, тем быстрее поправлялись свиньи. Это прямо бросалось в глаза.

И вот однажды отец Леонардус увидал, что свиньи чего-то ищут во дворе, что-то жуют. Подошел поближе: оказывается,

они подлизывают получившийся вместо философского камня и выброшенный им во двор порошок.

Он вошел в часовню и пал на колени. Ему сразу стало ясно, что господь смилостивился над ним, и он открыл камень жизни – не жизненный эликсир и не философский камень, а питательное средство, животворящий, бодрящий экстракт.

В тот же день он пошел с несколькими монахами на служивший лобным местом холм возле Штальгаузена – за землей, необходимой для добычи камня жизни.

Когда этого камня был приготовлен порядочный запас, игумену Леонардусу стало жаль своих бедных, исхудалых монахов. Ему захотелось, чтобы они тоже потолстели, как свиньи: он велел добавить в предназначенную для них черную кашу истолченного в порошок камня жизни и, лакомясь поросенком, с радостью наблюдал, как охотно они ее поедают.

К утру все сорок монахов померли в страшных мучениях, и отец Леонардус остался один.

Камень жизни был не что иное, как сурьма. Ее открыл в 1460 году игумен Штальгаузенского монастыря в Баварии Леонардус, назвав ее в шутку по-латыни «антимонием» (то есть средством «против монахов»).

Сам отец Леонардус и в дальнейшем всю жизнь разводил свиней, которым сурьма не только не вредит, но от которой они толстеют, – так что по желанию германского императора ему был пожалован графский титул.

УШИ СВЯТОГО МАРТИНА ИЛЬДЕФОНСКОГО*

В середине шестнадцатого столетия в Толедо, в Испании, произошло следующее событие.

Братство св. Антония, бывшее главной опорой инквизиции, к своему ужасу неожиданно обнаружило, что по всему Толедо распространяется беггардизм*, особое еретическое учение, проповедывавшееся досточтимым Мартином Барбарелло, сожженным за это учение на костре святой инквизицией. Само собой разумеется, что прежде чем сжечь его, святые отцы раздробили ему все кости на лестнице для пыток, которую изобрел папа Иоанн IV. Это орудие пытки состояло из целого ряда отдельных остроумных приспособлений, развинчивая и свинчивая которые и постепенно разжимая и сжимая их, можно было медленно разрывать или сжимать тело, дробить кости и суставы еретиков, причем каждое из этих интересных приспособлений носило свое собственное название: например, голень св. Иосифа, скула божьей матери, ребра св. Петра и пр. Каждое такое приспособление имело свое определенное назначение. Если, скажем, главный инквизитор просил принести «набивалку св. Валентина», можно было с уверенностью сказать, что еретика, для совершенного изгнания дьявола из его грешного тела, будут медленно превращать в колбасу.

Братство св. Антония действительно находилось в большом затруднении, так как беггарды начинали совершенно открыто чествовать память разрубленного на куски и сожженного Мартина Барбарелло. Казалось, что весь город Толедо дал обет принять мучения святой инквизиции во имя беггардийского бакалавра.

Святая церковь с помощью своей инквизиции сжигала, вешала, топила, четвертовала, душила, колесовала, сажала на кол, подвешивала на крючья, вырывала языки толедцев, но ничто не помогало. Они отказывались от католицизма и мужественно исповедовали учение Мартина Барбарелло.

Поэтому братство св. Антония сочло необходимым обратиться за советом к преподобным отцам францисканского монастыря Великой черной св. Маргариты, чья икона, находившаяся в севильском соборе, прославилась тем, что на нарисованных ногах великомученицы каплями выступал пот. Этот пот за недорогую плату слизывали потом верующие паломники. Так как вся выручка от продажи пота шла в кассу севильского архиепископа, то впоследствии в связи с этим возникла шуточная испанская поговорка: «Полижи, архиепископ, себе ногу!»

Братия монастыря Великой черной св. Маргариты никогда не могла простить этого чуда севильскому собору. Собственно идея с потением ног исходила от них и была личным изобретением члена их ордена Доминика, который все приспособление для вызывания пота позорно продал в Севилью, за что его заживо замуровали в монастырскую стену. А чтобы как-нибудь себя развеселить, аббат монастыря замуровал вместе с ним и большого дикого кота. Ах, как смеялись потом монахи, когда, собравшись вечером в трапезной, они строили догадки о времяпровождении отца Доминика в обществе черного дикого кота.

А однажды, когда аббат шутливо заметил, что кот наверное читает ему молитвенник, они так смеялись, что монах Доминиканиус из монастыря св. Ипполита лопнул от смеха, и у него из живота вывалились внутренности.

Все сказанное свидетельствует о чрезвычайной изворотливости францисканцев* монастыря Великой черной св. Маргариты. Действительно, они приобрели большой опыт в борьбе с еретиками и всегда быстро принимали решения. Поэтому-то к ним в затруднительных случаях обращались за советом даже главные инквизиторы.

Собственно говоря, за советом шли к аббату Фернандо, пользовавшемуся за свои заслуги перед святой церковью наи-

большим уважением. Он был автором знаменитой книги «Шестьдесят способов, как изгнать дьявола при помощи воды». Кроме того, уже около десяти лет пользуются его способом свежевания гугенотов, беггардов, кальвинистов* и евреев. Не менее он прославился своим сочинением, правда, более теоретического характера, в котором доказывал, что при пытках еретиков дьявол всегда выходит из тела через левое ухо, ибо по собственному опыту аббат убедился, что череп всегда лопается в этом месте. Поэтому он предлагал при пытках употреблять завинчивающийся цилиндр св. Эмериха, устраняющий этот недостаток. Кроме того, он был известен не только как автор духовных сочинений, но и как никем не превзойденный администратор и работник в области экономики и хозяйства монастыря. За два года он сделал для своего монастыря больше, чем мог бы сделать самый хороший аббат за десять лет. Недалеко от монастыря в пещере он организовал явление св. Цецилии, для чего воспользовался глупой пастушкой, с которой монахи часто занимались амурными делами.

По другую сторону монастыря он выкопал чудодейственный колодец св. Иллариона, для продажи воды из которого потребовалось наладить производство глиняных кувшинов. Вода эта потом прославилась на всю Испанию, и за ней приходили паломники даже с Пиренеев.

Вскоре оказалось, что колодец, дававший в день не более двадцати пинт воды, не может удовлетворить потребности всех паломников.

Поэтому аббат Фернандо приказал провести канал от недалеко протекавшей речки Мирбы, куда многочисленные пилигримы сбрасывали нечистоты. Канал вел во двор монастыря, где был устроен большой водоем. Из этого водоема затем было проведено два канала: один в чудодейственный колодец, а другой в монастырскую уборную. Это была первая попытка в испанском королевстве ввести канализацию. Таким образом, колодец св. Иллариона оказался своеобразным филиалом монастырской уборной.

Доходы от продажи чудодейственной воды первое время намного превышали доходы с пещеры, где явилась св. Цеци-

лия, но благодаря промыслу божию случилось новое чудо: глупая пастушка родила мальчика с шестью пальцами на ногах и руках, точь-в-точь как у монаха Онесифона из монастыря Великой черной св. Маргариты.

Чудо о мальчике с шестью пальцами, родившемся от святого духа, распространилось с быстротой молнии по всей Испании.

После этого в Толедо поймали еврея, притащили его к пещере и торжественно сожгли в честь св. Цецилии.

На это интересное зрелище приезжала посмотреть даже сама королева с маленьким инфантом, который хлопал в ладоши и даже изволил подложить немного хворосту на костер.

Затем к ребенку, рожденному от святого духа, привели мавра, который сорвался с виселицы. Его приговорили к повешению за то, что он, желая опозорить христианство, ежедневно, став лицом на восток, произносил слово «Христос» наоборот: «сотсирх, сотсирх, сотсирх». Мавр все время оправдывался тем, что он выкрикивал по-арабски первое слово шестнадцатого стиха алкорана*, которое в переводе означает: «верую, верую, верую».

У пещеры св. Цецилии его должны были посадить на кол, но, увидев малыша, рожденного от святого духа, он неожиданно разрыдался на всю округу.

Святой ребенок ему улыбнулся и вцепился руками в его черную бороду. Мавр испугался и заявил, что он не позволит посадить себя на кол, прежде чем не примет христианство. Это желание его было исполнено, после чего его посадили на кол уже со святым распятием в руке.

Таким образом, торговые дела монастыря процветали, и жилось в нем настолько хорошо, что туда два раза в неделю наведывался главный инквизитор Альмано де Базза.

Он привозил с собой несколько молодых девиц, обвиняемых в колдовстве и в сношениях с дьяволом.

Главный инквизитор применял на практике идеи досточтимого аббата Фернанда, который утверждал, что, если колдунью раздеть донага и оставить в монастырской ризнице на всю ночь с монахом, у которого будет висеть на шее амулет св. Парамония, то из нее выйдет дьявол, так как он не перене-

сет присутствия тонзуры, амулета и монастырской обстановки. Благодаря этим мерам много колдуний избежали костра и были возвращены в лоно церкви. Колдуний, из которых вышел дьявол, монахи оставляли в монастыре для работы по хозяйству и главным образом для доенья коров.

Итак, к этому аббату Фернанду решило обратиться братство св. Антония.

Когда прибыла депутация этого братства, во главе с заместителем толедского градоначальника грандом Мануэло Фаненас Элькvадала, главный инквизитор и аббат Фернандо сидели в трапезной, расписанной кистью старинного испанского художника.

В этом большом помещении, предназначенном исключительно для утоления голода монахов, стены были украшены живописью; рассматривая ее, францисканские монахи всегда думали о том блаженстве, которое предоставляет им по своей доброте не забывающий их господь бог.

На стенах было изображено, как бог бросает с неба целые окорока, жареных цыплят, колбасы, форелей из Невады, самых вкусных морских крабов из Бийского залива. И все это подбирают францисканские монахи. Бог, видимо, всячески о них заботится. Вот в капкан попала серна, и для того чтобы она не протухла, два ангелочка-херувимчика непрестанно дуют ей в зад. Кроме того, весьма многозначительная картина написана перед входом в трапезную: бог посылает своих ангелов для поддержания огня в очаге, где жарится на вертеле дикий кабан. Маленький мускулистый ангел все время поворачивает этот вертел, а внизу поучительный латинский стих: «Огонь – радость верующих и горе еретиков».

Итак, в эту трапезную пришла депутация просить совета как бороться с распространением еретических учений Мартина Барбарелло.

Я сказал, что в трапезной сидели двое – это правда, но, кроме них, там был третий, к сожалению, не сидевший, а уже лежавший в углу, свернувшись, как огромный пес, которых в то время разводили при дворце королевы Аррагонской. Это был отец-эконом, который не мог выдержать общества и особенно времяпровождения аббата и главного инквизитора и свалился.

Но те еще нашли в себе силы встать и приветствовать депутацию братства св. Антония, после чего все сели, перекрестились и воскликнули: «Да здравствует святой Антоний!».

Подкрепившись вином Биро, прозванным в шутку за свой красный цвет и густоту еретической кровью, они приступили к дебатам о том, как вернее отбить охоту у еретиков почитать память Мартина Барбарелло.

– Древний кастильский стих, – сказал гранд Мануэло Фаненас, – говорит, что в Севилье самый большой, в Толедо самый богатый, а в Компостле самый красивый костел. Теперь, однако, стих можно изменить так: в Севилье меньше, а в Толедо больше еретиков.

– Хорошо же, – сердито сказал главный инквизитор Альма-

но де Базза, – вы знаете, что я делал все, что было в моих силах. Я организовал уже три Варфоломеевские ночи*, я разрешил королевским мушкетерам присутствовать на майском торжестве, насадив на пики детей тех, кто следует учению Мартина Барбарелло. Что же нам еще делать? Вы сами хорошо знаете, что было бы совершенно излишне устраивать четвертую Варфоломеевскую ночь в Толедо. Если в последнюю Варфоломеевскую ночь мы убили не больше двадцати еретиков, то теперь мои солдаты не убили бы ни одного последователя проклятого Мартина Барбарелло, так как и они, мои солдаты, сами исповедуют учение этого проклятого еретика. Теперь уже не то, что было пять-шесть лет тому назад! Солдаты св. инквизиции сделались еретиками! Подумайте, до чего мы дошли! Это между нами, конечно. Недавно в застенок попал один еретик, который учил, что земля шарообразна и что она вертится. Его должны были подвергнуть шестистепенной пытке, чтобы он признался в сношениях с дьяволом. Прихожу это я в подвал и вижу: вместо того, чтобы орать благим матом на лестнице пыток, сей муж сидит себе с палачом и с палачовыми помощниками-негодяями на куче испанских сапог, они спокойно попивают чистый spiritus vini и при этом рассказывают друг другу анекдоты из жизни двора королевы Изабеллы Католической*. А на пергаменте уже было написано, что бакалавр отказался от своего учения о шарообразности земли и признался, что эту мысль нашептал ему дьявол, что он признает католическую веру и так далее. Причем присутствующий при этом писарь инквизиционного суда, который, кстати сказать, был совершенно пьян, приписал еще примечание, что этот бакалавр по милости божьей выдержал всю шестистепенную пытку, что все раны при этом чудесно зажили, и что он видел собственными глазами, как ангелы снимали его с лестницы. А палач и его бездельники были настолько дерзки, что утверждали, будто писарь ошибается: – не два, мол, ангела снимали с лестницы бакалавра, а три, и четвертый ангел играл с двумя испанскими сапогами.

– Как видите,– продолжал главный инквизитор, – я оказался в идиотском положении, и мне ничего не оставалось как

только назначить этого мерзавца бакалавра викарием храма св. Онуфрия Саламанского. Вы ведь знаете, что, кроме главного инквизитора, я еще по совместительству архиепископ, – поэтому должен быть политиком и дипломатом. Я пришел к тому заключению, что сожжение, раздробление костей, четвертование, вешанье и прочее – все это бывает полезно от случая к случаю, потому что взгляды и положения с течением времени меняются. Мы никогда не могли себе ни представить, ни предположить, что настанет время, когда палач с человеком, предназначенным к пыткам, станут пить Spiritus vini. Раньше мы вешали еретиков, а теперь, если дело пойдет так и дальше, начнут вешать нас.

Отец-эконом, свернувшийся клубком на полу, что-то бормотал во сне: «Вместо кусков мраморной стены дайте оленьего мяса, нашпигованного салом арагонских поросят.»

– Мы находимся в упадке, – задумчиво сказал главный инквизитор.

Аббат Фернандо добродушно улыбнулся.

– Не стоит на это обращать серьезного внимания, мои дорогие. Если культ Мартина Барбарелло имеет такой большой успех, то исключительно по нашей вине. Почему мы до сих пор не дали народу какого-либо святого, который стал бы популярным в широком смысле этого слова?

– Советом нашего братства святого Антония, – сказал председатель братства, – вместе с советом досточтимого братства Сан-Яго и братства де-Лос Рейес Навос по этому вопросу уже вынесено решение – обратиться к вам, святой отец Фернандо, с просьбой, чтобы ваша милость дала испанскому королевству нового святого.

Аббат Фернандо осушил большую глиняную кружку вина Биро, на которой с одной стороны были выжжены следующие слова: «Господи боже, отче небесный, благослови нам дары, что по твоей щедрости мы принимаем», а на другой стороне был вылеплен барельеф кастильской крестьянки в бесстыдной позе.

Аббат Фернандо, поглаживая изображение нагой крестьянки, смело спросил гранда Мануэло Фаненас Эльквадала:

– Вам, мои дорогие, желательно нового святого с легендой или без легенды?

Депутация ордена св. Антония единогласно ответила:

– С легендой, ваше преподобие.

– Хорошо, – сказал аббат, – через неделю у вас будет новый святой с легендой, но я надеюсь, что гранд Эльквадала подарит мне кое-какие угодья с лесами Марены.

– Безусловно, ваше преподобие, клянусь богом, – ответил гранд, – кроме того, я прибавлю вам двух мавританских рабынь, весьма искусных в делах любви.

– Я просил бы, – сказал главный инквизитор, – чтобы досточтимый аббат назвал нового святого также Мартином для того, чтобы заменить Мартина Барбарелло и этим облегчить борьбу с беггардийской сворой.

Аббат Фернандо честно исполнил свое обещание. В летописях города Толедо он нашел сообщение о том, что в 1490 году в Гренаде, после того как город был отнят у мавров королевой Изабеллой Католической, жил архиепископский писарь Мартин из Ильдефонса, который в Севилье обокрал церковь св. Якова и дароносицу продал евреям. Он был судим королевским судом в Толедо и присужден к отрезанию ушей и утоплению в реке Тахо, в которую его, зашитого в овечью шкуру, политого смолой и зажженного, бросили с моста. Таким образом Мартин Ильдефонский плыл по реке в полной своей славе при свете горящей смолы, которая создавала вокруг него своеобразный ореол.

В общем это был человек, житием которого можно было великолепно манипулировать, а его самого выдать за святого. Досточтимый аббат Фернандо немедленно же написал главному инквизитору, чтобы тот послал ему пару свежеотрезанных человеческих ушей.

В это время в Толедо в заключении у св. инквизиции находилась одна дама Инесса Ладро, обвинявшаяся в том, что она научила говорить своего кота, который потом без всякой надобности произносил имя божие.

Кот мужественно перенес все пытки, собственно они не были значительны, так как для пытки кота инквизиция не имела

соответствующих приспособлений. Палач отрубил ему хвост, на этом и успокоился. Кот, однако, ни в чем не признался и даже для того, чтобы спрятать концы в воду, удрал из заточения.

Затем госпожа Инесса Ладро под пытками призналась, что кот не переносил крестного знамения, что он был желтый, короткошерстый и однажды, ловя мух, опрокинул на себя бутылку со святой водой. После этого кот, страшно фыркая, выбил окно и убежал. Вернулся он на другой день в полночь, но уже черным и длинношерстым. Из его глаз вылетал огонь, а во рту дымилась сера, причем он громко с кастильским акцентом кричал: «Будь проклят Христос!».

Подвергнутая новым пыткам, Инесса Ладро это свое показание дополнила следующим:

Кот питался исключительно святым причастием, которое она по его приказанию ежедневно раздобывала во всех церквах Толедо. Затем она призналась, что в течение нескольких лет в великую пятницу и субботу совершала с котом грех прелюбодеяния. Кот знал несколько латинских молитв, причем после каждого слова мяукал. Когда он был в хорошем настроении, то рассказывал ей, будто он происходит из поколения узурласских дьяволов и хвастался, что во время бегства святого Иосифа и божьей матери из Вифлеема он всыпал в нос Иисусу щепотку нюхательного табаку, по каковой причине святой младенец всю ночь чихал.

Одним словом, достопочтенный аббат Фернандо получил от главного инквизитора пару отрезанных ушей госпожи Инессы Ладро, признавшейся, что в течение десяти лет она жила с самым дьяволом Узурлассом.

Главный инквизитор впоследствии рассказывал, что в тот день, когда госпожу Инессу должны были сжечь на костре перед собором, он видел в своей спальне большого черного кота с отрубленным хвостом. Он подошел к кресту, послюнил его и исчез, оставив после себя запах серы.

Получив уши, аббат Фернандо уложил их пока в церковную чашу, залив на время вином и алоевым соком. Затем он приказал объявить во всех церквах, жилищах, кабаках и домах терпимости, что бог в своей бесконечной доброте еще не

забыл Толедо, несмотря на то, что город предался блуду и совращенные беггардийскими еретиками толедцы уже перестали верить в чудеса. Милосердный бог делает последнюю попытку спасти грешный город и вывести его на путь спасения. Бог посылает толедцам в знак отпущения их грехов чудо св. Мартина Ильдефонского, утопленного в Тахо за то, что он не выдал королю тайны исповеди его жены королевы Изабеллы Католической. Объявляется всем гражданам, что в течение тридцати дней во всех соборах будут совершаться торжественные богослужения, во время которых лучшие проповедники будут говорить о великом чуде св. Мартина Ильдефонского, жертве тайной исповеди, мученике, чьи отрезанные уши были найдены на этом же месте, в реке Тахо, куда, зашитый в овечью шкуру, был брошен святой угодник. Уже в те времена, при жизни и после смерти святого, среди богобоязненного народа шла молва о том, что настанут дни, когда святая церковь придет в упадок, и тогда объявятся мощи св. Мартина Ильдефонского. Монах Джоагимез, из монастыря Великой черной св. Маргариты, собираясь ловить рыбу для своего бедного монастыря, видел чудесный сон. Во сне к нему явился архангел Гавриил и сказал: «Иди ловить рыбу в речку Тахо, под мост св. Квератора. Бог осчастливит твои сети чудесным уловом. Ты из воды вытащишь уши св. мученика Мартина Ильдефонского, которому бог судил услышать исповедь королевы Изабеллы, пострадать, а ушам – остаться нетленными.»

Эта легенда, так мастерски распространенная досточтимым аббатом Фернандо, понравилась толедцам, которым давно надоели дела с лестницами пыток и другими чудесными приманками святой инквизиции.

В тот же вечер, когда легенда получила гласность, по улицам Толедо потянулись толпы фанатиков, кричавших: – «Да здравствует св. Мартин Ильдефонский, исповедник королевы Изабеллы Католической!»

Эти крики продолжались до поздней ночи.

В одном месте к толпе вышел монах из братства св. Якова и произнес речь в том духе, что король Фердинанд, который двести лет тому назад, во время войны с маврами отрезал уши св. Мартину Ильдефонскому, был тайным последовате-

лем еретического учения альбигойцев* и беггардов. Затем он только намекнул, что не мешало бы устроить маленькую Варфоломеевскую ночь для еретиков и евреев. Этот его намек был прекрасно понят и с необычайным рвением приведен толпой в исполнение; правда, верующие больше обращали внимание на еврейские магазины, чем на беггардов. Так, долго можно было наблюдать, как Христово воинство растаскивало перины из еврейских домов с криками: «Да здравствуют уши святого Мартина Ильдефонского!» А на другой день (это было как раз в праздник Успения) общими усилиями братства св. Антония, св. Якова и де-Лос Рейес Навос, вместе с монастырем Великой черной св. Маргариты, организовали торжественную процессию по городу Толедо. Под особым балдахином впереди всех шел главный инквизитор с его преподобием аббатом Фернандо, и каждый из них нес на бархатной подушке белое ухо госпожи Инессы Ладро, причем монахи монастыря Великой черной св. Маргариты пели следующий стих:

О преподобный душелюбящий, святой Мартин Ильдефонский,
Мученик за святую исповедь! Мы клянемся страданием
Твоих святейших ушей и болезнями твоими.
Обмой в своей крови грешников всего мира.
Ради твоих нетленных ушей помилуй нас!

Так возникла легенда о святом Мартине Ильдефонском, которая затмила собой культ замученного Мартина Барбарелло. Его уши до сих пор находятся в толедском кафедральном соборе, а его память празднуется 11 сентября.

Пока испанский закон о наказаниях допускал перед ссылкой на галеры уличенным в воровстве и грабежах отрезать уши, толедский собор всегда на 11 сентября получал сотни нетленных ушей святого Мартина Ильдефонского. После отмены указанного закона толедский кафедральный собор стал получать уши непосредственно из университетской клиники.

ЧАГАН-КУРЕНСКИЙ РАССКАЗ

У монгола Сакаджи из племени халхасов в Чаган-Курене было пять верблюдов, двенадцать лошадей, восемнадцать быков и пятнадцать баранов. Был у него также свой бог – Уисон-Тамба. Он стоял у него перед кибиткой на деревянной подставке. У бога была физиономия пьяницы. По обе стороны от истукана стояли два маленьких истуканчика с высунутыми в знак почтения языками. Однажды с севера пришла большая вода и унесла бога Уисон-Тамбу, двух верблюдов, трех лошадей, пятерых быков и четырех баранов.

Сакаджа остался на некоторые время без бога. И, прекрасно обходясь без него, сам съедал чашку жареного проса, которую до того ежедневно приносил в жертву Уисон-Тамбе. Прежде ее съедал старичок лама, нищенствующий служитель Уисон-Тамбы, ходивший по кибиткам и кравший просо у господа бога, пользуясь при этом всеобщим уважением.

В то время по Чаган-Курену странствовал миссионер Пике. В одежде монгольского пастуха, с желтой шишечкой на шапке, он ездил по долине реки Пага-Гола, проповедуя католическую веру и страдая от насекомых под названием «ту-лакци», то есть красных вшей, сильно докучавших ему в его миссионерских трудах.

При этом он принимал от всех, кому проповедовал новое учение, не только сапеки – мелкую монету грубой чеканки, но и унции серебра; кроме того, вел бойкую меновую торговлю, приобретая собольи шкурки по поручению крупных торговцев в Пекине, и выполнял функции «яочанг-ти», то есть «вымогателя налогов».

На доходы от молитв он откупал долги пастухов в этом богатом травой крае и на основании императорских законов наживал проценты с процентов, а также весьма успешно занимался всевозможными интригами, умело сочетая их с истинной верой и западными молитвами.

В то время как даже самым крупным хищникам, грабившим монгольский народ, не удавалось содрать со своих жертв более трехсот процентов, достопочтенный отец Пике брал не меньше пятисот, так как кроме долговых обязательств пускал в ход и нового бога, во славу которого звенело серебро.

Пике отличался необычайным красноречием. За несколько лет перед тем в стране ортушей на него напали разбойники. Достопочтенный отец Пике обратил их в христианство и обобрал до последней сапеки, собственноручно повесив на шею каждому медный крестик. С тех пор ортушские разбойники стали нападать на караваны во имя нового бога.

Позже, когда миссионер Пике, покинув долину реки Пага-Гола, перенес свою деятельность в страну халхасов, торговые операции его пошли менее удачно. Он вернулся бы на прежнее место, если бы река, разлившись, не отрезала его от страны обетованной, принудив остаться там, где уже до его прихода царила бешеная конкуренция между служителями культа. Китайские священники и ламы из Сок-по-ми обчистили страну на год вперед, и в ней, кажется, не осталось кибитки, где можно было получить хоть сапеку. Только в скрытой холмами долине Гобильхану не появлялись посланцы бога Фо и бога Самчимичебату. Там-то как раз и жил Сакаджа – без бога.

Когда достопочтенный отец Пике явился в эту долину, гостеприимный Сакаджа пригласил его к себе в кибитку и угостил чаем с овсяными лепешками, печенными в золе.

– Храни тебя бог, – сказал миссионер, утолив голод. – Пошли он тебе мир и счастье!

– У меня нет бога, – ответил Сакаджа. – Мой бог Уисон-Тамба уплыл от меня во время дождей. Но я продам коней и куплю себе в Голубом городе нового бога.

– Сын мой, – возразил отец Пике. – Уисон-Тамба не был истинным богом, и потому его унесла вода. Так повелел всевышний, предвечный и всемогущий. Но без бога тебе быть не-

льзя, и ты поступишь правильно, если продашь не одного, а трех коней и приобретешь бога, втрое более могущественного, чем Уисон-Тамба, ибо предвечному угодны такие жертвы . . .

И долго, до поздней ночи, пока на озере не крикнула ночная птица юэн, беседовал достопочтенный отец Пике с Сакаджой о презрении к суете мирской.

Когда же они утром встали с верблюжьих войлочных подстилок и Сакаджа совершил преклонение перед Прастарым, то есть Солнцем, отец Пике начал так:

– Сын мой милый, ты вчера говорил мне, что у тебя после наводнения осталось девять коней. Какой тебе толк от этих девяти коней, если ты не имеешь смирения и усердия к единому истинному богу, пославшему тебе знамение и предостережение в виде наводнения, которое унесло ложного бога? Будь

у тебя хоть тысяча коней, какой в этом толк, если нет над тобой милости господней?! Но у тебя только девять коней. Продай их, сын мой, и полученное серебро вручи мне. Ибо суетно алкать призрачного богатства. Отврати сердце свое от любви к мирскому, прилепись душой к вещам невидимым, готовься со своими конями в дорогу. Я поеду с тобой в Голубой город и сам обращу их в наличные, чтобы удержать тебя от греха суетности.

Продав в городе коней, отец Пике сунул деньги к себе в пояс, и Сакаджа по возращении попросил его поставить на пустой столб нового бога.

– Еще не время, сын мой, – возразил достопочтенный муж. – Ибо ты еще потакаешь своим мирским желаниям и держишь трех верблюдов. Собирайся завтра в дорогу, ибо я продам их, сын мой. Пусть не насыщается око твое их лицезрением и не наполняется слух звуками их шагов.

И продали они верблюдов в Голубом городе; и ответил, пряча унции серебра к себе в пояс, отец Пике Сакадже на вопрос о том, поставит ли он ему сегодня бога на пустой столб:

– Воздержись от чрезмерного любопытства, ибо этим можно прогневить бога. Знай, милый сын, что еще не пришло время: ты хвалился в харчевне «Трех совершенств», что держишь еще тринадцать быков. А ведь даже самые прекрасные быки – суета и тщеславие. Ты холишь их, пася в степи и невоздержанно стремясь к тому, чтобы они тучнели и благоденствовали. В душе твоей дремлет столько низменных влечений, что тебе необходимо покаяться. Покаяние примирит тебя с богом. Не возлагай надежд на предметы земные, сын мой. Продай быков своих, ибо, кто питает истинную любовь к богу, тот равнодушен ко всем житейским радостям.

И продал он быков, и осталось у Сакаджи только одиннадцать баранов.

– Я окрещу тебя, милый сын мой, – сказал торжественно отец Пике, – и, как только мы съедим этих баранов, пойду дальше проповедовать истинную веру.

Сакаджа был окрещен, и они стали каждый день кушать баранину, беседуя о новом учении.

– Святой отец, – сказал как-то Сакаджа, указывая на дере-

вянный крест, сделанный отцом Пике после обряда крещения и установленный им на пустом столбе. – Ты говоришь, что это только знамение, которое ты, как посланник божий, поставил мне на столб. Я великий грешник, и мне мало этих двух сколоченных крест-накрест досок. Мне бы хотелось, чтобы ты остался у меня как посланник божий. Чтобы в доме моем было побольше этой новой веры.

– Это невозможно, сын мой: южные страны Хиахопо и У-фу-тьен до сих пор лишены радостей правой веры.

– Святой отец, – печально промолвил Сакаджа, – если я не могу иметь бога на столбе, то хочу, чтобы возле меня хотя бы был ты – его посланник.

Ночью, когда достопочтенный отец Пике уснул, благочестивый Сакаджа задушил его и зарыл перед своей кибиткой, под столбом со знамением новой веры, озарившей его монгольскую душу. В поясе достопочтенного отца Пике он нашел в пять раз больше унций серебра, чем тот выручил за его верблюдов, быков и коней.

На каждой из этих унций почила благодать божья.

Благочестивый Сакаджа накупил в пять раз больше верблюдов, коней и рогатого скота, чем у него было до прихода достопочтенного отца Пике. Он спокойно сидел у столба, под которым зарыл посланника божьего, желая иметь его всегда под рукой, отменно толстел, приняв новую веру, и давил на себе вшей, чего не делал прежде, когда верил в переселение душ.

Одного только не мог он понять. Почему миссионер, приехавший к нему через год после погребения достопочтенного отца Пике под столбом, так быстро поспешил на юг, когда Сакаджа, сияя от радости, вышел ему навстречу со словами:

– Услышь мою просьбу, святой отец, войди ко мне в кибитку. У меня под этим столбом уже есть один посланник божий.

Святой отец не проявил сочувствия к этой внушенной благочестивым рвением коллекционерской страсти набожного Сакаджи и ничем на нее не откликнулся. А Сакадже не удалось снять его с коня пулей.

И остался Сакаджа при одном только посланнике божьем.

БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК ПЕРЕД ВОЙНОЙ

1. ПОХОД ШВЕЙКА ПРОТИВ ИТАЛИИ

Швейк шел на военную службу в веселом настроении. Ему хотелось просто поразвлечься, а получилось так, что он нагнал страх на весь гарнизон города Триента* с его начальником во главе.

Швейк всегда улыбался, был любезен в обращении, и, очевидно, поэтому его все время сажали в тюрьму. Выйдя из заключения, он с улыбкой отвечал на все вопросы и совершенно спокойно опять давал себя запереть, в душе довольный тем, что его боятся все офицеры триентского гарнизона. Не грубостью, а, наоборот, учтивыми манерами и приветливыми, дружелюбными улыбками – вот чем он приводил их в отчаяние. При появлении инспектора Швейк, сидя на койке и улыбаясь во весь рот, вежливо приветствовал его словами:

– Слава Иисусу Христу, осмелюсь доложить.

Эта искренняя, добродушная улыбка заставляла офицера Валька скрежетать зубами. Он охотно поправил бы на голове у Швейка фуражку, чтобы та сидела согласно уставу, но теплый, задушевный взор Швейка мешал ему что-либо предпринять.

Как-то раз в казарму вошел майор Теллер. Окинув суровым взглядом вытянувшихся возле своих коек солдат, Вальк скомандовал:

– Швейк, подайте сюда винтовку!

Швейк добросовестно выполнил команду, только вместо винтовки принес ранец. С ненавистью глядя на славную наивную физиономию Швейка, майор Теллер спросил:

– Ви не знайт, что такое винтовк?

– Так точно, не могу знать, – был ответ.

Швейка повели в канцелярию. Принесли винтовку, сунули ему под нос.

– Что это такое? Как называется?

– Не могу знать.

– Это винтовка.

– Не могу знать.

Его отправили в тюрьму, и вдобавок тюремщик счел своим долгом обозвать его ослом. Но солдаты ушли на тяжелые ученья в горы, а Швейк преспокойно остался сидеть за решеткой с улыбкой на устах.

Не зная, как с ним быть, его назначили в столовую для вольноопределяющихся – прислуживать за обедом и ужином. Он накрывал на стол, разносил кушанья, пиво, вино, потом скромно садился у двери и курил, время от времени объявляя:

– Осмелюсь доложить, господа: господин офицер Вальк – хороший человек, очень хороший!

При этом он улыбался, выпуская в воздух клубы дыма.

В столовую зашла инспекционная комиссия, и какой-то новый офицер имел неосторожность спросить скромно стоящего у двери Швейка, какой он роты.

– Не могу знать.

– Тысячу чертей! Какой здесь полк?

– Не могу знать.

– Как называется город, в котором расположен здешний гарнизон?

– Не могу знать.

– Ты что, с неба свалился?

– Никак нет, – ответил Швейк с милой улыбкой, глядя на офицера наивным, доверчивым взглядом. – Я родился, потом ходил в школу. Потом выучился столярному ремеслу. Потом привели меня в одну корчму и заставили раздеться догола. Через несколько месяцев пришла за мной полиция, и меня отвели в казармы. Там меня осмотрели и говорят: «Вы, дескать,

не явились вовремя на призыв, три недели просрочили. Мы вас арестуем». «За что? – спрашиваю. – Я ведь и не собирался идти в армию и даже не знаю, что такое солдат...» Все-таки арестовали меня, на поезд посадили и привезли в одно место, откуда мы сюда пришли. Я никого не спрашивал, какой полк, какая рота, какой город, чтобы ненароком не обидеть кого. На ученье меня сразу арестовали из-за того, что я в строю закурил, – что тут такого, не знаю. Потом арестовали, когда я насчет потери штыка заявил. Потом я на полигоне чуть не застрелил господина полковника... Теперь вот господам вольноопределяющимся прислуживаю.

Бравый солдат Швейк проговорил все это, глядя на офицера таким ясным, детским взглядом, что тот не знал, сердиться или смеяться.

Наступил сочельник. Вольноопределяющиеся устроили в столовой елку, и после ужина полковник произнес трогательную речь на тему о том, что вот родился Христос и радуется при виде хороших солдат, а хороший солдат должен сам на себя радоваться...

Вдруг торжественное выступление было прервано возгласом:

– Это как есть! Так точно!

Возглас вылетел из уст бравого солдата Швейка, который стоял, никем не замеченный, среди вольноопределяющихся, весь сияя.

– Sie, Einjähriger![1] – взревел полковник. – Кто это крикнул?

Швейк с улыбающейся физиономией выступил из рядов.

– Так что, господин полковник, я прислуживаю господам вольноопределяющимся и больно мне понравилось, что вы сказать изволили. Сразу видать – от чистого сердца!

Когда в Триенте било полночь, бравый солдат Швейк уже больше часу сидел в холодной.

На этот раз он просидел довольно долго, но потом ему повесили штык на пояс и направили в пулеметную часть.

Проводились большие маневры на итальянской границе, и бравый солдат Швейк выступил вместе с армией.

[1] Вольноопределяющийся (нем)

Перед походом он слушал объяснения кадета:

– Представьте себе, что Италия объявила нам войну и мы выступаем против итальянцев.

– Что ж, повоюем! – крикнул Швейк, за что получил неделю ареста.

Отбыв наказание, он был отправлен вместе с тремя товарищами по заключению, под надзором капрала, в свою пулеметную часть. Сперва двигались долиной, потом углубились в горы; и там, как можно было ожидать, Швейк потерялся в густом лесу на итальянской границе.

Пробираясь сквозь кустарник, он напрасно искал глазами своих, пока не очутился – благополучно, в полном вооружении – по ту сторону итальянской границы.

Там бравый солдат Швейк отличился. В это время возле самой границы с Австрией, на итальянской территории, проводила маневры миланская пулеметная часть; восемь солдат и мул с пулеметом вышли на равнину, которую внимательно осматривал бравый солдат Швейк.

Итальянские солдаты, ничего не подозревая, легли в тень и заснули, а мул с пулеметом принялся важно щипать траву, все более от них удаляясь, пока не подошел к тому месту, откуда Швейк с улыбкой наблюдал за неприятелем.

Бравый солдат Швейк взял мула под уздцы и вернулся в Австрию с итальянским пулеметом на итальянском муле.

Спустившись обратно по тому же косогору, он пробродил со своим мулом полдня в каком-то лесу и только к вечеру увидел австрийский лагерь.

Сперва охрана не хотела его впускать, так как он не знал пароля, но тут прибежал офицер, и Швейк, встав во фронт и взяв под козырек, отрапортовал:

– Имею честь доложить, господин лейтенант: мной захвачен итальянский мул с пулеметом!

Бравого солдата Швейка отослали в распоряжение гарнизонного начальства, зато нам стало известно устройство итальянского пулемета последнего образца.

2. ШВЕЙК ЗАКУПАЕТ ЦЕРКОВНОЕ ВИНО

Полевой апостольный викарий доктор Коломан Белопотоцкий, епископ Трицальский, назначил священником триентского гарнизона Августина Клейншродта. Между обыкновенным, штатским священнослужителем и священнослужителем армейским огромная разница. В последнем слились воедино религиозность и воинственность; он – воплощение двух разных каст, соединенных вместе. Различие между обоими видами духовенства такое же, как между драгунским лейтенантом, обучающим в военной академии верховой езде, и владельцем ипподрома.

Военный священнослужитель получает содержание от государства – это военный чиновник определенного класса; он имеет право носить шашку и драться на дуэли. Священнослужитель штатский тоже получает вознаграждение от государства, но, для того чтобы жить в достатке, вынужден брать и с верующих.

Обыкновенного священника солдат не обязан приветствовать, а военному должен отдавать честь под угрозой ареста. Таким образом, бог имеет представителей двух родов: штатских и военных.

Штатский должен вести политическую агитацию, а военный исповедует солдат и сажает их под арест, что, конечно, имел в виду господь бог еще в то время, когда создавал нашу грешную землю, и позже, когда создавал Августина Клейншродта.

Проносясь по улицам Триента, этот достойный священнослужитель издали производил впечатление кометы, ниспосланной в виде божьей кары на злосчастный город. Он был страшен в своем величии. Молва утверждала, будто в Венгрии у него уже было три дуэли, кончившиеся тем, что он отрубил носы своим противникам – офицерам, членам того же клуба, обнаружившим слишком мало религиозного рвения.

Нанеся таким образом чувствительный урон неверию, он был переведен в Триент, как раз когда бравый солдат Швейк,

выйдя из гарнизонной тюрьмы, вернулся к себе в часть для дальнейшей защиты родины.

В это время духовный отец триентского гарнизона искал себе денщика и решил лично выбрать подходящего солдата. Что же удивительного в том, что, проходя по казарме, он заметил добродушную физиономию солдата Швейка, ударил его по плечу и сказал:

– Иди за мной!

Бравый солдат Швейк стал было оправдываться, уверять, что не сделал ничего плохого, но капрал толкнул его в спину и повел в канцелярию.

Там после продолжительных извинений унтер-офицер обратил внимание священнослужителя, что Швейк «ist ein Mistvieh»[1], но достопочтенный отец Клейншродт возразил, что «ein Mistvieh kann doch gutes Herz haben»[2].

На это бравый солдат Швейк покорно кивнул. При виде его круглой улыбающейся физиономии и наивных глаз гарнизонный священнослужитель не стал даже просматривать список наказаний, которым бравый солдат Швейк подвергался.

С этого момента Швейк зажил припеваючи: втихомолку потягивал церковное вино и так чистил своему начальнику лошадь, что достопочтенный отец Клейншродт даже похвалил его.

– Осмелюсь доложить, – ответил бравый солдат Швейк, – изо всех сил стараюсь, чтоб была красивая, как ваша милость.

Наступил торжественный день перехода воинских частей в военный лагерь у Кастель-Нуово; по этому случаю предстояло отслужить полевую обедню.

Для церковных надобностей Августин Клейшродт пользовался только нижнеавстрийским вином из Феслау. Итальянского вина он терпеть не мог. А тут как раз запас кончился, и он сказал бравому солдату Швейку:

– Завтра утром отправишься в город за нижнеавстрийским вином из Феслау. Получишь деньги в канцелярии и привезешь

[1] Грязная скотина (нем.)

[2] И у грязной скотины может быть доброе сердце (нем.)

восьмилитровый бочонок. И сейчас же возвращайся! Запомни хорошенько: из Феслау в Нижней Австрии. Марш!

На другой день Швейк получил на руки двадцать крон. А для того, чтобы при возвращении в лагерь его не задержал патруль, ему было выдано удостоверение:

«Командируется для закупки вина».

Выходя из лагеря и шагая по городу, бравый солдат Швейк все время твердил про себя: «Феслау, Нижняя Австрия».

Это занятие он продолжал и на вокзале. И часа не прошло, как он уже преспокойно сидел в поезде, увозившем его в Нижнюю Австрию.

В тот день благолепие торжественной мессы было нарушено лишь горечью итальянского вина в чаше.

К вечеру Августин Клейшродт окончательно убедился, что бравый солдат Швейк – мерзавец, пренебрегший своими воинскими обязанностями.

Лагерь огласился яростными воплями Августина Клейншродта. Вознесшись к альпийским вершинам, они сбегали вниз по долине Адидже к Мерано, куда за несколько часов перед тем с безмятежной улыбкой на устах и радостным сознанием добросовестно исполняемой обязанности выехал бравый солдат Швейк.

Он ехал по долине, проезжал туннели и на каждой станции коротко осведомлялся:

– Феслау, Нижняя Австрия?

Наконец перед добродушной физиономией солдата Швейка появился вокзал Феслау. Там бравый солдат Швейк предъявил человеку в чиновничьей фуражке официальное военное удостоверение: «Командируется для закупки вина». И с любезной улыбкой осведомился, где тут казармы.

Человек в фуражке спросил, имеется ли у него командировочное предписание. Бравый солдат Швейк ответил, что не знает, что это такое.

Тут подошли еще двое в фуражках и объявили Швейку, что ближайшие казармы находятся в Корнейбурге*.

Бравый солдат Швейк взял билет до Корнейбурга и поехал дальше.

В Корнейбурге стоял железнодорожный полк. В казармах

страшно удивились, когда бравый солдат Швейк явился туда ночью и показал охране удостоверение: «Командируется для закупки вина».

– Придется подождать до утра, – сказал караульный. Господин начальник только что лег спать.

Бравый солдат Швейк улегся на топчан с блаженным сознанием, что делает для государства все от него зависящее, и спокойно уснул.

Утром его отвели в складскую канцелярию. Там он показал бухгалтеру в чине унтер-офицера свое удостоверение: «Командируется для закупки вина» – с печатью «Полевой лагерь Кастель-Нуово, 102-й полк, 3-й батальон» и подписью дежурного офицера.

Унтер-офицер, пораженный, отвел Швейка в полковую канцелярию, где тот был опрошен полковником.

– Так что прибыл по приказу его преподобия гарнизонного священника Августина Клейншродта из Триента, – объяснил бравый солдат Швейк. – Имею приказ доставить восьмилитровый бочонок церковного вина из Феслау.

Было созвано совещание. Простодушная, наивная физиономия Швейка, его строгая военная выправка, предъявленное им удостоверение «Командируется для закупки вина», надлежащим образом скрепленное подписью и печатью – все это произвело самое благоприятное впечатление, в то же время до крайности запутав дело.

Поднялась целая дискуссия. В конце концов пришли к заключению, что его преподобие гарнизонный священник Августин Клейншродт, видимо, сошел с ума, и ничего не остается, как отослать бравого солдата Швейка обратно, выдав ему командировочное предписание на этот предмет.

Унтер-офицер заготовил предписание. Человек он был покладистый и не пожалел километров. Он указал маршрут: Вена, Штейр, Загреб, Триест, Триент. Проездные выплатили Швейку наличными на двое суток – одну крону шестьдесят геллеров. Кроме того, унтер-офицер купил ему билет, да повар по доброте душевной выдал три буханки из полковой пекарни.

Между тем гарнизонный священник Августин Клейншродт

ходил по лагерю Кастель-Нуово и, скрежеща зубами, твердил:

– Арестовать, связать, расстрелять!

Все решили, что бравый солдат Швейк – дезертир. Каково же было всеобщее изумлеиие, когда иа четвертые сутки иочью он появился у входа в лагерь и, улыбаясь, подал караульному командировочное предписаиие из Кориейбурга, а также удостовереиие, выдаиное иепосредствеииым начальством: «Комаидируется для закупки вина».

Его сейчас же схватили, заковали, к его удивлеиию, в каидалы, отвели в барак и там заперли.

А утром повели в город, в казармы.

Как раз в это время из Корнейбурга пришел запрос комаидира железиодорожиого полка о причииах, побудивших его преподобие гариизоииого священиика Августииа Клейншродта послать солдата Швейка в Корнейбург за церковным виным из Феслау.

Солдата Швейка допросили. Ои с блажеииой улыбкой чистосердечио рассказал все как было. Состоялось продолжительиое совещаиие, после которого достопочтеиный отец Клейишродт пошел навестить бравого солдата Швейка в заключеиии.

– Лучше всего подавай на комиссию, скотииа. Проси освободить тебя по состояиию здоровья и катись отсюда!

– Осмелюсь доложить, желаю служить государю императору до последиего вздоха! – возразил бравый солдат Швейк, глядя своими честиыми глазами прямо в глаза духовного начальства.

3. РЕШЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ КОМИССИИ О БРАВОМ СОЛДАТЕ ШВЕЙКЕ

В каждой армии есть иегодяи, которые не желают служить. Им приятиее стать самыми заурядиыми штатскими разбойниками. Эти продувиые бестии жалуются, к примеру, на порок

сердца, а вскрытие обнаруживает у них, может, всего-навсего какое-нибудь воспаление слепой кишки. Такими и другими подобными способами пробуют они избавиться от своих воинских обязанностей. Но не тут-то было! Существует медицинская комиссия, которая портит им всю музыку. Парень жалуется на плоскостопие. Военный врач прописывает ему глауберову соль, клистир – и «плоскостопный» бегает как ошпаренный, а утром садится под арест.

Иной прохвост жалуется на рак желудка. Его кладут на операционный стол и говорят: «Вскрыть желудок, не прибегая к наркозу». Договорить не успеют – рак как рукой сняло, и чудесно исцеленный шагает в тюрьму.

Медицинская комиссия – настоящее благодеяние для армии. Без нее каждый призывник чувствовал бы себя больным и неспособным носить ранец.

Основная функция медицинской комиссии – производить осмотр. Но правильно говорил один штабной врач:

– Осматривая больного, я исхожу из убеждения, что речь должна идти не об осмотре, а о досмотре, что больной безусловно здоров, как бык. В соответствии с этим я и действую. Пропишу ему хинин, диету. И через трое суток – будьте покойны! – непременно выпишу из больницы. А ежели симулянт все-таки умрет, так это нарочно, чтобы нам насолить и самому не сесть в тюрьму за обман. Поэтому говорю вам: не осмотр, а досмотр! Подозревай каждого до его последнего вздоха!

Когда бравого солдата Швейка послали на комиссию, ему завидовала вся рота.

Надзиратель, принесший ему в камеру обед, сказал:

– Твое счастье, паршивец. Домой вернешься. Тебя уволят в чистую как пить дать.

Но бравый солдат Швейк ответил ему то же, что достопочтенному отцу Клейншродту:

– Осмелюсь доложить, не выйдет это. Я здоров, как бык, и желаю служить государю императору до последнего вздоха.

И с блаженной улыбкой лег на топчан.

Надзиратель доложил об ответе Швейка дежурному офицеру Мюллеру.

Тот заскрипел зубами.

– Мы отобьем у мерзавца охоту к военной службе! Надо устроить ему сыпняк, пусть хоть спятит.

А в это время бравый солдат Швейк говорил другому заключенному из той же роты:

– Буду служить государю императору до последнего вздоха. Я солдат, значит, должен служить государю императору, и никто не имеет права выгнать меня из армии. Пускай хоть генерал придет, даст мне под зад и выставит из казармы, – я и тогда вернусь и скажу: «Так что, господин генерал, желаю служить государю императору до последнего вздоха и потому возвращаюсь в роту.» А если меня не примут – пойду во флот, служить государю императору хоть на море. А во флот не примут, и там господин адмирал тоже даст мне под зад – буду служить государю императору в воздухе.

Но вся казарма была твердо уверена, что бравого солдата Швейка все-таки демобилизуют. Третьего июня к нему в камеру явились санитары с носилками, после ожесточенной борьбы привязали его к ним ремнями и отнесли в гарнизонный лазарет. По дороге с носилок все время раздавались патриотические возгласы:

– Солдаты, помогите! Я желаю служить государю императору!

Его поместили в отделение для тяжелобольных, и штабной врач Янса произвел поверхностный осмотр.

– У тебя увеличение печени и ожирение сердца, Швейк. Ты свое отслужил. Придется тебя уволить.

– Осмелюсь доложить, я здоров, как бык! – возразил Швейк. – Прошу прощения, как же армия будет без меня? Так что желаю вернуться в часть и служить государю императору верой и правдой, как полагается солдату.

Ему был назначен клистир. И когда санитар Бочковский, русин по национальности, приступил к лечению, бравый солдат Швейк, находясь в столь щекотливом положении, с достоинством произнес:

– Не церемонься, братец. Я не побоялся итальянцев – не боюсь и твоего клистира. Запомни: солдат не должен ничего бояться и обязан служить.

Потом его отвели в уборную и приставили к нему часового с заряженной винтовкой.

После этого его опять уложили в постель, а санитар Бочковский ходил вокруг него и вздыхал:

– Родные-то есть, пся крев?

– Есть.

– Отсюда не выйдешь, симулянт!

Бравый солдат Швейк дал ему по морде.

– Я симулянт? Да я здоровей здорового и желаю служить государю императору до последнего вздоха.

Его обложили льдом. Трое суток пролежал он в ледяных компрессах, а когда пришел штабной врач и сказал: «Ну, Швейк, придется тебя все-таки демобилизовать!» – возразил:

– Осмелюсь доложить, господин доктор, я совсем здоров и желаю служить.

Его опять обложили льдом на двое суток, после чего медицинская комиссия должна была собраться и навсегда освободить его от воинской повинности.

Накануне заседания, когда на него был уже составлен увольнительный документ, бравый солдат Швейк дезертировал.

Ему пришлось бежать, чтобы иметь возможность служить государю императору. Две недели о нем ничего не было слышно.

Но, ко всеобщему изумлению, через две недели бравый солдат Швейк появился ночью у ворот казармы и с обычной своей честной улыбкой на довольной круглой физиономии отрапортовал начальнику караула:

– Честь имею доложить, явился для отбытия наказания как дезертировавший с целью служить государю императору до последнего вздоха.

Его желание было удовлетворено: он получил полгода, а так как и после этого пожелал остаться в рядах армии, был послан в арсенал – начинять торпеды пироксилином.

4. БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК УЧИТСЯ ОБРАЩАТЬСЯ С ПИРОКСИЛИНОМ

Вышло, как сказал его преподобие:

– Швейк, мошенник ты этакий ... Уж коли хочешь служить, так поработай с пироксилином. Это тебе полезно.

Стал бравый солдат Швейк работать в арсенале: учиться обращению с пироксилином, начинять им торпеды. На этой службе шутки плохи: того и гляди взлетишь на воздух – и крышка!

Но бравый солдат Швейк не робел. Вполне довольный, проводил он дни свои в отдельном бараке, между динамитом, экразитом и пироксилином, начиняя торпеды этими страшными веществами и оглашая окрестность пением:

Ах, Пьемонт, Пьемонт,
Видно, край ты панский;
Ведь с тобою пал
Весь оплот миланский!
Гоп, гоп, гоп!

И оплот миланский
И четыре моста.
Выставляй, Пьемонт,
Посильней форпосты!
Гоп, гоп, гоп!

Я ведь вам прислал
Целый полк уланский,
Вы ж его сгубили
У ворот миланских!
Гоп, гоп, гоп!

За этой прекрасной песней, делавшей бравого солдата Швейка львом, следовала другая волнующая песня – о кнедликах величиной с человеческую голову, которые бравый солдат Швейк проглатывал с неописуемым наслаждением.

Так и жил он – довольный своей судьбой, – один на один

с пироксилином, в отдельном арсенальном бараке. И вот однажды туда пришла инспекция, проверяющая, все ли в порядке в бараках.

Подойдя к бараку, где бравый солдат Швейк учился обращаться с пироксилином, инспектора увидели по облакам табачного дыма, распространяемым Швейковой трубкой, что бравый солдат Швейк – бесстрашный воин.

При виде начальства Швейк встал, вынул, согласно уставу, трубку изо рта и отложил ее в сторонку, но недалеко, только руку протянуть, – как раз у открытого стального чана с пироксилином.

И, встав во фронт, отрапортовал:

– Честь имею доложить: происшествий не было, все в порядке.

В жизни человека бывают мгновения, когда все зависит от присутствия духа.

Быстрей всех нашелся полковник. Над пироксилином уже вились колечки табачного дыма, и он сказал:

– Продолжайте курить, Швейк!

Это было очень умно с его стороны, так как гораздо лучше, чтобы трубка находилась во рту, чем в пироксилине.

– Слушаю, господин полковник. Есть курить! – ответил Швейк, снова встав навытяжку.

Он был очень дисциплинированный.

– А теперь – шагом марш на гауптвахту!

– Осмелюсь доложить, никак не могу. Потому, согласно предписанию, обязан быть здесь до шести, дожидаться смены. При пироксилине всегда должен кто-нибудь быть, а то долго ли до беды!

Инспекция поспешно удалилась рысцой в караульное помещение и там приказала послать за Швейком патруль.

Патруль отправился без особого энтузиазма.

Подойдя к бараку, где сидел среди пироксилина, покуривая трубку, бравый солдат Швейк, младший унтер-офицер крикнул:

– Швейк, мерзарец, кидай трубку в окно и выходи наружу!

– Никак невозможно: господин полковник приказал мне курить. Так что буду курить, хоть режь на части.

– Выходи, скотина!

– Никак нет, не выйду. Сейчас только четыре, а смена в шесть. До шести я должен быть при пироксилине, чтобы не случилось какой беды. Я насчет этого строго...

Он не договорил. Вы, может быть, читали о страшной катастрофе в арсенале. В какие-нибудь три четверти секунды весь арсенал взлетел на воздух.

Началось с того барака, где бравый солдат Швейк учился обращаться с пироксилином: над тем местом, где стоял этот барак, воздвигся целый курган из бревен, досок, железного лома, слетевшихся отовсюду, чтобы воздать последний долг бесстрашному Швейку, не боявшемуся пироксилина.

Трое суток на развалинах работали саперы, сортируя головы, туловища, руки и ноги, чтобы господу богу на страшном суде легче было разобраться в чинах погибших и соответствующим образом распределить награды. Это была настоящая головоломка.

Трое суток разбирали они и курган, возвышавшийся над Швейком, а на третью ночь, проникнув в самую глубь этой горы из бревен и железа, вдруг услыхали приятное пение:

И оплот миланский
И четыре моста.
Выставляй, Пьемонт,
Посильней форпосты!
Гоп, гоп, гоп!

При свете факелов они принялись разбирать обломки в том направлении, откуда слышалось пение:

Я ведь вам прислал
Целый полк уланский,
Вы ж его сгубили
У ворот миланских!
Гоп, гоп, гоп!

Вскоре при свете факелов перед ними открылась образованная железным ломом и нагроможденными бревнами неболь-

шая пещера, и в уголочке сидел бравый солдат Швейк. Он вынул трубку изо рта, встал во фронт и отрапортовал:

– Честь имею доложить: происшествий никаких не было, все в порядке!

Его вытащили из этого дикого хаоса, и он, очутившись перед офицером, вторично рапортовал:

– Честь имею доложить: происшествий никаких не было, все в порядке. Покорно прошу прислать смену: шесть часов минуло. Прошу также выплатить мне суточные за то время, что я просидел под развалинами.

Храбрец был единственным, уцелевшим при катастрофе.

Вечером в его честь сослуживцы устроили в офицерском клубе торжество. Бравый солдат Швейк, окруженный офицерами, опрокидывал стопку за стопкой, и добрая круглая физиономия его сияла блаженством.

На другой день ему выплатили суточные за трое суток, как на войне, а через две недели он был произведен в капралы и награжден большой военной медалью.

Входя с этой медалью на груди и звездочками на погонах в ворота триентской казармы, он столкнулся с офицером Кноблохом. При виде почтительной, добродушной физиономии бравого солдата Швейка офицер содрогнулся.

– Это ты, головорез?

– Осмелюсь доложить: так что умею теперь обращаться с пироксилином! – улыбаясь, ответил Швейк.

И гордо зашагал по двору, разыскивая свою роту.

В тот же день дежурный офицер зачитал солдатам приказ военного министерства об организации при армии воздушных частей и обращение ко всем желающим – вступать в эти части.

Бравый солдат Швейк сделал шаг вперед и заявил офицеру:

– Осмелюсь доложить: как я уж побывал в воздухе и это дело мне знакомо, желаю послужить государю императору в воздушных частях.

Через неделю бравый солдат Швейк был переведен в воздухоплавательную часть, где, как будет видно из дальнейшего, вел себя столь же благоразумно, как и в арсенале.

5. БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК В ВОЗДУШНОМ ФЛОТЕ

Австрия располагает тремя управляемыми дирижаблями, восемнадцатью – не поддающимися управлению, и пятью самолетами. Такова ее воздушная мощь. Бравый солдат Швейк был направлен в отделение самолетов – трудиться во славу этого нового рода вооружения. Сперва он выкатывал самолеты из ангаров на аэродром, тер металлические части скипидаром и венской известью.

Словом, начал с азов. Как для его преподобия в Триенте он заботливо чистил лошадь, так и здесь усердно хлопотал вокруг машин, начищал их плоскости щеткой, словно лошадиные бока скребницей, и в качестве разводящего расставлял часовых и ангаров, инструктируя их:

– Летать необходимо. Так что при малейшей попытке украсть самолет стреляйте без предупреждения!

Уже через две недели он был переведен из наземного в летный состав. Это было рискованное повышение. Он стал летать с офицерами как пассажир – для нагрузки.

Бравый солдат Швейк не испытывал страха. С улыбкой поднимался он в воздух, почтительно и покорно глядел на пилота-офицера и козырял ползающему далеко внизу по аэродрому начальству.

А когда им случалось упасть, разбив самолет, первым изпод обломков вылезал бравый солдат Швейк. Помогая офицеру подняться, он рапортовал:

– Имею честь доложить: мы упали, но живы и здоровы.

Он был приятным спутником. Как-то раз ему пришлось летать с офицером Герцигом. На высоте восьмисот двадцати шести метров у них перестал работать мотор.

– Разрешите доложить: у нас вышел бензин, – послышался за спиной офицера мягкий голос Швейка. – Так что я забыл долить бак.

И через минуту:

– Разрешите доложить: мы падаем в Дунай.

Когда уже через несколько мгновений головы их вынырну-

ли из бурных зеленых дунайских волн, бравый солдат Швейк, плывя за офицером к берегу, промолвил:

– Осмелюсь доложить: мы нынче поставили рекорд высоты.

А вот что произошло перед большим авиационным праздником на аэродроме в Винер-Нейштадте в момент осмотра аэропланов, проверки моторов и последних приготовлений к полетам.

Поручик Герциг собирался лететь со Швейком на биплане братьев Райт, оснащенном аппаратом Мориссона, позволяющим взлетать без разбега.

На аэродроме присутствовали представители иностранных вооруженных сил.

Самолетом Герцига сильно заинтересовался майор румынской армии Грегореску: забравшись внутрь он стал рассматривать рычаги управления.

По приказанию поручика бравый солдат Швейк включил мотор. Пропеллер завертелся. Швейк, сидя рядом с любознательным румынским майором, чрезвычайно внимательно регулировал трос, управляющий рулем высоты, причем производил это с такой осторожностью, что сбил с головы майора фуражку.

– Швейк, осел этакий! Летите ко всем чертям! – воскликнул поручик.

– Zum Befehl, Herr Leutnant![1] – ответил Швейк, схватив рычаг руля высоты и рычаг аппарата Мориссона, – и самолет оторвался от земли, оглашая окрестность ритмичным рокотом сильного мотора.

Двадцать, сто, четыреста пятьдесят метров высоты. Направление на юго-запад, к снежным вершинам Альп. Скорость – сто пятьдесят километров в час.

Бедный румынский майор не успел опомниться, как очутился над каким-то ледником, но на высоте, позволявшей отчетливо различать чудесный пейзаж внизу, снежное поле, грозно и сурово зияющие пропасти.

– Что случилось? – промолвил он, заикаясь от страха.

[1] Слушаюсь, господин лейтенант! (нем.)

– Честь имею доложить: летим, согласно приказу, – вежливо ответил бравый солдат Швейк. – Господин поручик сказал: «Летите ко всем чертям». Мы и полетели.

– А где сядем? – стуча зубами, осведомился любознательный майор.

– Осмеюсь доложить: не могу знать, где сесть придется. Летим, согласно приказу, а самолет вести я могу только кверху. Вниз не умею. Нам с господином поручиком никогда не доводилось: наверх заберемся, а оттуда вниз всегда падаем.

Альтиметр показывал тысяча восемьсот шестьдесят метров. Майор, судорожно вцепившись в поручни, кричал по-румынски:

– Деу, деу, деу![1]

А бравый солдат Швейк осторожно оперировал рулем и пел, пролетая над Альпами:

Перстенек, что ты дала,
Мне носить неловко.
Что за черт! Почему?
Буду я тем перстеньком
Заряжать винтовку.

Майор громко молился по-румынски и сыпал проклятиями, а в чистом холодном воздухе разносилось звонкое пение бравого солдата Швейка:

И платок, что ты дала,
Мне носить неловко.
Что за черт! Почему?
Стану чистить я в полку
Тем платком винтовку.

Под ними сверкали молнии, бушевала буря.

Майор, выпучив глаза, глядел вперед.

– Будет ли этому конец? – спросил он хриплым голосом.

– А то как же, – с улыбкой ответил бравый солдат Швейк. –

[1] Боже, боже, боже!

По крайности мы с господином поручиком всегда куда-нибудь падали.

В это время они находились где-то над Швейцарией и летели на юг.

– Немножко терпения, осмелюсь доложить, – продолжал бравый солдат Швейк. – Как бензин кончится, так обязательно упадем.

– Где мы?

– Имею честь доложить: над водой летим. Пропасть воды. Видно, в море падать придется.

Майор Грегореску, лишившись чувств, защемил свое толстое брюхо между поручнями и совсем завяз в металлических конструкциях.

А над Средиземным морем разносился голос бравого солдата Швейка:

Моего совета послушай:
Побольше кнедликов кушай.
Айн, цвай...

Станешь такой могучий –
Не пробьешь тебя пулей летучей.
Айн, цвай...

Чтобы кнедлик крупней был каждый
Головы человечьей дважды.
Айн, цвай...

Бравый солдат Швейк заливался над гигантскими морскими просторами на высоте одной тысячи метров:

Марширует Греневиль
*К Прашной бране на шпацир...**

Свежий морской ветерок привел майора в чувство. Но при виде страшной бездны и моря внизу он воскликнул:

– Деу, деу!..

И снова потерял сознание.

Спустилась ночь, а они летели все вперед и вперед. Вдруг бравый солдат Швейк потряс майора за плечо и ласково сказал ему:

– Имею честь доложить: летим вниз, но что-то медленно...

Самолет, за отстуствием бензина, спланировал на африканский континент, приземлившись возле пальмовой рощи в Триполи.

Бравый солдат Швейк помог майору выйти из кабины и, встав во фронт, отрапортовал:

– Честь имею доложить: все в порядке.

Бравый солдат Швейк поставил мировой рекорд дальности полета, перелетев через Альпы, Южную Европу, Средиземное море и приземлившись в Африке.

При виде пальм майор вкатил Швейку пару оплеух, которые тот принял с улыбкой. Ведь он только выполнил свою обязанность, раз поручик Герциг сказал ему: «Летите ко всем чертям».

О дальнейшем неудобно рассказывать, так как это очень не понравилось бы военному министерству, которое, конечно, во избежание крупных международных осложнений, будет категорически отрицать факт аварии австрийского самолета над территорией Триполи...

ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Его высочество владетельный князь Оксенгаузенский впал в слабоумие, настолько явное, что это заметили даже его министры, которые и сами отнюдь не были титанами ума. Не станем рассказывать о том, как долго кабинет министров, обсуждая этот вопрос, ходил, как говорится, вокруг да около, пока решился заявить во всеуслышание, что его высочество князя Аладара XXI постигло умственное расстройство, которое нельзя характеризовать иначе, как полный маразм, и что вследствие этого он больше не способен управлять княжеством.

Только министр двора был в душе не согласен с этим заключением, но не стал возражать, опасаясь, как бы коллеги чего доброго не объявили идиотом и его – найти повод было бы нетрудно, – и потому проголосовал вместе со всеми; решение было вынесено единогласно.

Для того чтобы установить регентство, нужно было подкрепить свидетельством врача-специалиста то, что было уже давно ясно всем окружающим. Премьер-министр взял на себя нелегкую миссию поговорить с придворным лейб-медиком его высочества. Вызвав медика к себе, он сказал:

– Дорогой господин медицинский советник, я пригласил вас, чтобы обсудить состояние здоровья его высочества. Мои коллеги того мнения, что несомненные и богатые душевные дарования нашего высокородного князя в последнее время . . .

– . . . развиваются сверх ожиданий? . . . Вы совершенно правы, ваше превосходительство! . . .

– Вы угадали мою мысль, господин медицинский советник. Эти редкостные дарования его высочества развиваются не только сверх всяких ожиданий ... но и в совершенно неожиданном направлении ... гм ... гм ... Одним словом, все это просто поразительно. Вчера я имел честь сопровождать его высочество на прогулке. По дороге нам попались силки, расставленные птицеловом. Его высочество стал расспрашивать меня об их устройстве. Я объяснил ему, что птицы прилипают к веткам, намазанным клеем, и так попадают в руки птицелову. Его высочество со свойственной ему благосклонностью выслушал мои объяснения, а потом соизволил осведомиться: «А что, если прилипнет сам птицелов? Тогда он попадает в лапки к птичкам?»

– Гени-аль-ная острота! Гениальная! – смеясь, воскликнул лейб-медик. – Вот видите, ваше превосходительство, его высочество становится все остроумней.

«Этот тип тоже впал в слабоумие,» – подумал премьер-министр и не стал больше задерживать лейб-медика.

Неторопливо шагая восвояси, лейб-медик размышлял о том, что означает этот разговор. Премьер-министр как будто недоволен его ответом ... Что же нужно премьеру? Лейб-медика вдруг осенило: да, да, несомненно! Эти люди замышляют что-то против его высочества. Они хотят, чтобы он, лейб-медик, дал неблагоприятное заключение о повелителе. Кто знает, что здесь готовится! А что, если после Турции и Португалии пришел черед княжества Оксенгаузен? И это министры его высочества! Но он, лейб-медик, раскроет их гнусный заговор. Он изобличит их!

На другой день лейб-медик узнал, что в Оксенгаузен прибыл из Берлина знаменитый невропатолог профессор Гшейдтле и был принят лично князем, а после этого имел долгую беседу с премьер-министром. Лейб-медик решил идти ва-банк. Он надел парадную форму и отправился с визитом к приезжей знаменитости.

– Как жаль, сказал он после нескольких приветственных фраз, – что знакомством с вами, уважаемый профессор, мы обязаны такому прискорбному обстоятельству.

Профессор посмотрел на лейб-медика с удивлением, но по-

том сказал: – Ах, да, вы ведь личный врач его высочества и, конечно, в курсе событий. Поистине это весьма огорчительно. Но что поделаешь! Его высочество безнадежен. Я полагаю, что ваш и мой диагноз совпадают: о выздоровлении не может быть и речи. Его высочество по воле божией навсегда останется слабоумным. Править княжеством он, конечно, не способен. Или вы иного мнения?

– О нет, отнюдь нет, уважаемый профессор, – ответил лейб-медик, у которого даже дыхание перехватило. – А как долго наша столица будет иметь честь видеть вас в своих стенах?

– Я уезжаю сегодня вечером, господин медицинский советник.

Но вечером профессор не уехал. Когда он уже садился в экипаж, кто-то положил ему руку на плечо и арестовал именем закона.

– За что? – недоумевал профессор.

– За оскорбление достоинства его княжеского высочества, которое вы допустили в разговоре с лейб-медиком.

И вышеупомянутый профессор был посажен в тюрьму. Прокуратура, восхищенная своей распорядительностью, растрезвонила о случившемся по всему городу. Прокурор явился к министру юстиции с докладом. Когда он повторил злополучную фразу профессора о слабоумии князя, министр прервал его гневным возгласом:

– Скажи он это о вас и о лейб-медике, это была бы самая бесспорная истина в мире!

Прокурор вернулся от премьера в полном недоумении.

Кабинет министров собрался на экстренное заседание и констатировал, что положение в стране сильно осложнилось.

– Не можем же мы на основании отзыва одного профессора отправить его высочество на покой, – сказал премьер. – Нужны заключения других ученых. Но если они признают, что князь здоров, то оскандалимся мы. Если же они решат, что его высочество – идиот, придется посадить в тюрьму этого осла – лейб-медика, а иначе весть о его диагнозе распространится по всей стране. Что же, спрашивается, делать?

– Надо избавиться от лейб-медика.

– Легко сказать. А как?

– Давайте посадим его в тюрьму, – предложил министр юстиции.

– За что?

– Вот же! Уж если нам надо кого-нибудь посадить, повод всегда найдется.

– Вызовем его сюда.

– Это идея!

Но посланный вернулся ни с чем. Лейб-медик велел передать, что считает кабинет министров сборищем заговорщиков и государственных изменников и не желает с ними разговаривать.

Министра юстиции это привело в восторг.

– Вот он и попался! – воскликнул он. – Этого мне и нужно. Разве не оскорбление его высочества – утверждать, будто князь может почтить своим доверием изменников и заговорщиков?

В тот же день лейб-медик был посажен в тюрьму и даже оказался в камере по соседству с берлинским коллегой.

Само собой разумеется, что эти два ареста стали величайшей сенсацией в столице. Кабинет министров развил бешеную деятельность: он разослал телеграфные приглашения различным медицинским светилам, которые могли бы дать заключение об умственных способностях Аладара XXI. Но светила, прочтя в газетах о том, что произошло в княжестве Оксенгаузен, воздержались от поездки, решив, что это попросту ловушка, чтобы заманить людей и арестовать их под предлогом оскорбления его высочества.

Кабинет министров был в отчаянии, а князь день ото дня глупел. Прошла еще неделя. Его высочество уже нельзя было выпускать из тесного круга самых близких людей, ибо всем стало бы ясно, в каком он состоянии.

Спустя две недели кабинет министров снова собрался обсудить положение. Министр иностранных дел доложил о безуспешных переговорах с заграничными медицинскими светилами, присовокупив, что таким путем ничего сделать не удается.

Премьер-министр после долгого размышления сказал:

– А стоит ли, собственно, что-нибудь делать?
– То есть как так?
– Наш венценосный князь впал в слабоумие, это факт, но это случилось уже давно, а в княжестве все идет своим порядком. Разница лишь в том, что его высочество не занимается государственными делами. А разве так уж нужно, чтобы он занимался?
Никаких светил в Оксенгаузен больше не приглашали. Его высочество Аладар XXI остался князем Оксенгаузенским.

КАК Я ТОРГОВАЛ СОБАКАМИ

I

Я всегда страшно любил животных. Ребенком таскал домой мышей, а однажды даже в школу не пошел: целый день играл с мертвой кошкой.

Интересовался я и змеями. Как-то раз, поймав на лесистом горном склоне змею, я решил взять ее с собой и выпустить живьем в постель к тете Анне, которую терпеть не мог. По счастью, тут как раз случился лесничий. Он определил, что это гадюка, убил ее и понес сдавать, чтобы получить положенную награду.

В возрасте восемнадцати – двадцати четырех лет у меня проснулся интерес к крупным животным, верблюдам и слонам всех разновидностей.

За время от двадцати четырех до двадцати восьми лет эта страсть пошла на убыль: внимание мое стали привлекать коровы и лошади. Мне захотелось иметь конный завод либо ферму симментальского скота. Эта мечта осталась неосуществленной; пришлось ограничить свою страсть объектами меньших размеров. Я предпочел собак кошкам. А на пороге четвертого десятилетия моей жизни у меня возникли кое-какие трения с родными. Они стали корить меня за то, что я живу не как все люди и до сих пор ничего не сделал, чтобы стать самостоятельным.

Быстро приняв решение, я объявил им, что ввиду своего интереса и любви к животным намерен открыть торговлю собаками. Должен признаться, родным это не понравилось.

II

Открывая торговое заведение, необходимо, разумеется, подумать о вывеске, ярко выражающей самый характер предприятия. Для данного случая подошел бы термин «псарня», но я не мог им воспользоваться, так как один мой дальний родственник служит в министерстве и стал бы протестовать.

Простое название – «Торговля собаками» – тоже не годилось, так как я имел в виду поставить дело на научных началах. В научном словаре мне попалось слово «кинология» (что значит наука о собаках), а вскоре мне случилось быть около агрономического института. И судьба моего заведения была решена: я дал ему название «Кинологический институт». Название ученое, солидное, которое расшифровывается – как я и делал в своих подробных объявлениях – следующим образом: «Разведение, покупка, продажа и обмен собак на кинологической основе.»

Этими пространными объявлениями, в которых то и дело повторялась формула «кинологический институт», я молча упивался наедине с собой. Наконец-то я – владелец института. Кто не переживал подобного, тот не представляет себе, какое это гордое, захватывающее чувство. В своих объявлениях я обещал квалифицированные консультации по всем вопросам, связанным с собаками. Сулил каждому, купившему дюжину собак, щенка в виде бесплатного приложения. Напоминал, что собака – самый подходящий подарок ко дню именин, конфирмации, помолвки, свадьбы, юбилея. Для детей – это игрушка, которую не так легко сломать или разорвать. Собака – надежный проводник, который не нападает на вас в лесу. В питомнике представлены все породы собак. Поддерживается непосредственная связь с заграницей. При институте имеется воспитательное учреждение для злонравных собак. Самый свирепый пес, пробыв в моем институте две недели, отучится рычать и кусаться. Как быть с собакой на каникулы? Сдать ее в Кинологический институт. Где собака научится в три дня стоять на задних лапах? В Кинологическом институте.

Мой дядя, ознакомившись с этими объявлениями, озабоченно покачал головой и промолвил:

– Нет, милый, ты, видно, нездоров. У тебя никогда не бывает болей в затылке?

Но я глядел в будущее с надеждой и, не имея пока ни одной собаки, с нетерпением ждал заказа, разыскивая в то же время через объявления честного, старательного помощника непризывного возраста, которому не пришлось бы, едва привыкнув к собачкам, идти в армию.

III

Мое объявление о том, что «торговому заведению нужен служитель для ухода за собаками», вызвало массу предложений, часть которых отличалась большой убедительностью. Один отставной сельский полицейский писал, что, если я возьму его к себе на службу, он научит собак прыгать через палку и стоять на голове.

Другой корреспондент уверял, что умеет обращаться с собаками, так как работал помощником будейовицкого живодера и был уволен с этой должности за слишком мягкое обращение с убитыми животными.

Третий претендент, спутав «кинологический институт» с «гинекологическим», сообщал, что служил в родильном доме и в женских клиниках.

Среди кандидатов было пятнадцать окончивших юридический факультет, двенадцать кончили учительский институт. Кроме того, пришло отношение «Общества покровительства освобожденным уголовникам» о том, чтобы я по поводу замещения вакансии слуги обратился к ним, так как у них есть для меня один очень хороший работник, специалист по ограблению касс. Иные предложения были полны печали и безнадежности. Некоторые писали, например, в таком тоне: «Хотя я заранее уверен, что не получу этого места . . .»

Нашелся в этой толпе претендентов человек, владевший ис-

панским, английским, французским, турецким, русским, польским, хорватским, немецким, венгерским и датским языками. Одно письмо было написано по-латыни.

Наконец, я получил следующее простое, но искреннее заявление: «Милостивый государь! Когда я должен приступить к своим обязанностям? С совершенным почтением Ладислав Чижек, Коширже».

Вопрос был поставлен ребром, и мне ничего не оставалось, как ответить, чтобы писавший пришел в среду в восемь часов утра. Я почувствовал к нему глубокую благодарность за то, что он избавил меня от продолжительных тягостных колебаний, связанных с необходимостью делать выбор.

В среду в восемь утра мой новый слуга вступил в должность. Он был маленького роста, с лицом, изъеденным оспой, очень подвижной. Впервые увидев меня, он подал мне руку и весело промолвил:

– Погода-то, видно, до завтра не разгуляется... А говорят, на Пльзеньской в семь утра трамваи столкнулись.

Потом, вынув из кармана коротенькую трубочку, сказал, что получил ее от шофера фирмы «Стибрал» и курит венгерский табак. Потом сообщил, что у Банзетов в Нуслях есть официантка по имени Пепина, и осведомился, не учились ли мы с ним вместе в школе. Потом завел речь об одной таксе, которую, ежели покупать, так надо обязательно выкрасить и еще немножко выгнуть ей лапы.

– Вы знаете толк в собаках? – обрадовался я.

– Ну конечно. Я сам торговал собаками и даже имел из-за этого неприятности. Как-то раз веду домой боксера. Вдруг останавливает меня на улице какой-то господин: будто это его собака. Он, мол, потерял ее два часа тому назад на Овоцной улице. «Почем вы знаете, что это ваша собака?» «Потому что ее зовут Мупо. Пойди сюда, Мупо!» И вы не можете себе представить, как радостно стал на него прыгать этот пес. «Боско! – крикнул я. – Боско, фу!» Он давай так же радостно кидаться на меня. Тупое животное! Хуже всего то, что в суде я забыл, что тот раз назвал его «Боско». Но он отозвался и на «Буберле» и опять мне обрадовался... Теперь что? Собачку какую-нибудь пойти поискать?

– Нет, Чижек, у меня торговля солидно поставлена. Будем ждать покупателя, а пока давайте посмотрим, какие объявления в разделе «Животные»: кто что продает, каких пород собаки ... Представьте себе, одна дама хочет продать годовалого белого шпица: ей держать негде, слишком тесно. Неужели шпицы такие большие, что могут мешать? Так ступайте на Школьную и купите его. Вот вам тридцать крон.

Он удалился, уверяя, что минуты не задержится лишней, а вернулся через три часа. Но в каком состоянии! Котелок нахлобучен на уши, сам качается из стороны в сторону, словно шагая в бурю по палубе, и в руке крепко зажат конец волочащейся по земле веревки. Я поглядел на другой конец – там ничего не было.

– Ну ... как? ... Нравится вам? Славная штучка, правда? Разве я не быстро ... – Он стал икать, стараясь шагнуть прямо в дверь комнаты. – Взгляните на уши ... Идем, дурашка ... Ишь упирается ... Ну чего ты? ... А ведь она продавать не хотела ...

Тут он оглянулся, посмотрел на конец веревки. Выпучив глаза, взял его в руки, ощупал и продолжал, икая: – Час на ... назад еще там ... бы ... был ...

Он сел на стул, тотчас же свалился с него, потом, цепляясь за меня, с трудом принял вертикальное положение и произнес торжественно, словно объявляя о каком-то чуде:

– Видно, сбежал от нас.

Опять сел на стул и захрапел.

Так прошел первый день его службы.

Я стал смотреть в окно. По улице то и дело пробегали разные собаки; мне казалось, все они продаются. Между тем сидевший рядом продолжал дико храпеть. Я пробовал разбудить его, так как мне не давала покоя мысль, что вот-вот явится покупатель и потребует сразу всех собак.

Но никто не приходил, так что будить было незачем. Да и добился я только того, что он сполз со стула. В конце концов через три часа он сам проснулся и, протирая глаза, хриплым голосом произнес:

– Кажется, я сделал что-то не то.

Он стал припоминать отдельные подробности, распростра-

няться о шпице, о его красоте, о том, как дешево его уступила хозяйка: он заплатил всего десять крон, уверив ее, что собака попадет в очень хорошие руки. Потом рассказал, как шпиц не хотел с ним идти, как он его за это отхлестал. И сейчас же заговорил о том, что зашел к одному приятелю, который держит трактир на Смихове, и встретил у него еще несколько человек знакомых. Пили какое-то вино, ликеры. Человек – существо слабое...

– Ладно, – прервал я его. – Но я ведь дал вам тридцать крон. Верните мне двадцать.

Это нисколько его не смутило.

– У меня действительно оставалось двадцать крон. Но, чтобы сделать вам приятное, я зашел еще на Швиганец, и дал там некоему Кроткому в задаток за щенят десять крон. У него замечательно интересная сучка и скоро должна ощениться. Любопытно, какой породы щенят принесет? Самое главное, они от нас не ускользнут, я договорился. Потом шел мимо Палиарки, там отличная крольчиха продается...

– Что вы говорите, Чижек? Опомнитесь! Разве я торгую кроликами?

– А я сказал «крольчиха»? – переспросил мой помощник. – Значит, оговорился. Я хотел сказать: шотландская сука – овчарка. Тоже беременная. Там я оставил задаток в десять крон, только не за щенят, а за суку: щенята владельцу останутся. Потом шел я по Кроциновой...

– Уже без денег?

– Да, да, правильно, денег у меня больше не было. А будь деньги, так там, у Новака, огромный кудлатый пес продается. Я бы за него тоже задаток дал, чтобы он за нами остался... А сейчас пойду опять на Школьную. Шпиц-то от меня прямо домой побежал. Так я через час с ним здесь буду.

На этот раз Чижек сдержал слово: он вернулся даже еще раньше, совершенно трезвый, еле переводя дух. К моему изумлению, на поводу у него был черный шпиц.

– Черт знает что! – воскликнул я. – Ведь в объявлении этой дамы говорилось о белом шпице.

Мгновенье он растерянно глядел на собаку, потом, ни слова не говоря, выбежал вон. А через два часа опять вернулся, во-

лоча страшно грязного и производившего самое дикое впечатление белого шпица.

– С тем шпицем ошибка вышла, – объяснил он. – У этой дамы, что на Школьной живет, два шпица – черный и белый. Она так обрадовалсь, когда я ей черного обратно привел.

Я посмотрел на привешенную к ошейнику бляху: собака была из Жижкова. Я чуть не заплакал от досады, но сдержался. (А Чижек снял бляху, заметив, что оставлять ее на ошейнике опасно).

Ночью я проснулся, услыхав царапанье в дверь. Открываю и узнаю черного шпица, с которым познакомился днем. Он с радостным лаем ворвался в переднюю. Видно, соскучился по нас или ему было слишком далеко до дому. Так или иначе, но у меня имелось теперь две собаки, недоставало только покупателя.

IV

В десять часов утра явился и покупатель.

– Где же ваши собаки? – спросил он, озираясь по сторонам.

– Я держу их не здесь . . . – ответил я. – Кроме вот этих двух шпицев – черного и белого, которых сам вырастил и уже запродал в Брандыс*, господину эрцгерцогу . . . Я держу своих собак в деревне, на свежем воздухе, подальше от блох и чумы, от которых в городе их ни один торговец не убережет. Основной принцип нашего кинологического института состоит в том, чтобы предоставлять собакам возможность свободно бегать. В деревне, где находится наш питомник, слуга каждое утро выпускает их на волю, и они возращаются только вечером. Этот способ выгоден в том отношении, что собаки приучаются к самостоятельности, так как весь день сами отыскивают себе пищу. Мы арендуем для них общирные лесные участки, где они могут питаться разнообразной дичью; и если бы вы видели, до чего комичное зрелище, когда какой-нибудь малыш-крысолов гонится за зайцем!

Покупателю это очень понравилось. Он кивнул.

– Значит, у вас найдутся и очень злые собаки, хорошие сторожа?

– Конечно. У меня имеются такие страшные псы, что я не имею даже возможности показать их снимки, так как они чуть не разорвали фотографа. Есть собаки, растерзавшие вора.

– Вот такую мне и нужно! – воскликнул покупатель. – У меня дровяной склад, и на зиму мне очень нужна хорошая сторожевая собака. Не могли бы вы доставить ее сюда из питомника завтра после обеда, а я пришел бы посмотреть?

– Разумеется. Я сейчас же пошлю за ней служителя. Чижек!

Тот явился с любезной улыбкой и тотчас высказал предположение, что где-то уже видел посетителя.

– Чижек, – сказал я, делая ему знак. – Поезжайте сейчас же за тем свирепым псом, как бишь его?

– Фабиан, – невозмутимо ответил Чижек. – Сын Гексы. Страшный пес. Растерзал и сожрал двух ребят: по ошибке его отдали детям играть, и они захотели на него влезть. А насчет задатка . . .

– Да, да, – перебил покупатель. – Вот сорок крон в задаток. А сколько всего стоит?

– Сто, – ответил Чижек. – И еще гульден. Есть дешевле – на восемьдесят крон. Но она откусила господину, который хотел ее погладить, только три пальца.

– Нет, мне ту, злющую.

И Чижек, получив сорок крон задатку, отправился за сторожевой собакой. К вечеру он достал огромного меланхоличного пса самой жалкой наружности, еле волочившего ноги.

– Да это какая-то дохлятина! – с ужасом воскликнул я.

– Зато дешевая, – возразил Чижек. – Попался мне навстречу с этой собакой мясник – к живодеру ведет. Она, мол, тележку возить не хочет. Я подумал: «Из нее славный сторожевой пес выйдет». И потом, ежели на склад заберется дельный вор, так он ее отравит, и хозяин к нам же придет другую покупать . . .

Несколько минут мы толковали об этом; затем Чижек вычесал собаку, и мы отварили ей рису с костями. Она сожрала два горшка этого варева, но осталась такой же вялой и жалкой на

вид. Лизала нам ботинки, совершенно безучастно бродила по квартире и, видимо, была огорчена, что хозяин не довел ее до живодера.

Чижек попробовал придать ей более устрашающий вид. Так как она была светло-рыжая с белыми или даже седыми пятнами, он провел ей тушью по всему телу большие черные полосы, благодаря чему она стала похожа на гиену. На другой день покупатель, придя за ней, в страхе отпрянул.

– Какое страшилище! – воскликнул он.

– Своих она не трогает. Зовут ее Фоксом. Погладьте, не бойтесь.

Покупатель стал упираться, так что нам пришлось в буквальном смысле слова подтащить его к чудовищу и заставить погладить. Сторожевой пес стал лизать ему руку и пошел за ним, как овечка.

Ночью этого господина обокрали дочиста.

V

Подходили святки. За это время мы при помощи перекиси водорода перекрасили черного шпица в желтого, а белого сделали черным, натерев его раствором азотного серебра. Обе собаки во время этих операций так страшно выли, что получалось впечатление, будто в распоряжении кинологического института не две, а по крайней мере шестьдесят собак.

Зато у нас было множество щенят. Вдобавок Чижек страдал навязчивой идеей, что щенята – основа материального благополучия. Перед святками он стал приносить в карманах шубы сплошь одних щенков. Посылаю его за догом, а он приносит щенят таксы. Посылаю за пинчером – приносит щенка фокстерьера. У нас скопилось тридцать щенят, и, кроме того, было роздано около ста двадцати крон задатка.

Мне пришла в голову мысль, учитывая предпраздничный период, снять на Фердинандовом проспекте в Праге магазин, поставить там елку и открыть продажу украшенных лентами щенят под лозунгом: «Покупайте щенят! Лучший праздничный подарок детям – хорошенький щеночек».

Я снял помещение. Это было примерно за неделю до рождества.

– Чижек, – сказал я, – отнесите щенят в наш магазин на Фердинандовом, поставьте елку побольше, разместите поэффектнее щенят на витрине, купите мху... Словом, полагаюсь на вас, устройте все хорошенько, со вкусом. Понятно?

– Будьте спокойны. Все устрою к вашему удовольствию.

Он увез щенят в ящиках на ручной тележке, и я после обеда пошел посмотреть, какое удовольствие он мне там приготовил и как выглядит витрина.

Завидев издали возле магазина толпу, я сразу понял, что щенята вызвали огромный интерес. Но, подойдя ближе, услышал возмущенный ропот:

– Какое зверство! Надо вызвать полицию! Как можно это допускать?!

Протолкавшись к витрине, я почувствовал, что у меня подкашиваются ноги.

Чижек для вящего эффекта развесил на ветвях высокой рождественской елки, словно конфетки, до дюжины щенят. Бедняжки болтались, высунув языки, как повешенные на дереве средневековые разбойники. А под елкой было написано:

«Покупайте щенят! Лучший праздничный подарок детям – хорошенький щеночек».

На этом Кинологический институт окончил свое существование.

СПАСЕН

Неважно, за что должны были повесить Патяла. Какие бы на его совести ни лежали преступления, он не мог не улыбнуться, когда вечером накануне казни к нему в камеру явился надзиратель с бутылкой вина и изрядным куском телячьего жаркого.

– Это все мне?

– Да, да, – соболезнующе сказал надзиратель, – покушайте хорошенько в последний раз. Сейчас принесу вам салат из огурцов, – я не мог принести все сразу. Захвачу еще и булочки и сразу вернусь.

Патял уселся поудобнее за стол и, ухмыляясь, принялся с аппетитом уничтожать телятину. Как видим, это был циник, но, впрочем, совершенно здравомыслящий человек, стремившийся взять от жизни все, что она может дать в эти считанные часы, предоставленные ему юстицией.

Одна только мысль портила ему аппетит: люди, сегодня утром сообщившие ему, что его ходатайство о помиловании отклонено, а выполнение приговора отложено всего на двадцать четыре часа, чтобы приговоренный мог как следует подготовиться к успешному проведению казни и привести в порядок все свои дела, люди, которые будут вешать его и смотреть на его смерть, – все эти люди завтра, и после завтра, и еще много-много лет будут жить и по вечерам как ни в чем не бывало возвращаться к своим семьям, а его, Патяла, уже не будет на свете.

Размышляя таким образом, он меланхолично уплетал теля-

чье жаркое, а когда ему принесли салат и булочки, вздохнул и выразил желание покурить.

Осужденному купили табаку лучшей марки и глиняную трубку. Надзиратель сам поднес ему спичку и кстати напомнил о бесконечном милосердии божьем. Если на земле все потеряно, то не все потеряно на небесах . . .

Осужденный попросил порцию ветчины и еще бутылку вина.

– Сегодня вы получите все, что хотите, – сказал надзиратель, – для людей в вашем положении мы ничего не жалеем.

– Тогда прихватите еще двойную порцию ливерной колбасы и порцию зельца. Кроме того, я не отказался бы от литра черного пива.

– Все получите, сейчас распоряжусь, – любезно сказал надзиратель. – Отчего не порадовать вас? Жизнь слишком коротка, надо брать от нее все, что можно, – философствовал он.

Когда надзиратель принес заказанное, Патял объявил, что вполне удовлетворен.

Однако не тут-то было.

– Черт побери, – сказал он, очистив все тарелки, – мне что-то захотелось еще жаркого, сыра – того, что называется горгонзола, сардинок в масле и еще каких-нибудь других деликатесов.

– Пожалуйста, все, что вам угодно. Честное слово, душа радуется, глядя на ваш аппетит. Надеюсь, вы до утра не повеситесь? Я вижу, вы порядочный человек. К тому же, какая вам польза, Патял, вешаться раньше, чем этого хотят власти? Говорю вам как честный человек – вы на это не способны, нет. И думать об этом не стоит! Выпейте-ка лучше пива – кружку или, может быть, две? Пиво нынче превосходное, под горгонзолу само в глотку льется. Так я принесу вам две кружки, а вот сардины и жаркое, дорогой друг, лучше запивать вином.

Вскоре запахи всех этих лакомых яств наполнили камеру. Обставленный блюдами, Патял налегал то на сыр, то на сардины, запивая их и пивом и вином – что попадало под руку.

Ему вдруг вспомнилось, как еще на воле он вот так же сытно и вкусно ужинал, сидя на веранде загородного ресторанчика. Солнце заходило, листва деревьев поблескивала в его лу-

чах, а против Патяла сидел толстый ресторатор – владелец этого райского уголка, болтал без умолку и все потчевал его, как это делает сейчас надзиратель...

– Расскажите мне что-нибудь смешное, – попросил Патял, и надзиратель принялся рассказывать ему анекдот, как он выразился, самого непристойного содержания.

Потом Патял сказал, что хочет каких-нибудь фруктов и конфет или легкого печенья с чашкой черного кофе.

Его желание было исполнено. Когда он покончил с десертом, в камеру вошел тюремный священник, чтобы принести узнику последнее утешение.

Священик был веселый, простой в обращении и приятный мужчина, как, впрочем, и все окружавшие Патяла люди, которые так заботились о нем, но осудили его на смерть и завтра повесят. Лица их дышали бодростью; с ними приятно было иметь дело.

– Утешь вас бог, мой милый, – сказал тюремный пастырь, хлопая Патяла по плечу. – Завтра утром вы с этим разделаетесь, так что не впадайте в отчаяние. Исповедайтесь и смотрите весело на божий мир. Уповайте на господа, ибо он радуется каждому покаявшемуся грешнику. Бывают люди, которые всю ночь мечутся по камере и стонут, если не исповедаются; знаю, тут нет ничего приятного, и голова прямо-таки лопается. А вот тот, кто исповедался, спит последнюю ночь сном праведника. Ему-то легко! Повторяю, голубчик, и вам полегчает, если вы очистите душу от грехов.

Патял внезапно побледнел. Его тошнило, все внутренности переворачивало, а рвоты не было. Тело сводили страшные судороги, он извивался и корчился, на лбу выступил холодный пот.

Священник не на шутку испугался.

Прибежали надзиратели и отнесли Патяла в тюремную больницу. Тюремные доктора качали головой. К вечеру у больного появился сильный жар, а после полуночи доктора объявили его состояние угрожающим и единогласно поставили диагноз: острое отравление.

Тяжелобольных не казнят, поэтому в ту ночь на тюремном дворе не ставили виселицу.

Вместо этого Патялу промывали желудок, и анализ остатков непереваренной пищи показал, что ливерная колбаса была испорчена и содержала яд.

В магазин, где была куплена колбаса, нагрянула комиссия и обнаружила, что колбасник не соблюдает санитарных правил и хранит колбасу не на холоде. Комиссия составила протокол, и дело было передано прокурору, который привлек торговца к ответственности за антисанитарное хранение продуктов.

В числе тюремных врачей, лечивших Патяла, был молодой добросовестный доктор, который не отходил от постели больного и старался спасти ему жизнь, так как случай был исключительно тяжелый, сложный и интересный. Днем и ночью молодой врач ухаживал за Патялом и недели две спустя, похлопав его по спине, сказал:

– Спасен!

На следующий день Патяла повесили по всем правилам, ибо для этого он был уже достаточно здоров.

Колбасник, по чьей вине на две недели затянулось земное существование Патяла, был приговорен к трем неделям заключения, а доктор, спасший Патялу жизнь, удостоился похвалы судебных властей.

НАСЛЕДСТВО ШАФРАНЕКА

После всех необходимых формальностей выяснилось, что наследство Франтишека Шафранека составляет ровно семь геллеров. Вот и все богатство, оставшееся после этого доброго человека. Но самым неприятным было то, что у Шафранека не оказалось наследников, и государству пришлось принять эту сумму на хранение. Семь геллеров положили в государственный депозит, и власти принялись за усиленные поиски наследников.

Нотариат стал развивать бешеную деятельность. Прежде всего был назначен управляющий наследством. На основании своих полномочий он составил ясное, исчерпывающее извещение и напечатал его во всех газетах и журналах, заплатив за это по тарифу объявлений. Позаботился он и о том, чтобы сообщение о Шафранеке появилось в местной хронике газет.

Объявление гласило:

«Семнадцатого июня с. г. в городской больнице скончался подмастерье печника Франтишек Шафранек, шестидесяти семи лет от роду, по имеющимся сведениям, холостой. Лица, претендующие на наследство покойного, приглашаются в нотариат окружного суда.»

Словом, управляющий наследством пан Камейка рьяно взялся за дело. Поиски неизвестных родственников покойного Шафранека он начал со всей обстоятельностью, на какую только способны австрийские учреждения.

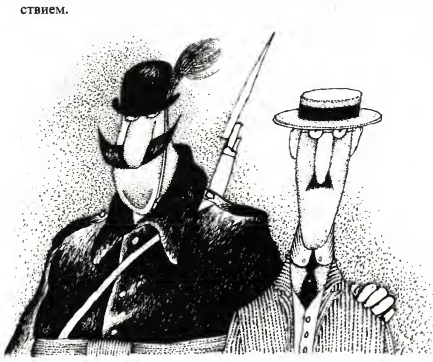
Мелкий судейский чиновник Камейка уже зарекомендовал себя кое-чем, однако ему еще никогда не выпадала честь быть

управляющим наследством. «Сделаю все возможное, – решил он, – и во что бы то ни стало докопаюсь до истины.»

Пока Камейка трудился не покладая рук, семь геллеров, положенные в депозит, покоились вместе с другими суммами в сейфе государственного банка, около которого прохаживался солдат с ружьем.

Камейка не дремал. За короткий срок он поместил до пятидесяти объявлений в пражских и провинциальных газетах, что обошлось казне в шестьсот крон. Писарь Шмидт был завален работой по отправке повесток всевозможным Шафранекам, которые нежданно-негаданно получали вызов в суд. В одной только Праге оказалось пятьдесят восемь Шафранеков.

С таким материалом уже можно работать. Наблюдать трепет этих бедняг, вызванных в суд, где их допрашивали со всей строгостью и обстоятельностью, было истинным удовольствием.

Впрочем, Камейка немало намучился с Шафранеками! Некоторых приходилось чуть ли не за шиворот тащить в суд, или, выражаясь официальным слогом, доставлять туда под конвоем. Так было с Алоисом, Беноном, Артуром, Вилемом, Карлом, Антонином Шафранеками и с Филоменой Шафранековой. (Эта баба страшно скандалила, когда полицейские подняли ее в шесть часов утра.) Двум Шафранекам – Михалу и Богуславу – эта история стоила должности, ибо полицейские явились за ними прямо на службу, чем наниматель был весьма шокирован.

Впрочем, все это пустяки, лишь бы была соблюдена юридическая процедура.

Когда с Прагой было покончено, Камейка вооружился адресной книгой и взялся за Пльзень. Там оказалось двадцать Шафранеков. В Клатовах их набралось десять.

Короче говоря, судебные учреждения по всей Чехии были завалены делами одних Шафранеков. В Младой Болеславе было допрошено четверо, в Колине – восемь, в Горжицах – один. «В Высоком Мыте – ни одного Шафранека,» – констатировал Камейка. А спустя несколько дней он, придя домой, торжествующе объявил жене: «В Будапеште – восемь!» Все Шафранеки были допрошены в местных судах, и Камейка потирал руки:

– Во что бы то ни стало я до истины докопаюсь!

За лето в окружном суде было заведено шестьсот двадцать девять новых папок. Для литеры «Ш» пришлось приобрести новый шкаф и нанять дополнительно специального писаря. К осени неутомимый Камейка переключился на Моравию.

– Нельзя терять ни одной минуты, – говорил он своим подчиненным. – Сперва Брно, за ним Оломоуц – и все пойдет как по писаному. Строжайший порядок: один округ за другим. Потом на очереди Силезия. Да, господа, для судебных органов расстояние не имеет значения!

В шкафу под литерой «Ш» прибавилось еще пятьсот шестьдесят шесть дел. Писарям ночью мерещились Шафранеки.

В один прекрасный день Камейка объявил с видом победителя:

– А теперь возьмемся за Вену. Надо заручиться содействием

тамошних полицейских властей. Дорога каждая минута. Телеграфируйте, нет ли там Шафранеков.

Шафранеки нашлись. Венская полиция препроводила в распоряжение пражского суда одного Шафранека, одного Шафранека и одного Шафрана. Волею судеб они оказались почтенными коммерсантами, которые не знали, что и думать, когда их ночью схватили и отвезли в Прагу. По этому поводу был даже запрос в парламенте.

Камейка сиял.

– Все идет как по писаному, – повторял он. – Вот увидите, я отыщу этих наследников. Пора, однако, обратиться за помощью в наши консульства за границей.

В канцелярии окружного суда прибавилось еще сто семьдесят два дела. Консульства проявили не меньшее рвение, и через полгода Камейка мог похвастаться поистине замечательными результатами. В Германии нашлось триста четырнадцать Шафранеков, во Франции – два, в Англии – девять, в России – тринадцать (найдены и сосланы в Сибирь), в Турции – разыскали одного Шафранека-бея. В Испании не оказалось ни одного, зато в Америке – восемьдесят человек. Из Австралии не поступило ответа, из Пекина ответ был отрицательный. Токио с энтузиазмом сообщало, что о таком имени и не слыхали.

– Господа, – с удовлетворением заявил Камейка своим подчиненным, – все идет как нельзя лучше: Вот увидите, не пройдет и двух лет, как мы отыщем наследников. А до тех пор я прошу вашего неослабного внимания! Писать во все суды, расследовать, искать, не давая себе ни минуты отдыха. Расходы пока что составляют всего лишь одиннадцать тысяч крон – это сущий пустяк по сравнению с важностью юридической процедуры.

Розыски продолжались. Но однажды Камейка торжественно вошел в канцелярию и обратился к писарю Шмидту:

– Прошу официально зарегистрировать мою претензию на наследство Франтишка Шафранека. Не улыбайтесь, господа, я не сошел с ума. Будьте любезны допросить меня по всем правилам. Имя и фамилия? Отвечаю: Ян Камейка. Состояли ли в родственных отношениях с покойным Франтишеком Шаф-

ранеком? Отвечаю, господа: состоял. Я вижу, вы удивлены... Да, господа, мы наконец достигли желанной цели. Мамаша моя носила в девичестве фамилию Шафранек. Я обнаружил это вчера, перебирая наши семейные документы. Ее младший брат, которому не повезло в жизни, работал в Унетицах печником. Это лицо и есть покойный Франтишек Шафранек, оставивший наследство. Заявляю о своих правах и прошу завести дело.

Прошло около пяти лет, пока были выполнены мелкие формальности, и Камейка вступил во владение наследством. Из государственного депозита ему были выданы семь геллеров, он их позолотил и стал носить в виде брелока к часам.

ПРИМЕР ИЗ ЖИЗНИ /АМЕРИКАНСКАЯ ЮМОРЕСКА/

– Нет, нет, ни в коем случае, мой юный друг, – произнес банкир Вильямс, обращаясь к молодому человеку, который сидел напротив, задрав ноги на спинку стула. – Никогда, господин Чейвин! Выслушайте меня внимательно и попытайтесь чему-нибудь научиться.

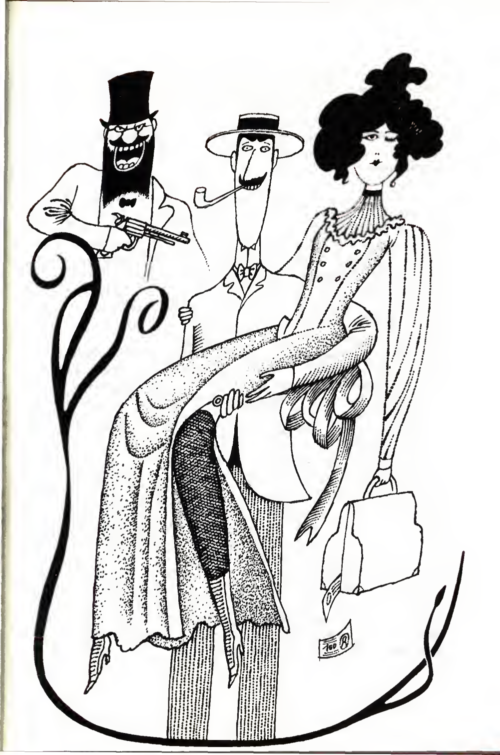
Вы просите руки моей дочери Лотты. Вам, очевидно, хотелось бы стать моим зятем. Минутой раньше на мой вопрос, есть ли у вас деньги, вы ответили, что вы небогаты и ваше состояние составляет всего двести долларов.

Мистер Вильямс положил ноги на стол, за которым сидел, и продолжал:

– Вы утверждаете, что и я был беден, что у меня когда-то не было и двухсот. Не отрицаю, но смею вас уверить, что в ваши годы я имел уже кругленькое состояние. И это только потому, что у меня была голова на плечах, а у вас ее нет. Ага, вы ерзаете в кресле?! Советую вам не горячиться: слуга у нас – здоровенный негр. Выслушайте меня внимательно и намотайте себе на ус!

Шестнадцати лет я явился к своему дяде в Небраску. Деньги мне нужны были до зарезу, и я уговорил родственничка, чтобы негра, которого так или иначе должны линчевать, казнили на его земле.

С чернокожим расправились на участке дядюшки. Все желающие поглазеть должны были заплатить за вход, потому что место казни мы обнесли забором. Выручку собирал я, и, как только негр был повешен, я благополучно смылся, захватив все деньги.

100 R

Повешенный принес мне счастье. Я купил земельный участок на Севере и распространил слух, что, перекапывая его, нашел золото. Позже участок был очень выгодно продан, а деньги положены в банк.

Едва ли стоит вспоминать, что потом один из одураченных стрелял в меня, но его пуля, раздробившая мне кисть правой руки, принесла мне почти две тысячи долларов – как возмещение за увечье.

Поправившись, я на все свои сбережения купил акции благотворительного общества по возведению храмов на территории, населенной индейцами. Мы выдавали почетные дипломы стоимостью в сто долларов, но не выстроили ни одной церквушки. Вскоре общество вынуждено было объявить себя банкротом. Это произошло ровно через неделю после того, как я обменял обесцененные акции на партию шкур, цены на которые тогда быстро росли. Основанный мною кожевенный завод принес мне целое состояние. И это все оттого, что продавал я за наличные, а покупал в кредит.

Разместив свой капитал в нескольких канадских банках, я объявил себя несостоятельным должником. Был арестован, но на следствии плел такую чушь, что эксперты признали меня душевнобольным. Присяжные не только вынесли мне оправдательный приговор, но и организовали в зале суда сбор денег в мою пользу. Их вполне хватило, чтобы добраться до Канады, где хранились мои сбережения.

У бруклинского миллионера Гамельста я похитил дочь и увез ее в Сан-Франциско. Он вынужден был согласиться на наш брак, так как я пригрозил, что не отпущу ее до тех пор, пока не смогу дать в газеты сенсационное сообщение вроде «Дочь мистера Гамельста – мать незаконнорожденного ребенка».

Видите, господин Чейвин, каким был я в ваши годы, а вы все еще не совершили ничего, что позволило бы мне сказать: вот вполне разумный молодой человек!

Вы говорите, что спасли жизнь моей дочери, когда она, катаясь в лодке, упала в море? Прекрасно, но я не вижу, чтобы для вас это имело практический смысл, ведь, кажется, вы совершенно безнадежно испортили свои новые штиблеты?

Что же касается ваших чувств к моей дочери, то я не понимаю, почему я должен платить за них из своего кармана, тем более «зятю», у которого соображения нет ни на грош.

Ну, вот, вы опять вертитесь в кресле. Пожалуйста, успокойтесь и ответьте мне, совершили вы хоть раз в жизни что-нибудь путное?

– Ни разу.

– Вы богаты?

– Увы!

– И вы просите руки моей дочери?

– Да.

– Она любит вас?

– Да.

– Наконец, последний вопрос: сколько у вас с собой денег?

– Сорок шесть долларов.

– Хорошо, я беседую с вами больше тридцати минут. Вы хотели узнать, как делают деньги. Так вот, с вас тридцать долларов: по доллару за минуту.

– Но позвольте, мистер Вильямс... – запротестовал молодой человек.

– Никаких «позвольте», – с усмешкой проговорил банкир, глядя на циферблат. – С вас причитается уже тридцать один доллар: Прошла еще одна минута.

Когда изумленный Чейвин уплатил требуемое, мистер Вильямс любезно попросил:

– А теперь извольте покинуть мой дом, или я прикажу вас вывести.

– А ваша дочь? – уже в дверях спросил молодой человек.

– Дураку она не достанется, – спокойно ответил мистер Вильямс. – Убирайтесь, или я доставлю вам удовольствие проглотить свои собственные зубы.

– Хорош был бы у меня зятек? – сказал господин Вильямс дочери, когда Чейвин ушел. – Этот твой возлюбленный глуп на редкость. И никогда не поумнеет.

– Значит, – осторожно спросила мисс Лотта, – у него нет никаких надежд стать моим мужем?

– При данных обстоятельствах – это совершенно исключено, – категорически заявил мистер Вильямс. – Пока он каким-

нибудь ловким манером не докажет обратное, у него нет никаких надежд!

И мистер Вильямс поведал теперь уже дочери историю линчевания негра на земле его дядюшки, рассказал также о своей крупной ссоре с миллионером Гамельстом и добавил:

– Я сообщил твоему знакомому немало поучительного.

На следующий день Вильямс уехал по делам. Неделю спустя он возвратился и нашел на своем письменном столе записку следующего содержания:

«Многоуважаемый мистер Вильямс!

Сердечно благодарю за совет, который Вы дали мне на прошлой неделе.

Ваш пример так воодушевил меня, что, воспользовавшись Вашим отсутствием, мы с Вашей дочерью уехали в Канаду, захватив из Вашего сейфа все наличные деньги и ценные бумаги.

С уважением
Ваш Чейвин».

А ниже стояло:

«Дорогой папочка!

Просим твоего благословения и заодно сообщаем, что мы не смогли найти ключ от сейфа и взорвали его нитроглицерином.

Целую

Лотта».

БАРОН И ЕГО ПЕС

На пятом этаже многоквартирного дома, затерянного на городской окраине, была порыжелая от времени дверь против входа на чердак, украшенная визитной карточкой:

Барон Деккер из Пршегоржова

Служанки, то и дело ходившие на чердак вешать белье, часто останавливались перед этой дверью послушать разговоры знатных жильцов.

– Как ваше здоровье, граф? – слышалось из-за дверей.

– Благодарю вас, барон, – отвечал тот же голос. – Я вижу, ваша светлость в отличном настроении. Уж не выиграли ли вы вчера в макао, милый князь?

– Как вы полагаете, граф?

– Пари держу, причиной здесь – прекрасная графиня, – возражал все тот же голос. – Не поехать ли нам кататься, господа?

– Лошади поданы. Allons![1] Где моя свора гончих? Зебор, auf![2]

Тут служанки, заслышав щелканье замка, торопились проскользнуть в чердачную дверь, а на пороге появлялся барон Деккер в сопровождении своего престарелого пса Зебора. Если поношенный сюртук барона производил впечатление почти нового, то шуба лягавого казалась купленной у старьевщика.

[1]Едем! *(франц.)*
[2]Вставай! *(нем.)*

Будь это не пес, а лошадь, перед нами была бы точная копия Дон Кихотова Россинанта. Во всяком случае у него была примерно та же участь: тащиться за своим хозяином по этой юдоли слез, еле передвигая ноги, но не забывая в то же время о том, как должна вести себя собака, получившая аристократическое воспитание.

В этом Зебор брал пример с хозяина.

На людях барон преображался до неузнаваемости: всем давал почувствовать, что значит баронский титул. Но вечером, вернувшись домой, старик в своей одинокой конуре долго кряхтел и охал, а потом садился за стол писать прошения представителям всей родовой и титулованной знати.

Пес сидел рядом и то приподнимал одно ухо, то с аристократическим изяществом принимался ловить блох.

Ах, эти блохи! В минуту дружеской откровенности, когда забываешь разницу в общественном положении, легавый Зебор сказал таксе, жившей у соседней лавочницы:

– Поверите ли, эти блохи отняли у меня десять лет жизни!

Заслышав скрип пера, Зебор перестает грызть свою ляжку, поднимает одно ухо и смотрит на барона слезящимися глазами, словно человек, у которого насморк.

Между тем старика, составляющего прошение некоему графу, ротмистру, осеняет блестящая мысль: будто он проиграл восемьдесят тысяч крон на честное слово, с обязательством заплатить не позже как через неделю. Отложив перо, он начинает быстро ходить по комнате, громко восклицая:

– Как же я нарушу честное слово, дорогой граф? Ведь об этом между джентльменами не может быть речи!

Пес, фыркая, ходит за ним как тень; а когда барон опять садится за стол продолжать письмо, он тоже садится рядом и принимается искать у себя в шерсти свое скромное скудное лакомство. Отправив письмо, оба ложатся. Зебор, взобравшись на кровать, устраивается в ногах у хозяина. В холодной, неуютной комнате слышен дрожащий голос барона:

– Зебор, Зебор! До чего мы с тобой дожили!

Зебор садится на постели и чихает.

В такие минуты сердечного доверия они все, все говорили друг другу. Не думайте, что пес только слушал: он тоже

разговаривал. Поворчит-поворчит и промолвит с укоризной:

– Эх, сударь, не надо было так сорить деньгами!

– Видишь ли, Зебор, признаться, мы были порядочными идиотами. Ну, к чему было, скажи, ради бога, содержать сразу столько танцовщиц?

– С вашего разрешения, сударь, – ворчал в ответ легавый, – я не содержал ни одной. А вы, сударь, помимо всего прочего, еще и в карты играли. Вспомните: разве я играл в trente et quarante?[1] Нет, сударь. Я только за зайцами гонялся. Помните, как я искусал лесничего?

– Ах, Зебор, Зебор! – вздыхает барон, стараясь потеплей укрыться старой периной. – Если б ты знал, какое наслажденье – устрицы! Хорошенько покапаешь на нее лимоном... Просто хоть плачь! А после, после запьешь хорошим вином . . . parbleu[2], я сейчас зареву!

– Поплачем вместе, сударь! – ворчит Зебор. И оба скулят, уткнувшись в перину.

– Хоть бы нам когда-нибудь в лотерею выиграть, Зебор! – говорит барон, засыпая.

У Зебора слипаются глаза, но он приподнимается на голос хозяина. «Так точно!» – мелькает у него в мозгу, и он, улегшись опять, засыпает.

Так лежат они, не евши, двое суток, пока почтальон не приносит двадцать крон, посланных ротмистром.

Тогда оба совершают свой туалет – то есть Зебор вылизывает себя всюду, где достанет, а барон напяливает свой выцветший сюртук, – и с важным видом выходят на улицу.

Обоих согревает мысль о двадцати кронах. Зебору понятно: раз он обогнули этот угол и зашагали по переулку – значит, путь их лежит на другой конец города, к одной лавке. Там на вывеске изображена лошадиная голова и написано:

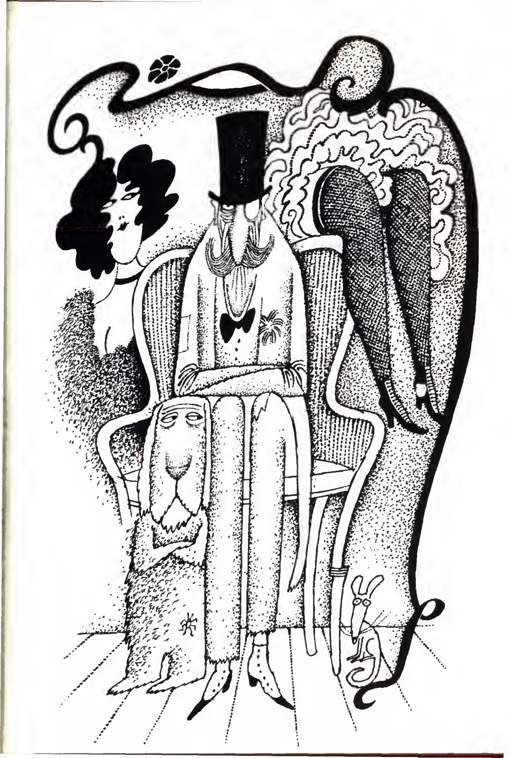
«Продажа конины».

Шествуя, оба видят перед собой копченую конину – и какую!

На этот раз Зебора не остановит никакая встреча с собакой. О чем говорить с этим нищим сбродом! Сегодня они с хозяи-

[1] «Тридцать и сорок» – азартная карточная игра *(франц.)*.

[2] Черт возьми *(франц.)*.

ном – господа; они держат путь в ту лавочку с нарисованной лошадиной головой!

В лавке барон, как обычно, приходит в смущение. Он долго объясняет, что ему нужно три кило конины для одной бедной многодетной вдовы. Он охотно купил бы ей говядины, но считает, что лучше, сэкономив на мясе, употребить остальное на покупку чулок для нее самой и детей.

Пока барон плетет свои небылицы, его легавый рассказывает собаке мясника:

– Знаешь, голубчик, у нас вчера подавали за обедом поросенка. А я убрал полгуся.

И гордо удаляется вслед за своим хозяином, который несет три кило конины.

В этот день, после сытного обеда, обоим снятся скачки.

АВСТРИЙСКАЯ ТАМОЖНЯ

И надо же было случиться такому несчастью! Во время прогулки в окрестностях Дрездена я попал под поезд. Меня так основательно помяло, что прошло полтора года, прежде чем я вышел из больницы. Я предполагал, что вернусь в Прагу из Дрездена через четыре дня, а между тем моя прогулка затянулась на полтора года.

Впрочем, все мы в руце божией, а я, кроме того, побывал еще и в руках медиков.

Вид у меня был ужасный. Я так до сих пор и не знаю, что от меня осталось моего собственного. Мне известно только, что восемнадцать врачей с пятьюдесятью двумя ассистентами искусно собрали меня по частям. И как хорошо собрали! Я получил свидетельство, в котором было указано, из чего именно меня склеили, чтобы дать мне возможность дожить свой век хотя бы инвалидом, – свидетельство на четырнадцати страницах.

Собственного у меня сохранился только кусок мозга, какая-то часть желудка, килограммов пятнадцать мяса да пол-литра крови, все же прочее чужое, кроме сердца, да и то сшито из моего и бычьего. Это настоящий триумф медицины.

Снаружи у меня все искусственное. Об этом тоже упоминается в вышеуказанном свидетельстве. Словом, я прекрасный пример того, как медицина может сотворить чудо, составив из различных частей нового человека.

Выписавшись из клиники, я отправился сначала на центральное кладбище в отделение, где больницы погребают части человеческого тела, и посмотрел на могилу, где покоились

мои останки. Затем я отправился на вокзал и поехал в Прагу с сознанием, что моя прогулка в Дрезден по своей продолжительности превзошла экскурсии всех туристов, когда-либо посетивших этот прекрасный город.

В Дечине мы прошли тщательный таможенный осмотр. Когда австрийские таможенники раскрыли наши чемоданы и уже успели в них порыться, взгляд одного чиновника упал на меня. Пораженный моим видом, он, очевидно, принял меня за человека, который проносит тайком по меньшей мере сахарин. Я выглядел, как контрабандист, которому намяли бока.

– Возьмите чемодан, – предложил мне чиновник, – и ступайте с ним в канцелярию.

В канцелярии чемодан открыли, перерыли вещи и не нашли ничего подозрительного, но увидели среди других бумаг свидетельство, выданное мне в дрезденской больнице и подписанное восемнадцатью профессорами и пятьюдесятью двумя ассистентами.

– Дружище, – сказал мне, просмотрев свидетельство, чиновник, – зайдите наверх к начальнику. Иначе мы не сможем пропустить вас в Австрию.

Начальник таможни, важный служащий, прекрасно знал свое дело. Посмотрев свидетельство, он сказал:

– Во-первых, как обозначено в этом документе, заднюю часть черепа у вас заменяет серебряная пластинка. Это серебро не имеет пробы, а посему вы заплатите штраф – двенадцать крон за сто двадцать граммов серебра, согласно тарифу шесть и тарифу восемь и параграфу девятьсот сорок шесть таможенной инструкции; вы хотели тайком провезти неклейменое серебро, следовательно, заплатите штраф в тройном размере, то есть трижды двенадцать крон, итого тридцать шесть крон. Далее следует пошлина за сто двадцать граммов серебра (литеры b, f и g). Согласно международному соглашению тысяча девятьсот второго года, десять геллеров с грамма, то есть со ста двадцати граммов, – двенадцать крон.

Затем левое бедро заменено у вас лошадиной костью. Будем считать это тайным провозом костей крупного скота. Следовательно, мой друг, вы причиняете ущерб австрийской торговле костью.

С какой целью вы носите в себе заграиичиую лошадиную кость? Чтобы вы могли ходить? Запишем в таком случае в протоколе, что вы используете лошадииые кости в промышленных целях. Не советую вам запираться, сударь!

Промышленность – прекрасное дело, ио иевыгодное для вас, потому что при обнаружеиии тайного провоза кости в Австрию мы взимаем высокую пошлиину. Заплатите двадцать четыре кроны.

Засим здесь имеются сведения, что вместо трех ребер у вас вставлены платиновые проволочки. Вы хотите провезти в Австрию платину? Знаете ли вы, что вас за это ожидает? Штраф в трехсоткратном размере. Если эти проволочки весят двадцать граммов, штраф составит тысячу шестьсот пять крон. Вот до чего доводит преступиое легкомыслие!

Но что я вижу! Здесь сказано, что одна из ваших почек, а имеиио левая, заменеиа свииой.

Сударь, ввоз свиней в Австрию из-за границы запрещен. Это запрещеиие распространяется и на отдельные части свиней, а посему, если вам угодно попасть в Чехию, извольте оставить почку в Германии.

Я иа это не согласился и потому уже десять лет сижу в Саксонии и жду, когда аграрии, ибо я и сам аграрий, разрешат ввозить свинину в Австрию*. Тогда я вернусь на родину.

ЮБИЛЕЙ СЛУЖАНКИ АННЫ

Председательница общества по охране труда домашней прислуги, супруга советника пани Краузова готовила к завтрашнему дню торжественную речь.

В семье секретаря Общества – супруги коммерции советника пани Тихой – вот уже пятьдесят лет трудится некая Анна, служанка, взрастившая два поколения Тихих. Общество постановило отпраздновать полувековой юбилей ее верной службы. Анне семьдесят пять лет, она всегда отличалась примерным поведением и не лакомилась потихоньку из хозяйского буфета.

Завтра на торжественном заседании ей будет вручена награда: золотой крестик, золотая монета достоинством в десять крон, чашка шоколада и два пирожных. И это еще не все. Анне предстоит услышать юбилейную речь пани Краузовой, а в заключение пани Тихая преподнесет ей молитвенник.

Ах, если бы речь была уже составлена! Извольте радоваться: пани советница должна ломать себе голову из-за какой-то служанки! Исписаны горы бумаги, а речь всё не получается!

Советница прошлась по комнате, размышляя. О чем же ей говорить? Не о том ли уж, что теперь домашняя прислуга состоит в профсоюзе и добивается выходных дней и ужинов от хозяев? Ну и времена! С ума сойти от этой публики. Бывало дашь затрещину и выставишь без всяких церемоний за дверь. Нет, теперь вас за это к суду притянут.

Советница подсела к письменному столу и потерла виски мигреневым карандашом.

За примерами недалеко ходить. Взять хотя бы ее теперешнюю служанку. Бесстыдница завела себе ухажера, и тот снабжает ее всяческими книжками . . . Подумать только, эта дрянь желает быть образованной! Все казалось настолько скверным, что советница опять потянулась за мигреневым карандашом.

Нет, так речь не подготовишь, только зря расстроишься. А ведь она уже столько раз сочиняла подобные речи и выступала с ними в Обществе. До чего ж хочется сказать что-нибудь совершенно новое, свежее . . . Ну, а если начать с упоминания о господе боге? Богом дела не испортишь: господь бог для прислуги в самый раз. Молись и трудись! А как это будет полатыни? Непременно спрошу у мужа, когда он придет со службы. Вот и отлично, так мы и начнем: «Молись и трудись!»

Советница вдохновенно застрочила: «Молись и трудись! Прекрасны эти слова! Без молитвы не добьешься успеха в труде, без молитвы не станешь порядочным человеком.

Достопочтенные пани, сия истина нашла свое лучшее подтверждение в судьбе нашего сегодняшнего юбиляра.

Служанка Анна прилежно молилась богу в продолжение пятидесяти лет, и господь провел ее через все жизненные испытания к желанной цели. Сегодня мы празднуем пятидесятилетний юбилей неутомимого труда, которому уготована немалая награда на небе и на земле. На небе – царство божие, а на земле – золотой крестик, золотая монета достоинством в десять крон, молитвенник, чашка шоколада и два пирожных!!

Молись и трудись! Наш юбиляр Анна трудилась все пятьдесят лет не покладая рук и ныне вкусит плоды своего усердия. Как вам известно, достопочтенные пани, золотая монета достоинством в десять крон содержит в себе пятьсот крейцеров. Таким образом, за каждый год верной службы наш уважаемый юбиляр награждается целыми десятью крейцерами.

Чтобы заслужить эту большую награду, Анна пятьдесят лет молилась, не ходила на танцы и в театр, не читала развращающих ум книг. Она знала только святое писание, а оно учило ее любви и уважению к нанимателям на стезе безграничного послушания и добропорядочности.

Молись и трудись! Наш юбиляр, Анна, всю жизнь блюла себя, держалась в стороне от всяких смутьянов, не точила лясы с чужой прислугой, не сплетничала о господах, и святая молитва придавала ей силы на жизненном пути.

Взгляните же, достопочтенные пани, на эту старушку! Она всегда была послушна, скромна и молчалива. Ее преисполненное смирения сердце было вверено господу богу. В свободные минуты она размышляла о бренности существования, о смерти, о судном дне и о наказании за грехи. А как горячо молилась она на сон грядущий! Смиренной, безропотной знают ее два поколения в доме всеми уважаемого пана коммерции советника Тихого. Да, чистое сердце и искренность помыслов всегда отличали нашего юбиляра! Она бывала признательна за каждый дарованный ей кусок и всякий раз в порыве благодарности и преданности целовала щедрую руку хозяина и хозяйки. Вот так и вела она себя в этом доме в продолжение всех пятидесяти лет. За все эти годы служила Анна ни разу ничего не украла и как зеницу ока берегла господское добро!

Получая за свой труд пять крон ежемесячно, она так разумно ими распоряжалась, что не только покупала себе еду на ужин, но еще ухитрялась откладывать деньги, дабы каждый год, с разрешения своих хозяев, совершать с другими богомольцами паломничестбо на Святую гору близ Пршибрама. Оттуда она привозила всем религиозные сувениры, а это лучшее свидетельство о ее большой душевной чистоте. Она постоянно твердила, что готова отказаться от еды и питья, лишь бы беспрестанно воздавать хвалу господу, и уверена, что была бы еще в тысячу раз счастливее, если бы не обременительные заботы о своем грешном теле...»

Советница решила чуточку передохнуть. Ах, какой триумф ожидает ее завтра! Ее речь, вне всякого сомнения, будет упомянута в католической прессе. А потом неплохо издать ее отдельной брошюрой под названием «Послание к домашней прислуге». Может перестанут выплескивать хозяйские ложки в помои, когда узнают о жизни этой благочестивой старухи?!

Вошла служанка и доложила: «Супруга коммерции совет-

иика пани Тихая». В комиату влетела раздушеииая дама и, рыдая, упала в объятия председательницы Общества.

– Какой конфуз! Наша юбилярша приказала долго жить! Оиа осушила слезы и стала рассказывать со злостью в голосе:

– Вчера я послала ее в подвал за углем (разумеется, когда человеку семьдесят пять лет, то его все-таки жаль выбросить на улицу, иу а раз я ее кормлю, то волей-неволей приходится требовать работы). Так что же вы думаете? Эта иегодиица вдруг возьми да и упади себе с лестницы, к тому же еще с полным мешком угля. Так сильно разбилась, что сегодня утром испустила дух. Какой конфуз! Ни с того, ии с сего расстраивается иаш праздиик! А я уже сделала себе для иего такой ши-

карный туалет... Да и похороны станут по меньшей мере тридцать крон, а на сберегательной книжке у покойницы всего-то двадцать пять...

Пани Краузова опять потерла виски мигреневым карандашом. Она посмотрела на только что исписанные листы и у нее вырвалось:

– Похоже, она нам все это нарочно подстроила...

СУП ДЛЯ БЕДНЫХ ДЕТЕЙ

Князь Роберт был очень гуманный человек. Он решил устроить в деревне, находившейся возле его замка, бесплатную раздачу супа для бедных школьников, не пожалел средств на постройку павильона и выписал из Вены походную кухню. Когда ее доставили, княгиня на коленях умоляла мужа отказаться от своей затеи. Но князь ответил:

– Ни в коем случае, княгиня ... Я сам буду варить этой голытьбе картофельный суп.

Отговаривал его и брат княгини, граф Мангард, доказывая, что это – занятие, недостойное князя.

Но князь Роберт закричал, что будет во что бы то ни стало сам варить картофельный суп и выкинет за дверь всякого, кто вздумает лезть к нему со своими советами.

Князь Роберт был очень гуманный, но в то же время очень вспыльчивый человек.

И вот в один прекрасный день павильон и походную кухню убрали свежими сосновыми ветвями, вход в павильон украсили надписью: «Награди, господь!», в сосновые ветви вплели флажки, двухцветные ленточки, и дворецкий во фраке и цилиндре подошел к печке и принялся ее растапливать. Таково было желание князя Роберта.

Сам он смотрел в окно, с нетерпением ожидая, когда дворецкий снимет цилиндр – в знак того, что вода закипела и пора его светлости чистить картошку. Это было тоже предусмотрено составленной князем программой.

Наконец князь вышел из замка и важно, торжественно про-

следовал к павильону, возле которого стояла походная кухня. Там был и сельский староста, занятый тем, что тыкал кулаками под ребра бедных ребят, которые даже в это мгновенье, не обращая внимания на его светлость, продолжали ковырять в носу.

Староста знал порядок. Он велел всем двадцати трем бедным школьникам кричать князю «ура», кинул на них быстрый взгляд – умыты ли – и дал знак стражнику Пазоуреку; тот зажег фитиль у одной мортиры и перебежал к другой. Грянули два выстрела, и князь выступил из заклубившихся над мортирой облаков дыма. Дети оглушительно заорали. Князь приветливо махнул рукой и сел перед походной кухней. Два лакея подали ему картофелину. Взяв ее руками в белых перчатках, он очистил ее и бросил в котел с кипятком. Дети не могли кричать от радости, так как охрипли. Его светлость приступил к чистке второй картофелины. Когда он бросил и ее в котел, снова раздался радостный рев. Князь Роберт встал и промолвил:

– Ви, детка, имейт радост, кушайт суп и радовайтеся, что я вас варил. Ви, детка, должна помнийт, что я для вам к нас, я быть ваш мать, я вас...

Раздался новый радостный рев – в знак того, что прекрасная речь его светлости доставляет юным слушателям искреннее удовольствие.

– Ви, детка, знайт: то есть лучший монумент вам, что я варю, – торжественно продолжал князь. – Ви делайт ам-ам хорошего суп, а я вас сам картошить. Молийтс богу об мэйне!

Вслед за тем каждый из двадцати трех бедных учеников получил от его светлости крону. В заключение князь подошел к старосте, снял перчатки и отдал их ему со словами:

– На памейт о первый ам-ам хорошего суп, который я картошил. Молийтс богу об мэйне!

Егерь подвел князю коня, и его светлость отбыл рысью в заповедник, а дворецкий и лакеи гордо удалились в замок.

Староста сунул перчатки в карман, посмотрел на бедных ребят, потом на сельского стражника Пазоурека, потом опять на перчатки – нет ли тут чего, – наконец обратился к члену общинного управления Вержине с такими словами:

– Ну, а кто ж теперь суп-то для этих голодраицев доварит?

– Пазоурек с ребятами пускай дочистят картошку, – ответил Вержина.

– Вари суп, Пазоурек, а вы, девчата, принимайтесь чистить картошку, – распорядился староста и ушел с первым и вторым члеиами общинного управлеиия.

Стояла невероятная жара. Пазоурек стал ругать детей, свирепо вращая глазами:

– Показал бы я вам, как ходить сюда за супом! Балует вас его милость!

С осиовательностью старого солдата он, не вынимая трубки изо рта, опустил в кипящую воду разложенные на столе продукты. Тем времеием девочки уже почистили всю картошку, и он принялся хлопотать вокруг котла, стирая рукавом обильной пот со лба. Вдруг ои перестал мешать в котле; его озарила какая-то мысль. Поглядев на кувыркающихся в траве перед павильоиом ребят, он крикиул одиому из них:

– Эй, Малина, пойди сюда!

Ничего не подозревающий Малина подошел.

– Слушай, сорванец! – заявил ему Пазоурек. – Я видел, ты вчера на общиином поле горох воровал. За это штраф полагается. Давай сюда крону и позови брата своего Пепика ... Пепик, паршивец, ты зиаешь, что брата твоего Карела чуть в тюрьму не посадили? Он вчера горох воровал. За это – штраф. Он крону от кияза получил и ты тоже. Благодарите бога, что у нас князь такой добрый. А то кто бы за вас, прохвостов, штрафы платил? Так вот, крона с Карела да крона с тебя, Пепик, – как раз и выйдет что полагается. Только смотрите: коли я вас опять в горохе увижу, сейчас же запру в хлев при управлении. Штаиы долой – и задам трепку! Воровать – великий грех, дети! Но я вас прощаю. А теперь, Пепик, сбегай за поллитровкой, а Карел пускай суп помешает.

И ои спокойно расположился возле котла иа лужайке. Вскоре Пепик принес поллитровку. Выпив как следует, Пазоурек собрал вокруг себя ребят и долго беседовал с иими о необходимости уважать иачальство.

– Потому оно – от бога, сукины дети! – сказал он в заключение и послал за второй поллитровкой.

Солнце стояло уже высоко, и Пазоурек снял сапоги, потом, привольио раскинувшись иа траве, уснул, между тем как ожидающие княжеского угощеиия занялись игрой в «разбойиики».

Крик их ие будил Пазоурека. К тому же скоро вокруг все затихло, так как «разбойиики» убежали в заповедиик.

В полдеиь князь, возвращаясь с прогулки домой в замок, увидел всеми оставлеиную походную кухию и пустой павильон.

Из котла валил пар, слышалось клокотаиье, и иа поверхиость время от времеии всплывали сапоги общиииого стражника Пазоурека. Князь разбудил его пинком, так как хотя был человеком гумаииым, но очень вспыльчивым.

А с дороги над косогором, укрывшись в кустах териовиика, братья Малииа, ликуя, любовались сапогами и всей картииой

в целом, как художник любуется своим произведением, удостоенным первой премии.

По-видимому, это зрелище возместило им потерю двух крон.

Князь тотчас отменил бесплатную выдачу супа. А когда его шурин, граф Мангард, человек исключительно добросердечный, встретил в лесу общинного стражника Пазоурека и с любопытством осведомился, как они варили в первый и последний раз картофельный суп, Пазоурек откровенно признался:

– Ах, ваша милость! Это было ужасно. Вонь стояла такая – ну не продохнешь!

ИСТОРИЯ ПОРОСЕНКА КСАВЕРА

Поросенка Ксавера кормили мелассовыми кормами. Имя Ксавер дал ему управляющий имением в честь государственного советника профессора Ксавера Кельнера из Меккера, крупнейшего авторитета в области науки о кормах, которому принадлежит следующий блестящий афоризм: «Ввиду того, что меласса, по моим всесторонним наблюдениям, производит такое великое действие, ни один вид корма не заслуживает такого внимания, как это домашнее средство.»

Поросенку Ксаверу меласса шла на пользу. Он толстел с каждым днем и философствовал в своем роскошном хлеву о жизненных наслаждениях, копаясь рылом в мелассовом корму и запивая еду отличным молоком. Время от времени его навещал владелец, граф Рамм, и говорил ему:

– Вы поедете на выставку, мой мальчик. Будьте умником, кушайте как следует, не осрамите меня!

Иногда заходила графиня.

– Ах, какой он большой и красивый – мой милый Ксавер! – с сияющим взором восклицала она.

На прощание оба говорили:

– Доброй ночи, дружок! Спите спокойно . . .

А поросенок Ксавер нежно жмурил глазки вслед уходящим и так мелодично хрюкал, что графиня говорила супругу:

– Слушая нашего Ксавера, я начинаю верить в переселение душ.

Заходили к нему и гости хозяев. Они выражали по-француз-

ски, по-немецки, по-английски свой восторг перед почтенным поросенком, фотографировали его себе на память.

Он был розовый, как только что выкупанный младенец, и на шее у него красовалась кокетливо повязанная огромная бархатная лента.

– Ваш Ксавер, милый граф, несомненно получит на выставке первую премию, – предрекали джентльмены, аристократы, друзья графа.

Нежный супруг преподнес Ксавера графине в числе других подарков в день ее рождения. Так что Ксавер принадлежал теперь только ей, безраздельно и неотъемлемо ей одной. И граф был обязан поросенку таким пламенным поцелуем, словно это был не толстый, мирный, флегматичный поросенок, а красивая дикая свинья.

Как только Ксавер перешел в собственность графини, были приняты еще более строгие меры к охране его здоровья. Его перевели в особое помещение с проверенной системой вентиляции, обеспечивающей идеальную чистоту воздуха. Он имел свою ванную, свой ватерклозет, отделанный со вкусом, свойственным всему графскому роду. Всюду были развешаны термометры, и приказчик Мартин получил указание измерять температуру воды и молока, предназначаемых для Ксавера, – строго следя, чтобы уровень ее ни в коем случае не отклонялся от предписанного ветеринаром. Как же можно было допустить, чтобы столь хрупкое существо простудило желудок? Ведь от этого у него мог бы начаться хронический катар, бедняжка приобрел бы жалкий вид, и графине пришлось бы плакать.

Поэтому приказчик Мартин тщательно следил за температурой питья, заставляя по мере надобности охлаждать либо подогревать его.

В конце концов поросенку провели электрическое освещение и приучили его спать на волосяных матрацах, – разумеется, дезинфицированных. Поросенок Ксавер принимал все это благосклонно и день ото дня толстел.

Как-то раз графиня пришла с супругом навестить своего любимца. Ксавер как раз пил прекрасную воду, взятую из колодца, бактериологический анализ которой дал ноль процен-

тов содержания вредных бактерий, тогда как химический обнаружил некоторое количество полезной для здоровья окиси железа в соединении с углекислотой (столь необходимой для свиней).

Граф, по обыкновению, опустил в воду термометр и – не поверил глазам своим! Температура вместо предписанных 8 °С достигала лишь 7,5. Графиня побледнела. Не может быть! Неужели этот негодный приказчик не измерил температуру?

Соединенными усилиями графу и графине удалось оттащить Ксавера от воды. Они растолковали ему, что он может простудить себе внутренности. Потом закрыли сосуд и вне себя кинулись на квартиру к приказчику.

– Ты измерял температуру воды для Ксавера, бездельник? – загремел граф.

Мартин показал на постель у окна.

– Сынишка мой очень болен, ваша милость. Жар у него. Я забежал домой попоить его.

– Э-э, я тебя спрашиваю: ты мерил температуру воды для Ксавера?

– Забыл, ваша милость. Мальчик разболелся. Пить я ему даю. Голова кругом . . .

– Что?! – закричал в бешенстве граф. – Так-то ты относишься к своим обязанностям? Я тебе уже не хозяин, мерзавец? Делаешь, что хочешь? Сейчас же собирай свои вещи. Ты у меня больше не служишь. До вечера чтоб духу твоего здесь не было! А не то я велю тебя отсюда выбросить вместе с мальчишкой.

– Ах, эта чернь! – поддержала графиня.

В тот же день приказчик Мартин зарезал Ксавера. Срочно вызванный ветеринар мог только констатировать смерть. Графиня чуть не помешалась от горя и долго лежала без чувств. Приказчика Мартина связали жандармы; больной сын убийцы был выброшен из усадьбы.

В газетах появилось сообщение: «Зверская жестокость. Приказчик известного аристократа графа Рамма, Мартин, был уволен за нерадивость. Из мести он зарезал ценный экземпляр породистой свиньи. Изверг отдан под суд. По слухам, он не

признает никакой религии. Если это подтвердится – вот лишнее доказательство того, что, кто не верит в бога, тот способен на самые ужасные поступки».

Три месяца пробыл Мартин в предварительном заключении. На допросах он упорствовал, в тюремную часовню не ходил. Во время следствия обнаружились кое-какие изъяны в его биографии. Пятнадцать лет тому назад он отсидел две недели за нарушение закона, запрещающего уличные сборища: негодяй не пожелал «разойтись» даже по требованию старшего судебного исполнителя. В этом были уже задатки тех проступков, в которых потом сказалось все его злонравие. Далее он отсидел три дня за выкрик: «Эй вы, хохлатые!»* – новое доказательство его неуживчивого, мстительного характера. Обвинитель использовал все эти подробности и прегрешения обвиняемого. Указав вкратце на преступные склонности, обнаруженные последним в прошлом, он выразил твердую уверенность в том, что, подвернись обвиняемому под горячую руку вместо Ксавера сам граф, он и графа зарезал бы, как свинью.

Перед защитником стояла нелегкая задача. Прошлого никуда не спрячешь, а больной ребенок – слишком романтическое и притянутое за волосы смягчающее обстоятельство.

Невозможно было без жалости глядеть на бедную графиню, присутствовавшую в качестве свидетельницы и проливавшую горькие слезы при взгляде на бархатную ленточку, которая лежала на столе перед председателем суда.

– Да, я узнаю, узнаю ее, – ответила графиня на вопрос председателя. – Она принадлежала моему дорогому Ксаверу, прах которого похоронен под клумбой лилий в саду замка.

Обвиняемый не обнаружив ни малейшего раскаяния, признал себя виновным в совершении преступления и был присужден к шести месяцам тюремного заключения со строгой изоляцией за умышленную порчу чужого имущества. И это еще не все. Для вящего торжества справедливости у него за это время умер сын, ибо божьи жернова мелют не скоро, но верно. А поросенок Ксавер мирно спит под клумбой белых лилий, посреди которой стоит памятник с надписью:

«Здесь покоится прах нашего милого Ксавера, зарезанного

убийцей Мартином, присужденным к шести месяцам одиночного тюремного заключения и к шестидневнему посту. Похоронен 8 мая 1907 года в возрасте полутора лет. Да будет тебе земля пухом!»

Граф Рамм заказал себе из ленты несчастного поросенка Ксавера галстук, который надевает каждый раз в годовщину гибели этой благородной свиньи.

ПОВЕСТЬ О ПОРТРЕТЕ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ИОСИФА I

Господин Петишка держал в Младой Болеславе писчебумажный магазин. Он уважал законы и с незапамятных времен жил напротив казарм. В день рождения его величества императора, равно как и в остальные высокоторжественные праздники в честь императорской фамилии, Петишка вывешивал на своем домике черножелтый флаг и поставлял офицерскому казино бумажные фонарики. Он сбывал портреты Франца-Иосифа в еврейские шинки младоболеславского округа и в полицейские участки. Он поставлял бы изображения императора и в школы округа, но портреты не соответствовали размерам, одобренным земским школьным советом. У земского школьного инспектора был даже однажды разговор с Петишкой.

– Весьма сожалею, господин Петишка, но вы хотите всучить нам государя императора намного шире и длиннее, чем это предписано постановлением земского школьного совета от двадцатого октября тысяча восемьсот девяносто первого года. Постановлением предписан государь император более скромных размеров, а именно сорок восемь сантиметров в длину и тридцать шесть сантиметров в ширину. В вашем же императоре пятьдесят сантиметров на сорок. Вы говорите, что у вас осталось на руках свыше двух тысяч портретов нашего всемилостивейшего монарха. Но не воображайте, что вам удастся всучить нам такую заваль. Ваш государь император – это товар отвратительного качества и прескверно отпечатанный. Можно подумать, что его величество никогда не

расчесывал себе бороду, на носу у него слишком много красной краски, и, наконец, он косит.

Вернувшись домой; удрученный этим разговором Петишка сказал жене:

– Ну и влипли же мы с престарелым императором...

Все это происходило еще до войны. Короче говоря, две тысячи портретов августейшей особы так и остались висеть на шее у господина Петишки, не находя сбыта.

Когда разразилась война, господин Петишка страшно обрадовался: наконец-то он сбудет с рук эту заваль! Он повесил в своем магазине портреты кровожадного старичка с надписью:

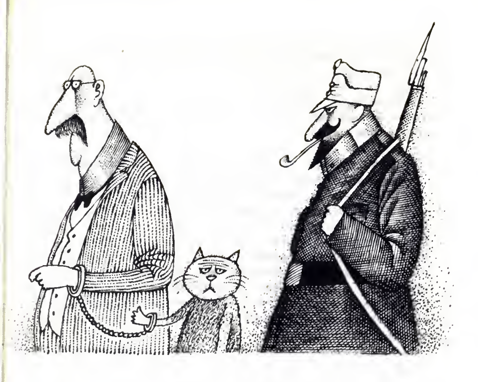
«Продажа по общедоступным ценам!
Император Франц-Иосиф I – за пятнадцать крон».

Было продано шесть штук. Пять купили для казарм, чтобы эти литографированные изображения последнего Габсбурга воодушевляли резервистов в солдатских буфетах. Один портрет купил старый Шимр, владелец табачной лавочки. Этот австрийский патриот сторговал портрет за двенадцать крон и вдобавок обозвал Петишку грабителем.

Однако война шла, а на императора по-прежнему не было спроса, хотя господин Петишка обращался и к газетной рекламе. Он напечатал объявление в газетах «Народни политика»* и «Глас народа»*:

«В нынешние тяжелые времена в каждом чешском доме должен висеть портрет нашего многострадального императора стоимостью в пятнадцать крон».

Но вместо заказов господин Петишка получил приглашение явиться в окружное управление, где ему предложили впредь воздерживаться в объявлениях от слов «тяжелые времена» и «многострадальный», а вместо них, во избежание неприятностей, употреблять слова «славные времена» и «победоносный». Тогда Петишка напечатал в газетах такой текст:

«В эти славные времена в каждом чешском доме должен висеть портрет победоносного монарха стоимостью в пятнадцать крон».

Но и это ни к чему не привело.

Он получил только несколько непристойных писем, в которых неизвестные авторы настоятельно советовали ему повесить портрет в такое место, куда императору полагается ходить пешком. Мало того, Петишку снова вызвали в окружное управление, где чиновник порекомендовал ему следить за сводками императорской ставки и, составляя свои объявления, сообразовываться с ними.

– Русские в Венгрии; они взяли Львов и стоят под Перемышлем. Все это никак нельзя назвать славными временами, господин Петишка. Это похоже на шутку, насмешку, иронию. Как бы вам за такие объявления не пришлось отвечать перед военным судом!

Господин Петишка пообещал быть внимательнее и составил следующее объявление:

«Пятнадцать крон охотно пожертвует каждый чех, чтобы иметь возможность повесить у себя в доме нашего престарелого монарха».

В местной прессе это объявление печатать отказались.

– Господь с вами, – сказал Петишке один владелец газеты, – не хотите же вы, чтобы нас всех расстреляли!

Петишка вернулся домой вконец расстроенный. В чуланчике за магазином валялись пачки портретов императора. Господин Петишка пнул их ногой и сам испугался своего поступка. Он боязливо поглядел вокруг и успокоился только тогда, когда убедился, что никто этого не видел. Погруженный в свои мысли, он стал смахивать пыль с пачек и обнаружил, что некоторые из них покрылись плесенью. Тут же в чулане сидел черный кот. Нетрудно было догадаться, кто развел эту сырость.

Кот замурлыкал, явно желая отвести от себя подозрения. Тогда господин Петишка швырнул в государственного преступника метлой и заставил его замолчать.

Ворвавшись к себе в квартиру, он накинулся на жену:

– Проклятого кота надо вышвырнуть вон! Кто же захочет купить императора, которого загадила эта бессовестная тварь! Император в плесени! Придется его сушить, чтоб ему провалиться!

После обеда господин Петишка немного поспал, пока жена сидела в магазине, но сон не принес ему облегчения. Ему приснилось, что за черным котом пришли жандармы и их обоих ведут над конвоем в военный суд. Потом приснилось, что его с котом приговорили к смертной казни через повешение и кота уже собираются вздернуть, а он, Петишка, в присутствии судьи ругается самыми последними словами. Он и в самом деле дико закричал, но, к счастью, проснулся и увидел возле себя жену.

– Ради бога, перестань, что ты такое говоришь? – взмолилась она. – Кто-нибудь еще услышит...

И расстроенная женщина рассказала, что она пыталась просушить императора в садике, но какие-то стервецы-мальчишки стали швырять в портреты камнями и превратили их в настоящее решето.

Обнаружились и другие убытки. На один из императорских портретов, выставленных на лужок сушиться, уселись куры и оставили на нем содержимое своих желудков, выкрасив бороду императора в зеленый цвет. Два портрета пытался сожрать сенбернар мясника Голечки, неискушенный щенок, никогда не слышавший о § 63 Уложения о наказаниях. Видимо, у щенка это было в крови: его мать год назад угодила на живодерню за то, что сожрала на плацу знамя 36-го полка.

Господин Петишка пришел в отчаяние. Вечером в винном погребке он то и дело заводил разговор об удешевленных ценах и о своих затруднениях с императором; в общем, из его речи следовало, что если венское правительство не доверяет чехам, то только потому, что они не покупают у фирмы Франтишек Петишка в Младой Болеславе портретов монарха стоимостью в пятнадцать крон.

– Не дорожитесь, – сказал ему хозяин погребка на прощание, – нынче плохие времена. Горейшек продает паровую молотилку на триста крон дешевле, чем в прошлом году, то же самое надо сделать и с императором.

Придя домой, господин Петишка заготовил следующий плакат для своей витрины:

«Ввиду экономического кризиса продается большая партия художественно выполненных портретов императора вместо пятнадцати крон по десяти крон за штуку».

Но в магазине было попрежнему пусто. Знакомый виноторговец поинтересовался, как идут дела с императором.

– Печально, – ответил господин Петишка, – его никто не спрашивает.

– Мой вам совет, – таинственно сказал виноторговец, – пока не поздно, пострадайтесь сбыть его по любой цене.

– Подожду еще, – отвечал господин Петишка.

И на портреты продолжал садиться негодный черный кот. Не прошло и полутора лет, как вся кипа портретов императо-

ра покрылась плесенью до самого основания. Австрийцы уезжали из Чехии, положение в Австрии было из рук вон скверное.

Тогда господин Петишка взял карандаш и бумагу и подсчитал, что разбогатеть он все равно не разбогатеет, но, если продавать императора по две кроны, он все же заработает на каждом экземпляре по кроне.

И он изготовил соответствующую рекламу – вывесил в витрине портрет, написав под ним: «Продается старец монарх со скидкой: вместо пятнадцати за две кроны».

Вся Млада Болеслава перебывала в этот день у магазина Петишки, чтобы убедиться, как катастрофически упали акции Габсбургской династии.

А ночью за Петишкой пришли жандармы, и все быстро кончилось. Магазин закрыли, господина Петишку арестовали и судили военным судом за нарушение общественной тишины и спокойствия. Общество ветеранов на чрезвычайном собрании исключило его из числа своих членов.

Господина Петишку приговорили к тридцати месяцам строгого заключения. Ему следовало бы дать пять лет, но участь его облегчило то обстоятельство, что он когда-то сражался за Австрию под Кустоуцей*. Высочайшие портреты хранятся в депозите военного суда в Терезине и ждут часа своего освобождения, когда после распада австрийской монархии какой-нибудь предприимчивый бакалейщик станет завертывать в них селедку.

ШКОЛА ДЛЯ СЫЩИКОВ

В начале войны в пражское полицейское управление пришло распоряжение из Вены, предписывающее самым подробным образом ознакомить с политическими делами агентов тайной полиции, дабы облегчить им ловлю граждан в сети провокационных лозунгов. По части осведомленности в политических вопросах пражские сыщики были действительно не на высоте. Сыщик Завесский не знал, например, сколько в Чехии политических партий, сыщик Браун не отличал национал-социалиста от социал-демократа и по сие время полагает, что национал-социалист Трнобранский – социал-демократ, и, когда арестовал его, грозил ему по дороге, что полиция покажет этим социал-демократам, где раки зимуют. Сыщику Фабере было неясно различие между анархистом и аграрием. Арестовав добродушного анархиста Каху* из Жижкова, он сказал ему: «Мы вас, аграриев, проучим!» У сыщика Шточеса было весьма туманное представление о слове «рескрипт». Он лишь слышал в полиции, что об этом говорят, как о чем-то чрезвычайно опасном – «рескриптная речь», «рескриптное совещание», – и, будучи однажды послан к такому энтузиасту рескриптов, принес в полицию белую бумажку со следующими загадочными цифрами: «Resorcini 0,5 gr., Aqua destillata 300 gr. Dr. Samojed». Несчастный сыщик забыл слово «рескрипт» и в квартире политически подозрительного гражданина настойчиво потребовал:

– Именем закона, дайте сюда этот рецепт.

При покойном Кршикаве* не обращалось внимания на то,

чтобы как следует объяснить значение битвы при Белой горе*. А это было чрезвычайно важно, так как из-за нее время от времени отдавалось под суд немало людей. Начнется с Белой горы, а кончится в краевом уголовном суде в Праге. Это само собой понятно.

Однажды сыщик Когоут был послан в Бржевнов, чтобы там, после собрания в Гражданской Беседе, пустив в ход тему о Белой горе, затащить кого-нибудь в тюрьму. (Он получал за это 2 кроны на пиво.) Вернулся он не солоно хлебавши и в рапорте доложил, что показавшийся ему подозрительным посетитель на вопрос, каково его мнение о Белой горе, ответил, что от Бржевнова до нее ходьбы три четверти часа, а с Мотола ближе.

Итак, сыщики тогда не могли похвалиться политическим образованием, и не раз случалось, что они доносили о важных преступлениях без всякого на то основания. Браун, например, донес на нашего швейцара, что он в день 50-летнего юбилея царствования Франца-Иосифа в кофейне «Палата на Морани» вызывающе рассуждал об Эдисоне и о битве при Ватерлоо, чем произвел впечатление человека политически весьма подозрительного, а когда позднее, по дороге в полицейское управление, он, Браун, обратил его внимание на выдающийся день, швейцар ему ответил: «Но, позвольте, вы, наемный солдат, уж не думаете ли вы, что фонограф изобрел Франц-Иосиф, его изобрел Эдисон, об этом вы могли бы вчера прочесть в «Политичке».*

Сыщик Фабера однажды донес на меня, будто я, произнося в одном винном погребке речь о влиянии углекислого газа на пиво, подаваемое в буфете Венского парламента, между прочим, сказал, что в Вене должны понять, что, пока не будут всюду в Австрии пользоваться бомбами[1] с углекислым газом, пиво не будет достаточно вкусным.

Как видно из примеров, у пражских полицейских все в головах перемешалось: социал-демократы, углекислый газ, бомбы, рецепты, рескрипты, Белая гора, Франц-Иосиф и Эдисон, анархисты, битва при Ватерлоо и аграрии – поэтому и ре-

[1] Здесь нгра слов: по-чешскн «бомбой» называется разрывной снаряд н шарообразный металлнческнй сосуд (баллон) для хранения газов.

зультаты их сыска были весьма жалкими. Правда, такими политическими доносами удавалось то тут, то там наскрести обвиняемому какой-нибудь месяц тюрьмы с двумя постными днями*, но это был очень тяжелый труд. Следственным органам было важно, чтобы человек, обвиняемый в подозрительных высказываниях, не сумел вывернуться, и это им часто удавалось, ведь каждый, подвергшийся без всякой вины следствию, нервничал, при перекрестном допросе путался и неосторожно выдавал себя. Но это был также тяжкий труд.

В начале войны произошла и здесь полная реорганизация. Агентов полиции необходимо было основательно посвятить в чешские вопросы, дабы они могли предложить населению вполне обработанный материал, то есть представить тому или иному гражданину на одобрение закругленную резолюцию, подрывающую устои австрийской монархии, и вслед за тем с восторгом провозгласить, как это делал оберкомиссар Хум: «Попался, голубчик!»

Такова история возникновения школы для сыщиков в Праге. Это отнюдь не было высшим учебным заведением для изучения политических наук. Там только разрабатывали различные проблемы, как свалить Австрию, и тому подобные идеи, уже давно дремавшие в сердцах чешских граждан.

Одна из комнат департамента полиции была предназначена для лекций.

Составлено было следующее расписание:

9–10 час. Почему Австрия должна распасться?

10–11 –»– Какие доводы за то, чтобы чешские солдаты не воевали против сербов и русских?

11–12 –»– Организация подпольных обществ.

12–13 –»– Наиболее излюбленные оскорбления государя и членов императорской фамилии и другие неосторожные выражения.

После обеда от 2–4 час. Наука об общей провокации и практические занятия по определению на глаз наказания за словесные оскорбления государя сроком от 2 до 15 лет.

Эта блестящая программа занятий стала еще более привлекательной, когда слушателям было отпущено на письменные принадлежности по 50 крон.

Для самых тупых сыщиков были организованы повторные вечерние курсы. Все было великолепно продумано и приведено в систему.

Агенты полиции готовили уроки дома, в свободные часы, по тетрадям, где были записаны лекции.

В доме сыщика Брауна это вызвало настоящую панику. Пани Браунова, заплаканная, ходила по своим знакомым и горько жаловалась:

– Я уж, право, не знаю, не сошел ли Браун с ума. Весь вечер зубрит по какой-то бумажке, а потом вслух читает целые лекции: «Итак, господа, теперь по истечении 300 лет наступил момент, когда мы должны отважиться. Австрия насквозь про-

гнила, и нам стоит только ее пихнуть, как она свалится». Я ему говорю: «Послушай, муженек, что ты там болтаешь? Ведь, если это случится, ты первый лишишься хлеба». Он посмотрит, посмотрит на меня: «Ты, дура, ничего не понимаешь и в нашу политику не вмешивайся». И опять начнет ходить по комнате; читает вслух бумажки и кричит: «От Белой горы до нынешнего дня мы молчали. Но теперь заговорим! Я, господа, ни в сербов, ни в русских стрелять не буду! Вы того же мнения? Позвольте вам представиться». Я только хожу да плачу. А он ругает меня, что я ему порчу речь. А недавно я ему прямо сказала: «Ради бога, Браун, смотри, тебя еще посадят». А он опять – что я ничего не понимаю, чтобы сидела и думала, что я нахожусь в трактире, где ведется политический разговор. И тут мне выложил, что наш всемилостивейший государь император со всей семьей изволили то ли дегенерировать, то ли денатурировать – уж я и не помню, как он там сказал. И при этом шепнул мне на ухо: «Создадим какую-нибудь подпольную организацию. Нас много. Сойдемся завтра здесь, и я вам объясню, как следует взрывать на воздух поезда. Согласны прийти? Разрешите представиться». Вот так и мучаюсь я со своим муженьком уж целую неделю, а вы, миленькая, будьте такая добренькая, никому не говорите об этом денатурировавшем государе императоре. Больше всего мне жаль моего мальчика Эмиля. Уж совсем забыл об ученье: только сидит и смотрит на папашу, как тот ходит по комнате и объясняет комоду в углу о казнях на Староместской площади*.

Эмиль действительно не спускал глаз со своего отца. Чем более он за ним наблюдал, тем больше содержание речей папаши ему нравилось. Это был хороший мальчик, ученик первого гласса гимназии. Поскольку он был сыном сыщика, он принадлежал в гимназии к сливкам общества, которые сидели на партах с краю. Он никогда не участвовал в дебатах своих одноклассников, которые его презирали, кололи булавками и звали навозом.

Война, естественно, обострила дискуссии на партах. Эмиль по-прежнему молчал, когда сыновья призванных на войну рассказывали друг другу, как папаша перед отъездом обещал

семье по возможности незамедлительно перебежать на другую сторону.

Как-то раз австрийцы взяли в плен где-то у Дравы около 30 сербов. Императорская королевская канцелярия печати раздула из этого великую победу на сербском театре военных действий и озаглавила сообщение: «Австрийские войска взяли Драву».

Директор гимназии Кох, презренный австрийский прихлебатель, бегал из класса в класс и произносил перед учениками патриотическую речь, которую заканчивал возгласом: «Да здравствует государь император!»

Все были страшно довольны, так как благодаря этому прошел целый урок.

Войдя в первый класс, он повторил все то, что уже торжественно произнес в других классах: как сильна Австрия и как все мы должны быть счастливы, что государь император объявил войну, и что мы должны быть довольны, что у нас такой доблестный владыка. Закончил он свою речь призывом прокричать три раза «ура» габсбургскому роду, отечеству, императору.

Первоклассники заорали. Только стоящий возле самой кафедры Эмиль Браун не открыл своих детских невинных уст и не присоединил своего голоса ко всеобщему торжествующему реву. Директор подступил к нему:

– Ты что молчишь?!

Эмиль невинно, открыто глядя в глаза директору, ответил:

– Потому, что мы не считаем государя императора своим властелином. Мы, чехи, ничего доброго не видели под скипетром Габсбургов. Это говорит и читает каждый вечер папаша. Он-то должен знать: он служит в полиции. А недавно у нас была пани Фаберова и сказала мамочке, что в полиции дали пану Фабере бумажку с речью, что мы должны наступить австрийской змее на горло. Папаша недавно тоже так говорил, а я должен был представлять посетителей в трактире и повторять за ним, что австрийская династия – это компания жуликов.

Когда школьный сторож с грозным письмом директора привел Эмиля домой, и сыщик Браун услышал благую весть

о предательском отроке, он неестественно засмеялся и закричал:

– Наша система себя оправдывает! Эмиль Браун, именем закона вы арестованы.

И, не внимая плачу и причитаниям жены, повлек обезумевшего сына в полицейское управление и всю дорогу его тиранил, приговаривая при этом:

– Мы вам, социалистам, покажем!

Таковы были агенты полиции старой Австрии. Эти Бруты были воспитанниками школы для сыщиков.

Посадив своего сынка, Браун вернулся домой и, дико вращая глазами, обратился к жене:

– Признайся, что ты веришь в дегенерирование австрийской династии?

Несчастная кивнула головой в знак согласия.

– Именем закона вы арестованы, пани Браунова, – произнес он торжественно. Однако, ввиду того, что это была все же его жена, он отвез ее в полицейское управление на извозчике.

Вечером он отправил из своего дома в полицию еще старую, глухую тетку, принудив ее подписать, что она состоит в подпольной организации, принимавшей участие в убийстве Фердинанда д'Эсте в Сараеве.

На другой день Браун отлично выдержал у Клабичка экзамен на аттестат зрелости в школе для сыщиков.

Эмиль, принимая во внимание его возраст, был осужден всего на три года; пани Браунова, ввиду разных смягчающих обстоятельств, была осуждена на пять лет, а глухая тетя – на восемь.

Но все это мелочь по сравнению с тем количеством лет, которое было присуждено благодаря профессиональному политическому образованию Брауна целому ряду людей из самых разнообразных районов Праги за три года войны. В общей сложности он нагнал своим жертвам 1200 лет тюрьмы.

РОКОВОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Хромого Томаса Хавкинса, председателя конференции по разоружению, в Сан-Франциско поджидала яхта, на которой он, покачиваясь на соленых волнах Тихого океана, мог бы отдохнуть, пока вновь не соберется распущенная на вынужденный отдых конференция, где он был председателем.

Доктора, пользовавшие некоторых членов конференции, обнаружили у большинства из них запор, признаки меланхолии, головную боль и несварение желудка – как последствия многочисленных банкетов.

Члены конференции по разоружению ходили после таких банкетов, словно привидения; когда они выступали, язык плохо повиновался им, а читая на следующий день отчеты о заседаниях конференции, ораторы несказанно удивлялись, какую ерунду печатают газеты.

Однажды, когда они шли с банкета на конференцию, к ним привязался какой-то профессор, возвращавшийся со съезда по борьбе с алкоголизмом. Они предоставили ему слово на заседании.

Профессор, с трудом держась обеими руками за трибуну и трясясь, как огородное пугало на ветру, в течение трех часов говорил об извержении в 1773 году вулкана Стромболи на Липарских островах.

Когда, наконец, после трехчасового рева, за мраморным столом президиума убедились, что профессор говорит не по существу и что он вообще не имеет ничего общего с конференцией по разоружению, слуги, предварительно оглушив орато-

ра дубинкой во избежание сопротивления, передали его полиции для выяснения личности.

Все участники конференции были удручены этим случаем и почувствовали, что глупеют со дня на день.

Окончательно убедил в этом напечатанный газетами последний отчет, из которого они узнали, что вчера, на пятнадцатом ночном заседании конференции по разоружению, было принято следующее постановление:

§ 26. Поскольку выяснено, что Китай до сих пор не имеет ни одного дредноута и линейного крейсера первого класса, конференция по разоружению решила:

«Принимающие участие в конференции государства обязуются предоставить китайской республике беспроцентный заем на три года в размере трехсот миллиардов, чтобы она могла построить столько же дредноутов и линейных крейсеров, как и другие участвующие в конференции государства. Китайская республика обязуется в течение трех лет построить сорок дредноутов и тридцать крейсеров первого класса, а также обязуется уничтожить пять имеющихся у нее крейсеров третьего разряда и передать кантонскую гавань под контроль международной комиссии. Представленные на конференции государства заявляют о том, что с их стороны не имеется возражений против присутствия китайского военного флота на строительстве третьего симплонского туннеля . . .»

« . . . и на строительстве телефонной станции на горе Арарат», – с ужасом прочли дальше члены конференции.

Председатель Том Хавкинс совершенно протрезвел от этого сообщения, но все же усомнился, действительно ли они приняли накануне подобные решения. Однако, когда по его требованию принесли стенографический отчет последнего заседания конференции, его чуть не задушила астма: ведь двадцать шестой параграф был его собственным предложением, принятым с дополнением, внесенным членом конференции Вудвортом:

«Одновременно разрешается негритянской республике Либерии постройка пяти подводных лодок при непременном условии, чтобы они были выкрашены в черный цвет . . .»

Не удивительно, что на другой день председатель Том Хав-

кинс произнес на заседании конференции дрожащим голосом вполне соответствовавшим его осунувшемуся лицу, следующую прекрасную речь:

– Нельзя отрицать, господа, что наши заседания ознаменовались крупными успехами и дали блестящие результаты. Мы проработали двадцать шесть постановлений. Радиотелеграф разнес наши решения по всему земному шару. Мы не щадили своего здоровья и должны быть откровенными: вы отлично знаете, что нас ждет еще гигантская работа. Поэтому нельзя допустить, чтобы мы переутомлялись. От работы и волы дохнут! Наши нервы нуждаются в отдыхе. Я по себе чувствую, что устал. Размышлять днем и ночью, это, господа, не шутки! Если у карманных часов перекрутить завод, то пружина лопнет. Так и с нашим мозгом. Он нуждается в покое. Нам сейчас в первую очередь необходим соответствующий отдых, чтобы укрепить здоровье, набрать сил для новой работы. Поэтому я вношу предложение, уважаемые господа, разойтись на трехнедельные каникулы. *(Бурные аплодисменты и голоса: «На месячные!»)*

Член конференции Ле Ру, в эту минуту возвратившийся в невменяемом состоянии из ближайшего ресторана, подошел к ораторской трибуне и, стуча по ней кулаком, закричал: «Долой меня отсюда! Требую голосования!» (Слуги, нежно поддерживая Ле Ру, вывели его в кабинет секретариата и уложили на диван.)

Тогда слово взял представитель Боливии, Хуарес-ди-Вега, заявивший, что он будет голосовать против предложения господина председателя. Уже на третий день работы конференции он от имени своего правительства потребовал, чтобы боливийской республике была оставлена ее постоянная армия в количестве двенадцати человек, охраняющих порядок во дворце президента и его окрестностях. Однако после прений, несмотря на его протест, было решено, что Боливия должна повысить контингент своей армии с двенадцати человек до ста двадцати тысяч, поскольку такова численность армий Чили и Перу. Ведь, если вспыхнет война, Боливии угрожает опасность, что на ее двенадцать человек нападут сто двадцать тысяч перуанцев или чилийцев. Для предотвращения войны

необходимо установить равновесие вооруженных сил в пропорции 1:1:1.

– Господа, – приподнятым тоном заявил Хуарес-ди-Вега, – достопочтенное собрание! Как раз сегодня я получил отношение своего правительства, где указывается на абсурдность постановления уважаемой конференции. Все население Боливии мужского пола составляет меньше восьмидесяти тысяч человек. Как же вы хотите, господа, чтобы мы составили из них армию в сто двадцать тысяч? Что же нам, разрезать их пополам или одолжить недостающих сорок тысяч солдат у соседей, нарушив тем самым постановление конференции, запрещающее вербовать войско за границей? Правда, нам дан трехлетний срок, но согласитесь, пожалуйста, что при всем нашем желании мы не можем за это время так размножиться! Я, господа, тоже немного математик . . .

– Лжете! – перебивает его представитель Чили. – Дайте сюда энциклопедию! *(Шум и смятение в зале.)*

Председатель звонит и посылает секретаря за энциклопедией, а представителя Боливии лишает слова.

– Господа, – заявляет председатель упавшим голосом, – только что мы были свидетелями совершенно неуместной демонстрации. Я не нахожу слов, чтобы выразить, до чего я огорчен случившимся.

В это время возвращается секретарь и просит слова:

– Господа, в энциклопедии нет Боливии!

Представитель Боливии встает, бледный и взволнованный:

– Милостивые государи, два миллиона триста сорок семь тысяч квадратных километров ...

Председатель лишает его слова. Секретарь продолжает.

– Раз в энциклопедии Боливии нет и даже намеком не упоминается о ней, то и для нас не существует никакого господина представителя Боливии с его двенадцатью солдатами! *(Смех в зале.)* Я предлагаю отобрать у него мандат и исключить из числа членов конференции. *(Голос: «Втерся сюда!»)* Происшедший случай весьма прискорбен и наглядно показывает, какие трудности приходится преодолевать конференции, чтобы о ней не сказали, будто она играет комедию!

За предложение об исключении Боливии голосовали все, кроме одного. Последний голос принадлежал члену конференции Мериана, мирно спавшему за своим столом и в этот момент случайно проснувшемуся из-за дыма от окурка сигары, которую он курил перед сном.

Он поднялся, произнес «против», но не успел сесть снова, как паркет вздыбился, раздался оглушительный взрыв и в полу образовалась громадная дыра. С потолка посыпалась штукатурка. Члены конференции полетели вниз.

Когда дым и пыль рассеялись, обнаружилось, что председатель конференции по разоружению Хавкинс, зацепившись одной штаниной, висит на стальной балке зала заседаний. Он выделывал такие движения, будто участвовал в состязании по плаванию, причем непрерывно вопил: «Mon dieu, mon dieu![1]»

[1] Боже мой, боже мой *(франц.)*.

Власти полагали сначала, что это дело рук анархистов, но следствие установило, что взрыв не имел политической подоплеки.

Представитель одной фабрики взрывчатых веществ ожидал в приемной внизу некоторых членов конференции по разоружению, чтобы предложить им новое взрывчатое вещество «Вашингтонит», в две тысячи раз эффективнее экразита и в тысячу восемьсот раз превышающее действие мелинита. По ошибке вместо коробки со спичками он вынул коробку с образцами и, открывая ее, вызвал взрыв.

Вот почему хромой Том Хавкинс поехал отдыхать на Тихий океан.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Учитель Швольба издал уже несколько книг об общественных отношениях между родителями и детьми, причем установил, что, согласно неопровержимым признакам, они являются наиестественнейшими человеческими отношениями.

Несколько лекций, прочитанных им в разных обществах, как, например, в «Женском клубе» и в клубе двухнедельника «Семья», ставившего себе целью сближение родителей с детьми, создали ему славу большого оригинала, особенно после того, как в передовой статье упомянутого журнала он доказал, что дети бесспорно являются ветвью того же рода, что и родители, и что эту логическую связь никак нельзя недооценить, причем ссылался на Адольфа Книгге, старого церемониймейстера и камердинера при веймарском дворе и еще на несчастного доктора Гутана Граде.

Ученая слава Швольбы, однако, весьма печально отразилась на его карьере; разве только нелепой случайностью можно объяснить, что этому полоумному было доверено воспитание учащейся молодежи. Судьба грубо подшутила над господином учителем. Ему пришлось сидеть на гимназической кафедре, вместо того чтобы прогуливаться в хорошую погоду в садике известной лечебницы.

Школьные власти переводили его с места на место, зато он на уроках чешского языка разъяснял, что, плодя детей, родители способствуют сохранению семьи.

Задаваемые им на дом письменные работы носили философско-педагогический характер, как, например, «Должны ли родители участвовать в проказах своих детей?»

Из-за таких заданий он путешествовал с места на место, с севера на юг, с юга на восток, с востока на запад республики.

В конце концов он очутился опять на новом месте, на этот раз на юго-западе, и первым его выступлением перед учениками пятого класса гимназии на уроке чешского языка была занимательная лекция о том, что сын от рождения знает своего отца, и для того чтобы отец не возбуждал в нем антипатии, сын должен ценить стороны отцовского характера. Вместе с тем сын должен, однако, всегда отдавать себе отчет в родительских слабостях, чтобы не подражать им.

В качестве вывода из лекции новым ученикам была предложена домашняя работа под глубокомысленным заголовком: «Если даже дети имеют основания стыдиться слабостей своих родителей, они все же обязаны быть им благодарны».

К этой теме учитель Швольба продиктовал гимназистам тезисы и пункты, которыми они должны были руководствоваться при выполнении работы:

1. Перечень гадких, безнравственных поступков и пороков моих родителей.

2. Скрывают ли передо мной родители вышеназванные пороки?

3. Почему мы должны по возможности скрывать от общественности эти недостатки наших родителей?

4. Почему мы не должны следовать их дурному примеру?

5. Ссорятся ли между собой мои родители?

6. Отчего мы должны вести себя разумно и осмотрительно при семейных скандалах?

– Да, дорогие мои ученики, – торжественно заявил учитель Швольба, – при моей работе над домашними сочинениями я исхожу из принципиально новой педагогической системы. Я стараюсь сблизить родителей с сыновьями. Раньше считалось недопустимым, чтобы родители помогали детям при выполнении уроков. Но я прямо настаиваю, чтобы родители вам помогали, и моей очередной задачей будет созвать в ближайшее время общее собрание родителей, на котором я сделаю доклад об укреплении семьи и воспользуюсь случаем выяснить, насколько родители помогают вам делать уроки.

Хотя среди пятиклассников и были храбрецы, пятый год сражавшиеся со всевозможными преподавателями, но даже они дрогнули и побледнели при виде этого фанатика, чьи речи и худощавая фигура напомнили им грозного Савонаролу*, портрет которого смотрел на них со стены.

Во время перемены, когда Швольба ушел, весь класс единодушно решил, что новый учитель просто псих и с ним надо быть осторожнее, а что касается заданной темы, то, уж подавно, отвергнуть всякое сотрудничество с родителями.

Вернувшись из школы домой, пятиклассник Машек, сын окружного начальника, старательно спрятал листок со своими заметками по чешскому языку, содержавшими пресловутые шесть тезисов, и за обедом на вопросы отца, что нового в гимназии, не задали ли уроков на дом и как понравился новый учитель чешского языка, ответил, что нового ничего нет, уроков на дом не задали, а новый учитель очень симпатичный и приятный господин.

Сын окружного начальника Машека за последнее время

был с отцом в весьма натянутых отношениях. Отец запретил ему вступить в футбольную команду класса «Квинта А» и не захотел даже слушать, что команда предложила молодому Машеку купить футбольный мяч, если он хочет стать капитаном.

Это было, так сказать, главное разногласие между старым и молодым Машеком, не считая ряда мелких недоразумений, вроде грубого отказа отпустить сына на ближайшие праздники в бойскаутскую* экскурсию на Шумаву.

Окружной начальник, разговаривая с сыном, считал его совершенным выродком. Особенно претило отцу абсолютное равнодушие сына к религиозным обязанностям. Окружной начальник был крайне поражен, узнав официальным путем, что его сын, уповая на свои четырнадцать лет, перешел в секту «адвентистов седьмого дня*». Юный Машек сделал это исключительно из корыстных соображений, ибо кто-то сказал ему, будто каждому перешедшему в эту секту дают двести пятьдесят крон и двенадцать кило баранины. Бедняга рассчитывал баранину загнать, а на вырученные деньги, к которым прибавились бы еще двести пятьдесят крон, полученных за измену католической церкви, купить хороший английский футбольный мяч с запасной камерой. Он просто хотел из чисто спортивного интереса променять мяч на религию.

Увы, его ждало разочарование. «Адвентисты седьмого дня» прислали библию на английском языке, сборник церковных песен на тридцати двух не исключая негритянского наречия племени Машоколомбо, и счет на английском языке с предложением уплатить два фунта стерлингов пастору Мак-Роснеру, Прага, Гаштальская 16.

Таким образом, молодой Машек, сидя после обеда в своей комнате и вспоминая своего жестокого отца и все разочарования, которые ему уготовила жизнь, решил совершенно правдиво ответить на все вопросы заданной домашней роботы, – не щадить отца, принять бой, как его приняла «Квинта А» в футбольном состязании с «Октавой Б» хотя знала, что проиграет, а это и подтвердилось счетом 22:3.

Итак, он совершенно хладнокровно занялся ответами на отдельные вопросы, начав с первого пункта: «Перечень гад-

ких, безнравственных поступков и пороков моих родителей».

«1. Мать моя путается с инженером Пупетом, служащим в фирме Крулих и Комп, завод искусственных удобрений. Пупет еще умеет искусно тратить деньги моей маменьки, и поэтому папаша разволновался и кричал перед прислугой, что с него хватит. Если бы он не был столько должен инженеру Пупету, они давно бы развелись. Сам отец ежедневно проводит служебные часы в кабаке Марковских, где всегда вертится несколько юбок. С одной из них он недавно съездил в Каменный Уезд. Так что родители стоят друг друга. Что касается характера моих родителей, то мать моя совершенно невоспитанная, очень вспыльчивая, не уделяет ни малейшей материнской заботы своим детям и свирепеет при самых невинных, свойственных молодому возрасту, забавах. О домашнем хозяйстве она совершенно не заботится и охотнее всего целый день торчала бы перед зеркалом, мазала бы лицо кремами и пудрами и причесывалась бы и одевалась, как на сцену. Отец – старый бюрократ, подлейшего характера, что известно всему городу со времен войны. При австрийском владычестве, занимая ту же должность, что и сейчас, он писал фамилию на немецкий лад – Матчек, а сразу после переворота переменил фамилию и пишет теперь: Машек. Недавно, когда я к нему зашел по делу, на лестнице один посетитель говорил другому, что папаша при австрийцах был скотиной и таким же продолжает оставаться при республике. В прошлом году он в день именин покойного императора не пошел на службу, а отправился на молебен и был страшно удивлен, что костел закрыт, – только к обеду он разобрался, в чем дело. К своим детям он относится очень жестоко, поддерживая дисциплину лишь палочной расправой и преследуя их, как во время войны преследовал каждого политического подозрительного человека, то есть весь округ. Он лишает детей всякой радости, ненавидит футбол и физкультуру. Прислуг берет только из Иглавы*, чтобы было с кем говорить по-немецки. Из кабака он возвращается обычно нализавшимся и начинает хвастать перед детьми, как он хорошо учился в свое время, получал награды и круглые пятерки, а мы нашли однажды его старый школьный дневник, так в нем были одни колы, двойки да переэкзаменов-

ки. В гимназии он учился до того плохо, что его даже на второй год в одном классе оставили.

На второй вопрос: «Скрывают ли передо мной родители вышеназванные пороки?» – юный Машек ответил следующим образом:

«2. Не скрывают. У нас всё делается открыто, и утаить от детей ничего не удается, а если какую-нибудь пакость мы сами и не видим, то все равно узнаем о ней от посторонних людей, когда ходим в гости».

На третий пункт: «Почему мы должны по возможности скрывать от общества эти недостатки?» – он ответил словами, позаимствованными из вступительного слова учителя Швольбы:

«3. Потому что должны быть им благодарны за то, что они произвели нас на свет».

Ответ на вопрос: «Почему мы не должны следовать их дурному примеру?» – показался ему весьма затруднительным, но он отделался и от него, написав:

«4. Так как каждый сын должен руководствоваться исключительно здравым смыслом, чтобы в будущем, став взрослым, избежать ошибок своих родителей и, получив постоянную службу, посвятить себя воспитанию своего ребенка, который без отцовской заботы покоился бы в сырой земле».

Пятый вопрос: «Ссорятся ли между собой родители?» – не вызвал затруднений:

«5. Нет дня, чтобы у нас обошлось без скандала и не дошло до драки».

Ответить на шестой вопрос: «Отчего мы должны вести себя разумно и осмотрительно при семейных скандалах?» – Машеку не пришлось.

Кто-то подойдя сзади на цыпочках, потрепал его по плечу. У несчастного пятиклассника не было уже времени уничтожить свое произведение: за его спиной стоял господин окружной начальник.

Он только что вернулся из кабака и был в самом добродушном настроении.

– Милый мальчик, – сказал он с отцовской нежностью, – теперь я вижу, как прилежно ты работаешь! Ты так же старате-

лен в учении, как был я сам, когда получал одни похвальные грамоты. Смотри, какой у тебя хороший почерк, я до сих пор даже не замечал! А почему ты пишешь карандашом, черновик, что ли, это у тебя?

Он погладил сына по голове и, взяв в руки заметки несчастного сына, ласково сказал:

– Подожди немного, мой мальчик, и ты от меня получишь мяч. Будешь играть в футбол, станешь скаутом . . .

С этими словами он начал перелистывать сыновнюю рукопись. Чем дальше, тем с большим интересом он читал и тем больше менялось выражение его лица. Бедный пятиклассник стал потихоньку пятиться к дверям, но окружной начальник настиг его прыжком пантеры.

Последовавшая за этим сцена была бы иллюстрацией к тому, что минуту назад писал злосчастный ученик: «К своим детям он относится очень жестоко, поддерживая дисциплину лишь палочной расправой . . .»

Окружной начальник обломал на собственном сыне последний остаток былой австрийской славы – шпагу от своего парадного мундира, которую он использовал вместо розги . . .

Когда на следующей неделе ученики сдавали домашние работы учителю Швольбе, молодой Машек трясущимися руками отдал свою тетрадь, где против заголовка «Если даже дети имеют основание стыдиться пороков своих родителей, они все же обязаны быть им благодарны» было приписано:

«Ваши вопросы и тезисы я направил по служебной линии министерству просвещения для оценки».

Под этим стояла подпись и печать окружного начальника, дата и исходящий номер V. r. 6272/12б.

Говорят, учителя Швольбу перевели на Закарпатскую Украину.

УРОК ЗАКОНА БОЖЬЕГО

Короуповские ребята знали из закона божьего только то, что господь бог в неизреченной благости своей создал прутья. Вслед за тем он создал законоучителя Горачка. Оба эти предмета взаимно друг друга дополняли. Потом он научил людей делать из прутьев розги, а законоучителя Горачка – с необычайной ловкостью пользоваться этими розгами.

Начиналось обычно с того, что капеллан Горачек, войдя в класс, мрачно смотрел на вытянувшиеся физиономии учеников и произносил:

– А ну-ка Ваничек, идиот этакий, перечисли мне семь смертных грехов в обратном порядке!

В искусстве ставить вопросы законоучитель Горачек был настоящий виртуоз. Он заставлял учеников перечислять в обратном порядке десять заповедей господних или требовал:

– Людвик, отвечай быстро, негодяй, какая заповедь на третьем месте от конца, перед «Не убий»?

Получалась какая-то божественная математика, кончавшаяся поркой в виде печального душеспасительно-арифметического итога.

Так было всегда; поэтому понятно, что каждый вызываемый – будь то Ваничек или Бухар, Людвик или кто другой – неохотно подымался из-за парты и подходил к кафедре.

Каждый шел, испытывая сомнение в неизреченной благости божьей, заранее уверенный, что дело кончится печально и что религиозные понятия содержатся не в катехизисе, а в той части штанов, которая протирается от продолжительного сидения.

Дело несложное – выставить зад всем напоказ и дать опытной руке законоучителя высечь тебя проклятой розгой.

Эти сцены повторялись регулярно через день. С ласковой улыбкой клал Горачек ребят одного за другим к себе на колено и говорил им:

– Благодарите бога, мерзавцы, что я могу пороть вас.

Как-то раз Вепршек из соседнего села Козьи дворы принес известие, что хорошо, мол, намазывать розгу чесноком: будто бы не так больно, а розга от удара ломается.

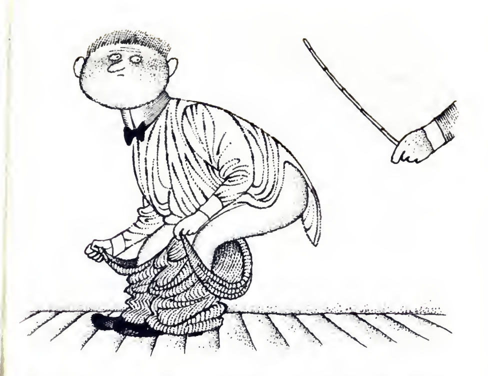
Известие это так отвечало их безумным мечтаниям, и они до того уверовали в этот самый чеснок, что во время натирания розги Кратохвил даже плакал от радости.

Но произошло то, что можно назвать крахом всех чаяний короуповской школы, печальной повестью об обманутых надеждах.

Законоучитель исчерпывающим образом разъяснил им все на их задах, а затем прочел лекцию на тему о том, что их проделка с чесноком есть не что иное, как обман, к тому же смешной, как они могли убедиться. Наказаны они по заслугам: ведь они хотели обмануть самого господа бога. Он описал им губительные последствия, которые их поступок может иметь для их жизни. Это первый шаг к нравственному падению и полной гибели. Он готов душу свою прозакладывать, что чеснок ими украден, и за это он их еще раз выпорет. Нет никакого сомнения, что все они, за исключением сына управляющего Веноушка и Зденека (эти двое никогда не подвергались порке; отец Зденека был членом школьного совета), кончат жизнь на виселице...

Так безрадостно уплывал день за днем, не принося никаких перемен. Казалось, над короуповскими ребятами навис неотвратимый рок, от которого нет защиты. Однако хромой Мельгуба придал всей этой религиозной борьбе новое направление.

Играя с товарищами возле пруда, он поделился с ними результатами проделанного дома опыта с бумагой: он набил себе в штаны бумаги и разбил горшок с молоком; его тотчас отхлестали ремнем, и боль была вдвое слабее, чем при обычных условиях. После этого сообщения школьники прониклись

к бумаге таким же уважением, как китайцы, подбирающие каждую бумажку, чтобы сберечь ее; только в данном случае, наоборот, бумага должна была уберечь своих почитателей. Сын лавочника Мистерки взялся доставлять спасительное средство, и законоучитель скоро заметил, что на лицах несчастных уже не появляется столь явно выраженных признаков страдания.

Тщательно вдумавшись в это обстоятельство, он пришел к выводу, что, видимо, у них огрубела кожа и что ему необходимо обзавестись для уроков закона божьего более крепкой розгой, поскольку господь бог позволяет произрас зть также более твердым и толстым прутьям.

И вот, выстроив в ряд перед кафедрой приговоренных к экзекуции, он объявил им, что они, видимо, слишком привыкли к тонкой розге.

– Вот тебе деньги, – обратился он к Мистерке. – Скажи отцу, чтоб он прислал мне розгу покрепче.

Видя, что лица преступников изображают полную растерянность, он начал потирать себе руки. Губы его исказила жестокая гримаса. Он уже предвкушал новое наслаждение.

Отец Мистерки выбрал отличную розгу, толщина которой сводила на нет все значение защитного слоя бумаги.

Возникла необходимость усовершенствовать изобретение, и однажды Мельгуба произнес возле пруда спасительное слово:

– Картон!

Оно произвело нужное действие, и законоучитель на уроках опять завздыхал:

– Господи, до чего толстокожие!

И в конце концов велел Мистерке купить еще более толстую розгу. Это была самая крепкая из всех, какие только бывали в Короупове. Картон не выдержал ее ударов.

– Теперь нам крышка! – вздыхал возле пруда Мельгуба.

На следующем уроке закона божьего они сидели за партами уныло глядя в пространство: понимали, что всякая борьба бесполезна. Только Вепршек слегка улыбался.

Тем неопределеннее были их ответы на вопрос о том, когда бог впервые явил людям свое неизреченное милосердие. В результате перед кафедрой предстало пятнадцать человек, в том числе и Вепршек.

Десять были уже выпороты и ревели, услаждая сердце наставника, когда очередь дошла до Вепршека.

Вот он лег на колено законоучителя. Вот крепкая розга засвистела в воздухе... и – бумм! – раздался страшный грохот, как если кто изо всех сил ударил в литавры или трахнул дубиной в большой гонг.

Выпустив улыбающегося Вепршека, законоучитель взревел:

– Долой штаны!

Вепршек перестал улыбаться, спустил штаны и подал законоучителю жестяную табличку, которую взял накануне в костеле.

Потрясенный законоучитель прочел на ней: «Жертвуйте на украшение храма господня!»

ФЕЛЬЕТОНЫ

СЪЕЗД МЛАДОЧЕШСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ*

Мы создадим сильную младочешскую рабочую партию.
«День»*

Место съезда: помещение редакции журнала «День». Настроение торжественное. В комнату проникают младочешские солнечные лучи. Мебель изготовлена младочешским столяром; люстра, правда, выписана из Германии. Зато плевательница представляет собой младочешское изделие. В глубине видели нераспроданные экземпляры «Дня». Налицо все младочешские лидеры. Младочешская рабочая партия представлена каменщиком Карасем, работающим у виноградского бургомистра Вашека*, убежденного младочеха. Присутствует также девица Сисова, которая по случаю съезда опять остриглась.

Съезд открывает д-р Клюмпар:

– Глубокоуважаемое собрание! Милостивые государыни и милостивые государи! Когда год тому назад было сделано предложение создать младочешскую рабочую партию, я не предполагал, что наши усилия столь быстро увенчаются полным успехом. Скептики думали, что при нынешнем брожении умов в рядах рабочего класса не найдется никого, кто открыто и гордо встал бы под младочешское знамя.

Признаюсь, что не кто иной, как я, в младочешском клубе объявил утопией, дерзкой мыслью, безумной идеей пытаться создать рабочую партию на младочешской платформе. Признаюсь также, я утверждал, будто в новую младочешскую рабочую партию никто не захочет вступить. Благодаренье судьбе, я ошибся!

Не прошло и месяца после создания партии, как в нее всту-

пил один человек. Это присутствующий здесь товарищ Карась, который работает у нашего дорогого товарища бургомистра Кралевских Виноградов господина Вишека. Под влиянием бесед с господином бургмистром наш друг Карась еще прошлой осенью осознал свои заблуждения (он был социал-демократом) и охотно вступил в младочешскую рабочую партию вместе с женой и бабушкой.

Однако весной его бабушка скончалась, вследствие чего число членов младочешской рабочей партии сократилось до двух. Карась поныне является единственным представителем мужского пола в младочешской рабочей партии. Но этот Адам новой рабочей партии, наш образцовый коллега и борец за ее права, решил в меру своих слабых сил содействовать успеху младочехов. Свой план, до тех пор хранимый в тайне, он представил правлению клуба, и оно этот план одобрило.

Признаюсь опять-таки, что первое время я из осторожности возражал против его предложения. При этом мной руководила исключительно забота об интересах партии, и могу вас заверить: я рад, что ошибся.

В итоге, с согласия руководства партии, наш друг Карась был выставлен в паноптикуме. Немедленно был создан финансовый комитет, раздобывший необходимые денежные средства для устройства паноптикума, который стал первоклассным зрелищным предприятием и бродячим аттракционом. Возглавил этот комитет доктор Кернер, любезно согласившийся сделать подробный доклад о деятельности нашего коммерческого предприятия – передвижного паноптикума. Доктор Кернер, будьте любезны, расскажите нам о ваших достижениях.

Д-р Кернер. Прежде всего, милостивые государыни и государи, благодарю вас за оказанное мне доверие, без которого я не мог бы ничего совершить, ибо в данном случае речь шла не только о политической деятельности: мне были доверены денежные средства партии. Доктор Клюмпар уже осветил вам первые скромные шаги младочешской рабочей партии и благородное намерение нашего коллеги рабочего Карася поддержать существование новой партии своим выступлением. Мы с благодарностью приняли предложение коллеги Карася вы-

ставить его в паноптикуме, как единственного члена новой младочешской рабочей партии и, не откладывая, приступили к организации передвижного паноптикума. Был построен деревянный балаган, приобретены фургон и лошадка. Кроме того, куплена железная клетка для нашего коллеги и выдающемуся младочеху Кристлику заказана вывеска. Текст ее, одобренный исполнительным комитетом младочешской партии, гласит:

Чудо XX века!
Единственный член новой младочешской партии!
Чудо XX века!
Наши предки, сиамские близнецы и прочие анатомические достопримечательности.
Вход 20 геллеров.
Дети и военные платят половину.

На клетке тоже была надпись, одобренная исполнительным комитетом младочешской партии:

Просьба не кормить!

Кроме того, мы организовали при паноптикуме продажу журналов «Народ»* и «День».

Финансовый комитет пользуется случаем выразить благодарность госпоже Сисовой за прекрасное стихотворение, так удачно оповестившее чешский народ об открытии паноптикума. Последний стих его, если не ошибаюсь, звучал так:

Ты в клетке, младочех отважный!

(Госпожа Сисова кланяется.) Это прекрасное стихотворение создало нашему предприятию превосходную рекламу. Все оборудование вместе с лошадью обошлось в восемьсот золотых. Отмечу, что лошадь была проибретена также у младочеха. И вот коллега Карась стал разъезжать в клетке по чешским землям во славу младочехов, можно сказать, в качестве нашего младочешского Бу-Гамары!* *(Движение в зале.)* Доход от

продажи входных билетов превзошел ожидания. Народ повалил в паноптикум толпой, но не было человека, который купил бы экземпляр «Дня» или «Народа».

С 1 июня до конца выставки было продано 720 000 билетов, на общую сумму 108 000 крон. В сентябре количество проданных билетов возросло до миллиона и выручка достигла 150 000 крон. Коллеге Карасю выплачивалось по 200 крон в месяц, а всего за три месяца уплачено 600 крон. Содержание лощади обошлось значительно дешевле: оно составило около 200 крон. В общем на содержание обоих израсходовано 800 крон. За вычетом этой суммы плюс 1000 крон организационных расходов и 200 крон на амортизацию инвентаря, включая коллегу Карася, остается 147 600 крон.

Пяти членам финансового комитета – ревизорам и казначеям – выплачено содержание в размере 1000 крон каждому, а всего 5000 крон. Остается 142 600 крон. Налоги и плата за аренду места составили 3700 крон; остается 138 900 крон. Эта сумма была израсходована следующим образом: 100 000

ушло на погашение десятой части задолженности, числящейся за нашим журналом «День». Остальные 38 900 крон списаны в расход как утерянные.

Если не считать этого убытка, с которым партия была вынуждена примириться, результат деятельности коллеги Карася бесспорно следует признать прекрасным.

Самый вид небывалого экспоната и впечатление, которое он производил на посетителей, с трудом поддаются описанию.

Представьте себе нашего коллегу Карася сидящим в клетке *(движение в зале)* с надписью на груди: «Единственный член младочешской рабочей партии». И на него глядят тысячи и тысячи граждан самых разнообразных профессий, возрастов, разного общественного положения. Социал-демократические и другие организации устраивали экскурсии в наш паноптикум; но при всей моей симпатии к этой народной партии я вынужден констатировать, что в таких случаях у нас в паноптикуме всегда что-нибудь пропадало.

Как-то раз пропало десять крон из кассы, в другой раз – вся касса. Однажды даже исчез обед, приготовленный для нашего коллеги. При всем том паноптикум вполне оправдал себя. Мы стремились не столько к славе, сколько к материальному успеху. Народ, сильный в финансовом отношении, одолеет всех своих врагов. В заключение мне остается только крикнуть «ура» в честь нашей младочешской рабочей партии! *(Многократное «ура».)*

Раздается стук в дверь. В комнату входит служитель и с важным видом подает д-ру Кернеру письмо. Лицо д-ра Кернера расплывается в блаженной улыбке. Когда среди слушателей, пришедших в движение, вновь устанавливается тишина, он произносит:

– Уважаемое собрание! Могу сообщить вам в высшей степени радостную новость. У нашего самоотверженного коллеги Карася только что родилась двойня! Нашего полку прибыло, друзья! Да здравствует новое пополнение младочешской рабочей партии!

После съезда госпожа Сисова написала для журнала «Народ» передовую о росте младочешской рабочей партии.

ИМПЕРАТОРСКО-КОРОЛЕВСКОЕ МИНИСТЕРСТВО ПРАВОСУДИЯ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ*

Из зала суда

Два судейских чиновника предъявили Министерству Правосудия иск о невозмещении служебных издержек в сумме 22 крон 35 геллеров, понесенных ими при исполнении своих обязанностей.

Мы считаем полезным ознакомить читателей с ходом судебного разбирательства, поскольку это лишний раз показывает, как низко пало Министерство Правосудия.

В начале одиннадцатого председатель открыл заседание, и часовые ввели в зал опустившегося на вид субъекта с запавшими глазами, наружность которого яснее всяких слов говорила о его далеко не безупречном образе жизни.

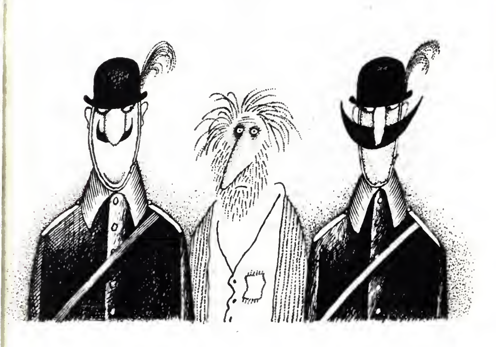
На вопросы председателя обвиняемый ответил тихо, но тоном нераскаянного циника, что зовут его Министерство Правосудия, родился он в Вене и уже был под судом. Сколько раз, не помнит. Также не имеет представления, кто его отец. В молодости он изучал право, и теперь его именуют Министерство Правосудия.

В полной тишине председатель объявляет, что подсудимый, то есть Министерство Правосудия, пытался обобрать двух бедных судейских чиновников, незаконно присвоив причитающуюся им сумму в 22 кроны 35 геллеров. *(Движение в публике.)* И это в то время, когда у одного из истцов чуть было не родилась двойня. *(Шум в зале.)* Председатель предупреждает, что хотя волнение публики вполне понятно, но, если в зале не водворится порядок, он будет вынужден очистить помещение суда от посторонних.

Продолжается чтение иска.

Подсудимый, скрывавшийся под именем «Министерство Правосудия», посягнул на права двух бедных судейских чиновников, решив присвоить принадлежащие им 22 кроны 35 геллеров. Обвиняемый, Министерство Правосудия, в свое оправдание ссылается на то, что издавна страдает умственным расстройством. Он утверждает также, что не мог судить, насколько справедливо требование истцов, так как не знает параграфа, на котором последние основывают свою претензию.

Кроме того, когда обсуждался вопрос об упомянутой сумме, обвиняемого не было дома: он ловил рыбу в чешских водах и понятия не имел о жалобе истцов, которую он, кстати, считает необоснованной. Подсудимый знать ничего не знает; к тому же он с детства страдает головными болями, которые усиливаются день ото дня. Однако следствием установлено,

что подсудимый, иначе Министерство Правосудия, действовал с заранее обдуманным намерением, ибо трудно предположить, что у Министерства Правосудия может быть такая затяжная душевная болезнь, на какую ссылается обиняемый.

Доказано также, что подсудимый и не думал ловить рыбу в чешских водах, а преспокойно сидел у себя во дворце и получал телеграммы, в которых излагались справедливые требования истцов. Подсудимый просто-напросто сунул означенные 22 кроны 35 геллеров себе в карман. Вся жизнь подсудимого отнюдь не свидетельствует о его порядочности; напротив, доказано, что он совершал одно преступление за другим стараясь снискать доверие нашего общества. Подсудимый злоупотребил этим доверием, незаконно присвоив 22 кроны 35 геллеров, в которых так нуждаются истцы. Вина Министерства Правосудия доказана. Необходимо строго наказать его.

После того как было зачитано исковое прошение, между подсудимым и судьями произошла трогательная сцена. Подсудимый встает и говорит, что поскольку Министерство Правосудия является хозяином чиновников, которые будут его судить, он не намерен ни о чем просить их: это бесполезно, ибо кастовое чувство судей не позволит им вынести ему оправдательный приговор. У него уже нет слез: все выплакал во время предварительного заключения. *(Смех.)*.

Председатель призывает публику к порядку и объявляет о наложении на подсудимого дисциплинарного взыскания в форме одиночного заключения на двадцать четыре часа при полном лишении пищи – за то, что он обвинил судей в нечестном ведении дела, заявив о их предвзятости.

В зале опять раздается смех, так как подсудимый спрашивает своего защитника:

– Господин адвокат, разве я покончил с правосудием? *(Бурное оживление.)* Председатель снова грозит удалить посторонних.

Слово предоставляется подсудимому.

Председатель: Вы слышали исковое прошение? Можете что-нибудь сказать в свое оправдание?

Подсудимый: Могу и имею на это все права. *(Смех.)*

Недаром меня называют Министерством Правосудия. *(Громкий смех.)*

Возгласы: Его место – в сумасшедшем доме.

Председатель: Еще слово, и я прикажу вас вывести. *(Голос: «Молчу, молчу».)*

Председатель: Ну, то-то же!

Подсудимый *(к публике, иронически):* Премного благодарен, господа!

Председатель останавливает его.

Подсудимый: А теперь приступим к делу. Я родился в Вене, изучал право. Юность у меня была тяжелая. Отца я не знаю, а мать моя умерла в тюрьме. Собственными силами я добился до почетной должности. Меня зовут Министерство Правосудия. Я и курицы не обидел. *(Обращаясь к часовому: «У вас нет платка?»)* Итак, должность у меня была отличная, но не буду отрицать: она требовала большого напряжения душевных сил. Видимо, на этом посту я и спятил. Очень часто мне приходилось иметь дело с такими достойными людьми, как палачи и подобные им господа. Я был доволен своей жизнью. Но вместе с тем все больше терял рассудок. В конце концов я разучился даже расписываться. В голове у меня все перемешалось. Я заявил, что у меня прогрессивный паралич. Однако ответили, что это не помешает мне и дальше выполнять свои обязанности. Что поделаешь? Я глупел все больше и больше. Судебные эксперты не признавали меня душевнобольным на том основании, что ведь я – Министерство Правосудия.

Вот тогда-то случилась эта история. Я никого не хотел обирать, – я же знаю все параграфы закона. Я снова обратился к психиатру и снова получил в ответ: «Ваше превосходительство вполне нормальны». Потом ко мне предъявили этот иск. Не явился в суд, потому что у меня плохая память. Наконец, попал в предварительное заключение.

Я невиновен! Остальное скажет мой защитник.

Свидетели под присягой заявили, что их действительно обманом лишили 22 крон 35 геллеров и что преступление это действительно совершено присутствующим здесь обвиняемым.

Затем берет слово защитник. В блестяще аргументированной речи он утверждает, что его подзащитный, то есть Министерство Правосудия, вследствие дурного воспитания с детства лишен всякого представления о правах своих сограждан. Поэтому защитник просит оправдать его клиента.

Судебные эксперты признают подсудимого слабоумным, однако не в такой степени, чтобы он не отвечал за свои действия. Череп у него нормальный. Правда, трудно сказать, нет ли каких-нибудь изъянов в мозгу подсудимого. Этого они не знают, так как пока еще не имели чести вскрывать его череп.

Обвинитель в короткой, но продуманной речи обращает внимание судей на медицинское заключение о том, что подсудимый вполне нормален. Истцы, судейские чиновники, просто жалкие нищие: 22 кроны 35 геллеров для них большие деньги. Подсудимого необходимо строго наказать, так как его действия представляют угрозу для общественной собственности. Никакого снисхождения! Подсудимый использовал свое высокое общественное положение для преступных махинаций, и это только усугубляет его вину.

После краткой речи обвинителя суд удалился на совещание. В перерыве обвиняемый нагло смеялся. Посовещавшись, суд возвратился в зал. Подсудимому объявили приговор: пятнадцать лет заключения в тюрьме строгого режима и пожизненная потеря уважения. Подсудимый апеллировал.

ВЕНА, ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ МИНИСТРУ ФИНАНСОВ, РЫЦАРЮ БИЛИНСКОМУ

Я, нижеподписавшийся, движимый патриотическим чувством, позволю себе предложить высокоуважаемому министру финансов законопроект об обложении населения налогом на смерть и похороны.

Необычайное оживление, которое наблюдается в наши дни в деле учреждения новых похоронных бюро, подало мне мысль, каким образом можно улучшить состояние финансов, введя государственную монополию на смерть. Поскольку людям свойственно умирать, новый закон обеспечил бы государству постоянный годовой доход, обладающий приятным свойством возрастать во время войн или эпидемий.

Предлагаемый законопроект гласит:

«§ 1. Каждый подданный Австро-Венгерской империи независимо от пола становится после смерти собственностью министерства финансов и обязан заплатить налог от двух до двадцати четырех крон, в зависимости от обстоятельств, при которых произошли его смерть и похороны.

§ 2. Налог взимается при жизни покойного, согласно параграфу 6. Если покойный по не зависящим от него причинам не успел заплатить при жизни налог на смерть и погребение, родственникам его не возбраняется ходатайствовать перед министерством финансов о снижении установленного налога. Прошение облагается гербовым сбором в сумме две кроны.

§ 3. Обложению налогом на смерть подлежит каждый подданный Австро-Венгерской империи независимо от пола

и возраста, в том числе и те лица, к коим не относится параграф 4 закона об обложении налогом с похорон.

§ 4. Обложению налогом на похороны подлежит независимо от пола и возраста каждый подданный Австро-Венгерской империи, погребенный в обычном порядке. Если же налогоплательщик был погребен заживо, то его ближайшие родственники имеют право подать прошение о льготах, упомянутых в параграфе 2.

§ 5. Налог на погребение подданные Австро-Венгерской империи обязаны уплатить при жизни, согласно пунктам «а»–«ж» параграфа 9. Лица несовершеннолетние, слабоумные и состоящие под опекой не обязаны сами вносить налог. За каждое из таких лиц налог уплачивают ближайшие родственники, а при отсутствии таковых – власти того города или села, где оное лицо имело место жительства.

§ 6. В зависимости от установленного законом размера налога сей последний взимается:

а) с лиц физически здоровых,

б) с больных,

в) с лиц, имеющих физические недостатки.

Налоги взимаются:

а) с лиц здоровых – налоговым управлением,

б) с лиц больных – врачам, принесшим государственную присягу, безразлично где и когда,

в) с лиц, имеющих физические недостатки – полицейскими органами.

§ 7. Налог на смерть должно отличать от налога на погребение.

В тех случаях, когда налогоплательщик не был похоронен, труп его не найден и он считается пропавшим без вести, то – даже если он при жизни не уплатил налога на погребение – его родственники или община обложению этим налогом не подлежат.

§ 8. Налог ка смерть взимается даже в тех случаях, когда данное лицо обьявлено пропавшим без вести.

§ 9. Сумма налога на смерть и похороны взимается в следующих размерах:

а) здоровый новорожденный младенец в возрасте до одного года платит . . . . 2 кроны;

б) дети от 1 года до 5 лет . . . . 4 кроны;

в) дети от 5 до 14 лет . . . . 6 крон;

г) лица от 14 до 20 лет . . . . 8 крон;

д) от 20 до 30 лет . . . . 16 крон;

е) от 30 до 40 лет . . . . 18 крон;

ж) от 40 лет и старшие . . . . 24 кроны.

При одновременном взимании налога на смерть и похороны сумма соответственно удваивается.

§ 10. Обложение налогом распространяется на все земли Австро-Венгерской империи и производится согласно параграфу 9. Лицам, поименованным в пунктам от «а» до «ж» этого параграфа, разрешается выплачивать налог в рассрочку с тем, чтобы в целом сумма не превышала двадцати четырех крон со смерти и двадцати четырех – с похорон.

Первый взнос взимается не позднее восьми суток с момента рождения ребенка. Сокрытие факта рождения карается в зави-

симости от обстоятельств от десяти до двухсот крон или лишением свободы на срок до трех недель.

§ 11. Лицо, своевременно не заявившее о своей смерти или похоронах, обязано заплатить штраф в размере удвоенной суммы налога, то есть – девяноста шести крон. Эта мера наказания может быть заменена тюремным заключением сроком до двух недель с лишением питания в течение четырех суток».

Надеюсь, что высокоуважаемое министерство финансов благосклонно примет представленный с нижайшим почтением вышеизложенный проект и тем самым повысит доход империи.

С совершеннейшим почтением
Ярослав Гашек

ЗАСЕДАНИЕ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ*

Председатель, князь Виндишгрец*, открывает заседание в одиннадцать часов двадцать пять минут.

Барон Габерсдорфер предлагает решить сегодня судьбу законопроекта о борьбе с дороговизной. Предложение принимается.

Катшалер Ян, зальцбургский кардинал, выражает удивление, почему столь ничтожный вопрос, как законопроект о борьбе с дороговизной, должен обсуждаться именно сегодня, когда более уместно было бы утвердить закон против новшеств в католической церкви.

Граф Волькенштейн-Тройсбург, тайный советник, камергер, бывший посланник, кавалер ордена Золотого Руна, владелец огромного имения Тройсбург и родового поместья Волькенштейн, считает вопрос о дороговизне несвоевременным. Как он убедился при покупке персидских ковров, предметы роскоши ничуть не вздорожали. Куда важнее было бы утвердить закон, запрещающий всякие сокращения в титулах членов верхней палаты. Допустимо ли, чтобы в газетах рядом с его именем стояли какие-то т. с., к., б. п. и к. о. З. Р., в. и. Тр. и р. п. В.? «Т. с.» может означать не только тайный советник, но также и «тупая скотина».

Барон Прандау-Хиллебрандт, тайный советник и председатель высшего придворного суда, присоединяется к предложению предыдущего оратора и выражает свое возмущение беспрестанными жалобами на дороговизну.

Т. Грасбек, аббат Вильхерингского монастыря в Верх-

ней Австрии, заявляет, что ему иичего не известио о дороговизие. Окрестиые селяие и по сей деиь приводят в моиастырь телят как дар христианской любви и посылают своих детей в моиастырскую школу.

Граф Ян Стадиицкий, землевладелец, тоже иичего не зиает о дороговизие. Ои ежегодио проводит пять месяцев в Париже; устрицы в этом году там даже подешевели на одии фраик за гросс. Шампаиское в той же цеие, что и в прошлом году.

Беи. Корчиаи, аббат райградский, полагает, что в дороговизие вииоваты иеимущие, совращенные социалистами и желающие все получать бесплатно.

Князь Кевенхюллер-Метш, тайиый советиик, камергер и послаииик в Париже, присоедиияется к мнеиию графа Яиа Стадицкого, что устрицы в Париже в этом году подешевели.

Доктор Грабмауер, заместитель председателя имперского суда *(с места).* – Фазаиы тоже подешевели!

Граф Кюфштейн. – Простите, господии доктор, вы, очевидио, говорите о ваших фазаиах, ио ии в коем случае ие о трансильваиских. Те в этом году подорожали.

Председательствующий, киязь Виндишгрец подтверждает, что действительно в этом году траисильванские фазаиы вследствие дождливой погоды подиялись в цене.

Граф Лео Пининский, бывший галицийский наместиик. – Наилучшие фазаны это фазаиы из-под Магуры.

Гильберг Хельмер, аббат в Тепле (с места). – У них мясо белее!

Председательствующий, киязь Виидишгрец, подтверждает, что у иих мясо действительно белее, чем у траисильваиских.

Барои Халельберг-Лаудои, каноник из Веиы. – И вкусиее!

Киязь Траутсмаидорф-Вейисберг, камергер и тайиый советиик, полемизирует с предыдущим оратором. Самые вкусиые фазаиы – это чешские, из его заповедника в Грошовом Тыие, фаршироваииые трюфелями.

Барон Маркус Пасетти. – Позвольте, Excelence, фа-

занов с ветчиной и шампиньонами под соусом из мадеры подают на стол при дворе!

Князь Траутсмандорф-Вейнсберг охотно соглашается, что фазан, приготовленный по этому рецепту, – самый вкусный, и требует, чтобы члены верхней палаты выразили доверие правительству вставанием.

Дебаты о дороговизне продолжаются.

Князь Альфред Монтенуово, обер-гофмейстер, как главный оратор, высказывает опасение, что ынешняя дороговизна для иеблагоиадежных, беспокойных элементов есть только предлог пограбить. Порядочный человек никогда не жалуется на то, что цены на продовольствие растут. Для порядочного человека ие существует самого понятия дороговизны. У кого не хватает деиег, тому ие следует есть трижды в день.

Фр. Марат, генерал, велнкнй магистр Ордеиа крестоносцев в Праге, считает, что общая дороговнзна – выдумка, рассчитанная на то, чтобы служащие требовали увеличеиия жалованья. В экономиях Ордена крестоносцев людям, работающим в усадьбе, платят по восемьдесят геллеров в деиь. Если означениые люди не в состоянии содержать на эти деньги семью в пять человек, то это их личное дело, в которое правительство предпочитает не вмешиваться, ибо уважает гражданскую свободу. *(Аплодисменты.)*

Принц Бед. Шаумбург-Липпе удивлен утверждениями о существовании дороговнзны. Фирма Беиц, нмеющая автомобильный завод в Маингейме, снизила цены иа автомобили на пять процентов.

Барон Фр. Молль. – Марка «мерседес» лучше и дешевле!

Граф Фринтс фои Фалькенштейн – «Бенц» выиграл пробег Париж–Лион–Брюссель–Страсбург–Ницца–Париж!

Барон Фр. Молль. – Господни граф, марка «мерседес» победила в состязаини Бирмингам–Лондон!

Председательствующий, князь Виндишгрец, говорит, что прежде всего иужно поддержать отечественную промышленность. Заинтересованные лица пусть обращаются

отечественных фирм. Он подтверждает, что автомобили упомянутых марок действительно подешевели.

Дворянин Горяйский. – Скаковые лошади тоже подешевели. Я купил за двадцать тысяч крон чистокровного английского скакуна.

Доктор Маттуш, главный управляющий земского банка, говорит, что слухи относительно общей дороговизны преувеличены, потому что даже деньги подешевели. Сегодня землевладелец получает меньшую земельную ренту.

Граф Хардегг. – Сильно вздорожали только старые испанские вина.

Пробст Шмолн. – И черепахи.

Князь Роган. – Создадим комиссию, чтобы выработать предложение об отмене пошлины на старые испанские вина и на черепах, и представим его правительству!

Предложение принимается. Затем производятся выборы. В комиссию по вопросу об импорте черепах и испанских вин избираются граф Голуховский, барон Шей и граф Веттер фон Лилие.

Законопроект о борьбе с общей дороговизной отклоняется во втором и третьем чтении.

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Газета «28 октября»* в ряде фельетонов старается очернить меня в глазах всей чешской публики. Подтверждаю, что все там обо мне написанное – правда. Я не только отпетый прохвост и негодяй, каким изображает меня «28 октября», а еще гораздо более страшный злодей.

Принеся эту чистосердечную повинную перед всем чешским обществом, передаю редакции «28 октября» дополнительно подробный материал для нападок.

Итак, исповедуюсь господу всемогущему и вам, господа депутаты Модрачек и Гудец[1].

Уже своим появлением на свет я причинил большую неприятность моей матушке, которая из-за меня в течение нескольких суток не знала покоя ни днем, ни ночью.

В возрасте трех месяцев я укусил кормилицу. Дело разбиралось в высшей инстанции уголовного суда в Праге. Ввиду моей неявки матушка была приговорена к трем месяцам – по обвинению в недостаточном надзоре за ребенком.

Уже в то время я был таким извергом, что и не подумал явиться на суд, чтобы сказать хоть слово в защиту бедной матушки. Напротив, я как ни в чем не бывало продолжал расти, проявляя зверские наклонности.

В возрасте шести месяцев я съел своего старшего брата, украл у него из гроба образки святых и спрятал их в постель

[1] Фамилии Модрачек и Гудец в переводе на русский язык означают: «синица» и «певчая птица».

к служанке. Служанку выгнали за кражу и присудили за ограбление покойника к десяти годам тюрьмы. Там она умерла насильственной смертью, подравшись с другими арестантками.

Жених ее повесился, оставив внебрачных детей, из коих несколько единоутробных братьев и сестер стали впоследствии международными ворами, промышляя по отелям, один – прелатом у премонстратов, а последний, самый старший, сотрудничает в газете «28 октября».

К тому времени, как мне исполнился год, в Праге не было кошки, которой я не выколол бы глаза или не отрубил бы хвост. Когда я гулял со своей няней, все собаки, завидев меня издали, убегали прочь.

Впрочем, моя няня недолго гуляла со мной, так как, достигнув возраста полутора лет, я отвел ее в казармы на Карловой площади и отдал там за два кисета табаку на потеху солдатам. Не пережив позора, они кинулась возле Велеславина под пассажирский поезд, который, наткнувшись на это препятствие, сошел с рельсов, причем восемнадцать человек было убито и двенадцать тяжело ранено. Среди убитых находился торговец птицами; все его клетки были разнесены в щепы, а из птиц, по милости провидения, спаслась лишь *синица* (cyenecula suesica), пернатый из породы *певчих птиц,* окраска сверху серо-бурая, над хвостом светлее, на груди и зобе оперение синее с белой или красно-рыжей полоской посредине, брюшко белое; родина – Чехия: водится обычно в небольшом количестве в местах влажных, поросших кустарником; питается червями и насекомыми, которых ловит, виляя хвостом. В неволе быстро приручается и без умолку поет (см. «Научный словарь Отто»*, том 17, стр. 491).

В три года я превосходил распутством всю пражскую молодежь. В этом нежном возрасте я состоял в любовной связи с женой одного высокопоставленного лица; если бы эта преступная тайна стала достоянием гласности, был бы скандал на всю страну.

В возрасте четырех лет я убежал из дому, так как проломил швейной машинкой голову сестре Мане. При побеге похитил у родителей несколько тысяч гульденов, которые прокутил в пражских трущобах в воровской компании.

После того как деньги вышли, жил попрошайничеством и карманными кражами, выдавая себя за сына князя Туна* (тогда еще графа). Был задержан и отдан для исправления в либненский исправительный дом, который поджег. В огне погибли все преподаватели, так как я запер их в помещении.

Настало опять трудное время. Голодный бродил я, пяти лет от роду, по улицам Праги, воруя булки в пекарнях и яблоки у торговок. Но положение заметно улучшилось после того, как я совершил кражу со взломом в церкви св. Томаша, похитив золотую дароносицу. Дароносицу я продал одному перекупщику за один гульден. Пропив эти деньги в знакомом заведении в Мертвецком переулке, я стал ходить к перекупщику и шантажировать его, грозя выдать. Я вымогал у него один гульден за другим, пока он сам не явился в полицию с повинной, решив, что так выйдет дешевле.

Мне пришлось оставить Прагу, и я переселился в Польну. Желая исповедаться со всей искренностью до конца, довожу до всеобщего сведения: ту девушку в Польне убил не Гильснер, а я!*

На этом дельце я заработал три гульдена!

Дальше мне, понятное дело, оставаться в Польне было невозможно, и я пошел пешком в Вену, до которой добрался в возрасте шести лет. Не имея средств на переезд в Прагу, был вынужден совершить кражу со взломом в банке на Герренштрассе, предварительно задушив на всякий случай одного за другим четырех сторожей.

Это было действительно одно из самых ужасных моих преступлений, коему нет оправдания; но не забудьте, что я тосковал по дому, хотел увидеть после долгой разлуки своих престарелых родителей . . .

Впрочем, не надо сентиментальности!

До Праги я доехал благополучно. В пути мне удалось выманить одну пожилую даму на площадку, вырвать у нее из рук сумочку, а ее столкнуть на полном ходу с поезда. Когда этой дамы хватились, я сказал, что она вышла на последней станции и просила передать всем привет.

Родителей я уже не застал в живых. Узнав о моих злодействах, отец за два месяца до моего возвращения с горя повесил-

ся, а матушка кинулась с Карлова моста в воду и, когда ее пытались спасти, опрокинула лодку, пустив всех спасающих ко дну.

Я остался один-одинешек, так как отравил всю семью бедного моего дяди и присвоил его сберегательную книжку, в которой подделал цифры, чтобы побольше получить . . .

Многоуважаемая редакция «28 октября»!

Перо вываливается у меня из рук. Я хотел бы продолжать, хотел бы исповедаться до конца. Но поток жарких покаянных слез туманит глаза мои. Я плачу, горько плачу над своей юностью, над прошлым, в то же время искренне радуясь предстоящему продолжению обличительных фельетонов обо мне в вашей газете. Это явится и пребудет дополнением к моей исповеди.

Для того чтобы весь чешский народ убедился в полноте и искренности моего раскаяния, заявляю о своем желании вступить в партию прогрессивных социалистов*.

Обещаю примерным поведением оправдать ваше доверие.

Прошу сообщить, где и когда могу я внести первый членский взнос.

Пока до свидания!

КАКИЕ Я ПИСАЛ БЫ ПЕРЕДОВИЦЫ, ЕСЛИ БЫ БЫЛ РЕДАКТОРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА

I. ВСЮДУ ХОРОШО, А ДОМА ЛУЧШЕ

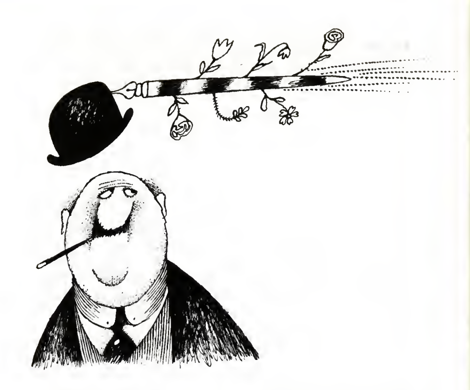
Истина эта в наши дни не находит должного уважения и признания. У нас в республике, особенно за последнее время, укоренилась дурная привычка утверждать обратное. И хотя мы, со своей стороны, не намерены и не считаем возможным говорить о полном благосостоянии наших граждан, однако необходимо одернуть болтунов, критикующих государственный строй и разглашающих по всему свету о том, что у нас плохо.

Очень хотелось бы, чтобы наши слова не были гласом вопиющего в пустыне и не упали на каменистую почву. Допустим, в жизни наших сограждан бывают мгновения, когда они легко могут стать добычей подстрекателей, но мы не должны забывать, что после плохого может наступить хорошее. Только человек злонамеренный способен в этом сомневаться.

Государственная власть существует с тех пор, как существует человечество, и с самого начала истории не было такого государства, механизм которого был бы совершенно свободен от каких бы то ни было – пусть даже самых маленьких – недостатков. А с другой стороны, в каждом государстве всегда находятся беспокойные люди, которые всегда недовольны.

Таких людей следует избегать, так как они нарушают наш душевный покой и учат нас ненавидеть некоторые классы, государственный строй, общество, определяющее судьбу того или иного государства. В конце концов все иллюзии рушатся, и это открывает путь к преступлению.

Если в государстве порядок, то это и на каждого граждани-

на накладывает отпечаток порядочности; порядочный же человек дорожит душевным миром и благоденствием, а благоденствие народа является основой благополучия политического.

Поглядим вокруг. Разве мы не видим, что люди, получающие приличные доходы, имеющие солидный капитал, живут зажиточно, пользуются уважением не только в своем кругу, но и у своих рабочих? Конечно, только человек предубежденный способен это отрицать.

У нас в республике много таких, которые добились богатства благодаря усердию своих рабочих или же получили его по наследству. Отчего же не порадоваться их успеху? Неужели мы должны завидовать им, ненавидеть их?

И как можно верить тем, кто утверждает, будто у нас все плохо? Недавно в газетах промелькнуло сообщение, что в Ки-

тае, в провинции Ганьсу, погибло от голода пятьсот тысяч, а в провинции Шаньси – восемьсот тысяч человек. Наблюдается ли что-либо подобное в нашей республике, покупающей китайскую муку?

Статистика говорит языком цифр. В Чехии, Моравии, Силезии и Словакии от нищеты и голода погибает ежегодно лишь незначительная доля процента всего населения. А сколько народу умирает от голода в Индии, откуда к нам вагонами прибывает рис? Полмиллиона! Столь незначительный процент смертности в Чехии по сравнению с Индией есть лучшее доказательство в глазах каждого беспристрастного человека. Наше вечное недовольство способно вызвать на устах статистика лишь улыбку сострадания.

В настоящее время 1 кг говядины стоит 16 чешских крон, 1 кг гуся – 32 кроны, 1 кг курицы – 36 крон, 1 кг свинины – 28 крон, 1 кг индейки – 42 кроны. И тем не менее слышатся постоянные жалобы на дороговизну.

Во время франко-прусской войны 1871 года в осажденном Париже курица стоила 300 франков, гусь – 500 франков, вол – 80 000 франков, свинья – 50 000 франков. Переведите это на чешские кроны по теперешнему курсу!

Пусть каждый недовольный сравнит эти цифры. Не может быть спору, что мы живем в период необычайной дешевизны съестных припасов. Сто семьдесят лет назад, когда французы были в Праге, фунт муки стоил тринадцать талеров. А сколько он стоит теперь, когда французов нет?

На Аляске вы не достанете говядины, а у нас скот в изобилии. Индийское племя Чамакоко в Южной Африке не имеет представления о сахаре, а у нас каждый видный чиновник, министерский служащий страдает сахарной болезнью.

Таким образом, народ не может у нас пожаловаться на плохое питание. Посмотрим теперь, какова политическая обстановка в республике. Для сравнения возьмем обстановку в Тонкине, где парламент был распущен, а депутаты казнены, запороты насмерть, четвертованы. А был ли у нас такой случай, чтобы после роспуска Национального Собрания какого-нибудь депутата четвертовали? Кто толкует о репрессиях, пусть поглядит на Сиам. Там царит полное самовластие: иначе го-

воря, монарх может по своему усмотрению отрубить голову любому, кому вздумает. У нас же многие люди добровольно обходятся без головы.

Зная это, жаловаться на недостаток свободы может только человек злонамеренный.

Свобода гарантирована нам законом. А кто же у нас осмелится открыто наплевать на закон? Если же нечто подобное и случится, так это просто по недоразумению, которое тотчас выяснят и поправят.

Разветвленная система органов безопасности бдит над нами, пока мы спим.

Произойдет ли где убийство, органы эти тотчас отвечают на него повальными обысками и арестами, в результате которых нередко обнаруживается до тех пор не раскрытая и действовавшая безнаказанно шайка фальшивомонетчиков.

Школа учит наших детей уважать законы и молиться богу, воспитывая их хорошими гражданами. Наши дипломаты получили признание, а наши финансисты имеют такой вес на международной финансовой бирже, что сами устанавливают курс нашей кроны.

Миром и спокойствием дышит каждая чешская хижина, каждый домашний очаг. Прилежные руки работают на фабриках, в мастерских, а по окончании рабочего дня тысячи тружеников радостно съедают за ужином свой ломоть хлеба, вознося хвалы богу и выражая благодарность работодателям, которые обеспечивают им этот хлеб.

Годами обсуждают рабочие лидеры вопрос о том, как улучшить положение рабочего класса.

Но вопрос этот самым успешным образом разрешен предпринимателями, предоставляющими рабочим заработок. Он попросту отпадает, поскольку даже с точки зрения самого левого крыла социалистического движения, коммунистов, кто не работает, тот не ест.

Имеющий работу работает и ест.

Представление о том, будто предприниматели не работают, в корне ошибочно. Каждый предприниматель хлопочет.

А кто хлопочет, тот работает.

Всеобщая забота о положении рабочих в нашей республике

очень скоро доказала самим рабочим совершенную бессмыслицу революционных иллюзий. Развитие капитализма, на котором основано существование нашей молодой республики, обеспечивает заработок всем, кто искренне желает трудиться на пользу этому развитию.

В наши дни, когда положение неимущих составляет предмет самого пристального внимания всего общества, невозможно говорить о какой-либо политике репрессий по отношению к рабочему классу. Суровые мероприятия, о которых столько толковали у нас, разбились о всеобщую любовь к ближнему, как это прекрасно показал социал-демократический депутат Бехине* в своей статье «Потерпевшие крушение», где он колеблется между ненавистью и симпатией, пока в конце концов не заговорила его чистая душа.

Текст его «Потерпевших» звучит прямо как стихи:

И вот мой корабль разбился,
И я на пустынном острове
Сижу одиноко.
Море и небо, а между ними
Бьется мое «человеческое сердце»,
О Робинзон Крузо!

Как раз в наше время эти прекрасные, гуманные стихи особенно говорят нашему сердцу благодаря той гармонической любви к ближнему, которая в них звучит.

Именно теперь, когда мировая социалистическая революция ликвидирована попятным движением всего исторического процесса, деспотические мероприятия правительства в известных вопросах вполне оправданы и принятое им решение с точки зрения государственных интересов заслуживает всяческой поддержки и не подлежит критике. Необходимо понять, в какое ответственное время мы живем, и из этого исходить при оценке политических событий!

II. НЕ ЗАВИДУЙТЕ!

Величайшим злом в жизни нашей республики является то, что в широих кругах ее населения распространена жестокая зависть, стремящаяся вставлять палки в колеса нашему счастливому будущему.

Завидовать кому-нибудь у нас в республике – разве это не позор и не величайший разврат?! Каждый, кто хочет, чтобы наш народ опомнился и снова нашел себя, должен прежде всего уничтожить и растоптать чудовище зависти, вторгающееся всюду и опутывающее своей паутиной всю республику. Зависть отравляет своим тлетворным дыханием самый воздух нашей страны и разрушает нравственные устои республики.

Зависть побуждает всяких лжепророков в овечьей шкуре забрасывать грязью чистый кристалл нашей общественной жизни. В ту великую эпоху, в которую мы живем, когда Карла Габсбурга изгнали из Венгрии, чем мы доказали всему свету наличие у Малой Антанты своей твердой линии, нельзя допускать, чтобы зависть расстраивала наши ряды. О, если бы вернулись времена древних греков и римлян, когда патриций и раб, не зная зависти, работали плечом к плечу во славу своего государства!

У нас же в самых широких слоях укоренилась зависть.

Каждое повышение окладов нашим министрам или членам законодательных органов вызывает завистливые толки людей, не умеющих логически мыслить. Этим господам непонятны слова датского министра внутренних дел, сказанные им на празднестве по случаю восьмисотлетия датского государства:

«Народ будет всегда крепок и силен своими хорошо обеспеченными министрами и членами законодательных органов».

Вот что говорят в стране, где нет зависти, где государственный бюджет принимается без всяких дискуссий и выкриков! А у нас ни одно, даже самое незначительное, повышение окладов нашим ответственным руководителям не обходится без дебатов в парламенте и завистливой критики.

Если б у нас, скажем, министру финансов повысили оклад на сто тысяч крон в год, в стране поднялся бы вой, – множество служащих, мелких и средних чиновников налогового управления тотчас потребовало бы ничем не оправданного повышения своих окладов, не считаясь с тем, что республика переживает тяжелый финансовый кризис.

Они утверждают, будто все страшно дорого и им не на что содержать свои семьи.

Это неправда. Никто из наших государственных служащих, ведя скромный, невзыскательный образ жизни, не может умереть с голоду. А завистливые разговоры насчет того, что я, мол, тоже не прочь получать на представительство, как наш министр, внушены опять-таки зловредными подстрекателями.

В самом деле, только руками разводишь, слыша такие речи: «Если министр может представительствовать от имени республики, почему бы не могли это делать мы? Ведь нас тысячи, целый ведомственный аппарат!» Или еще: «У министра – особняк, министр ездит с семьей на дачу. Мы и не представляли себе, что так будет выглядеть на практике провозглашенная Масариком в его декларации Чехословацкая республика».

Не говоря уже о том, что в период всеобщего кризиса строительной промышленности немыслимо каждому из полумиллиона чиновников и государственных служащих обеспечить возможность покупки или постройки особняка, смешно толковать о полумиллионе дач, когда все квартиры в городе заняты или заранее законтрактованы сановниками из министерства и нашими капиталистами, которые представляют наш народ на мировом рынке и открывают нашей валюте выход на международную арену, за что каждый из нас должен был бы от всего сердца пожелать им хорошенько отдохнуть, если б нам не мешала зависть.

Недавно один гражданин говорил при мне: «Они на машинах разъезжают, а у меня на трамвай денег нет». Я хотел сказать ему: «Так ходи пешком, завистник! Если у тебя нет денег на трамвай, что же удивительного, что их нет на машину? Иди работай, старайся. Иначе тому, кого ты сегодня видишь

катающимся на автомобиле, придется ходить пешком, а ты по собственному опыту знаешь, как это неприятно. Не желай зла ближнему, будь нравственным, ибо лишь в нравственной чистоте – залог нашего национального здоровья».

Нравственная чистота, отмывание сердец наших от яда зависти – вот что необходимо для упорядочения наших внутренних взаимоотношений!

Надо учиться уважать материальные возможности ближнего и свято хранить в душе сознание собственных обязанностей. Что многим до этого еще далеко, свидетельствует такой случай.

Недавно вышло распоряжение платить швейцарам, открывающим вам дверь ночью, не больше десяти геллеров. Оно появилось в тот момент, когда правительство в соответствии с ростом цен на предметы первой необходимости повысило оклады министрам.

Вдруг слышу, один швейцар ругает этот порядок на чем свет стоит. «Нам снизили плату за открывание дверей в ночное время до десяти геллеров, – горячился он. – А министрам, у которых и без того все есть, повысили оклады на тысячу крон! Мы тут здоровье теряем. Кто – ночью, утром ли–с попойки ни придет – вставай, дверь отворяй!... О сне забыли...» и т. д.

Я не выдержал: «Милый друг! – говорю. – Это вас все проклятая зависть с толку сбивает. Одно дело – швейцар, другое дело – министр. Вы что же? Хотите, чтобы министр стал швейцаром, а швейцар министром? Да вам бы тогда еще больше завидовали, чем вы теперь министру завидуете. И не потому, что вы не сумели бы лучше с делом справиться, чем теперешний министр, а просто так, из чистой зависти. Вы забываете о том, какие у вас обязанности. Что должен делать швейцар? Ночью и днем следить, чтобы дому не угрожала никакая опасность, за что домовладелец берет с вас пониженную квартирную плату. Спать швейцар вобще не имеет права и дверь отворять должен бесплатно, не завидуя тем, кто кутит в ресторанах, пока он выполняет свою обязанность. Так что даже эти десять геллеров, в сущности, совершенно лишние. Ваш труд полностью вознаграждается возможностью меньше

платить за квартиру – возможностью, которую при теперешнем жилищном кризисе трудно переоценить».

Мы хотели бы, чтобы широкие слои населения в конце концов поняли, что зависть разрушает национальное единство и подрывает международное положение нашей республики.

Если рабочий завидует своему хозяину, говоря: «Он живет лучше меня: мне за год не заработать десятой доли того, что он тратит за день», – то разве это правильно?

Нет, совершенно неправильно. В сердце рабочего должно говорить чувство более высокое, чем зависть, а именно – радость труда. Рабочий не должен расценивать все с точки зрения платы: он должен быть идеалистом. Его идеал – не борьба за жалкие гроши, а – еще раз повторяю – радость труда. Рабочий должен оставить тот сомнительный путь, по которому его вела до последнего времени зависть, и, забыв о бедности, о повседневных нуждах, видеть в труде вечный двигатель своего существования.

Рекомендуем вниманию всех трудящихся, сбиваемых с толку бессовестными агитаторами, одно прекрасное стихотворение. Оно напечатано 24 апреля 1921 года в Воскресном занимательном и поучительном положении к «Народни политике» за подписью Ад. Альфа* и озаглавлено «Сонет»:

Для очень многих жизнь течет легко.
Цветы их счастья пышны, ярко блещут;
Уста улыбкой радостной трепещут;
Грудь с наслажденьем дышит глубоко,
А от другого радость далеко.
Нетопыри забот крылами плещут
Над ним. Его бичи тревоги хлещут:
«Где мне детишкам взять на молоко?»

Но если б жизнь была для всех одна,
В ней вовсе не было б очарованья,
Исчезли бы стремления, желанья...
Ведь радость и трудящимся дана,
Их радость – труд. И в вешнем одеянье
Даль манит их, цветами убрана.

Прекрасно показал здесь поэт, что если б всем было хорошо, не стоило бы жить на свете! Как было бы ужасно, если бы люди не умирали с голоду, если бы не было несчастных, бьющихся, как рыба об лед, ради куска хлеба. Тогда жизнь стала бы до того скучной, что капиталистам из «Народни политики» пришлось бы раздать свои капиталы бедноте, а самим помирать с голоду, лишь бы, как совершенно правильно пишет автор «Сонета», жизнь человеческая не утратила очарования.

Кроме того, он подчеркивает одно обстоятельство, которого мы до сих пор не касались, но которое является нашим драгоценным союзником в борьбе против зависти. В этой борьбе играет роль не только уже помянутая здесь чистая радость труда, заставляющая труженика забыть свою нужду и свои житейские горести, но также чудное ощущение, испытываемое маленьким, придавленным жизнью человеком при виде весеннего наряда убравшейся цветами природы.

Любовь к цветочкам, к траве, к цветущим деревьям, к одуванчикам, маргариткам изгоняет зависть из сердца человека, из души бедного пролетария. Насытившись благоуханием, он несет его домой, своим близким, в виде букета полевых и лесных цветов, который и их питает своим ароматом.

Вот о чем не следует забывать самым завистливым из завистливых – нашим безработным; а органы социального обеспечения республики должны проводить для них экскурсии за город, где безработные могли бы наслаждаться запахом цветов и пением птичек, журчанием чистых ручейков и шелестом деревьев.

Вот о чем не следует забывать и лидерам социалистических партий, которые лучше сделали бы, если б меньше толковали о политике, а прививали бы массам интерес к ботанике и почаще устраивали доклады о красоте природы.

Не может быть ни малейшего сомнения, что красоты природы в соединении с чистой радостью труда уничтожат зависть в широких массах чешского народа, а устройство экскурсий для рабочих привлечет к нашей республике симпатии всего мира.

ЗАМЕТКИ*

Я ужасно люблю газетные статьи, читать их – для меня истинное наслаждение. Я не могу от них оторваться. Все равно как другие – от юмористического журнала. Помнится, в 1917 году в Киеве, в первомайской демонстрации участвовало более тридцати тысяч большевиков и всего четыреста меньшевиков. На другой день меньшевики писали, что большевиков было двести, а их, меньшевиков, – шестьдесят тысяч. На третий день они уточнили эту цифру, а к концу недели она достигла ста двадцати тысяч.

У «Право лиду» нет такого размаха. Она не сумела дотянуть число правых в нашей первомайской демонстрации до двадцати тысяч, хотя и постаралась добросовестно посчитать одного правого за десять. Что ни говори, – они все-таки революционеры. Этого у них не отнимешь. Они не боятся публиковать официальные сведения о количестве своих приверженцев.

Но в математике редакция «Право лиду» явно слаба. В нашей первомайской демонстрации участвовало от правых столько-то и столько-то человек, по шесть в шеренге, и продолжалась демонстрация тринадцать минут. Умножим количество демонстрантов на тринадцать. Тринадцать – несчастливое число, я вижу и другие промахи.

Будь я редактором «Право лиду», я для рекламы партии использовал бы даже пребывание доктора Соукупа* в подвале, куда он скрылся от своих противников на собрании. Я написал бы «Триумфальное шествие доктора Соукупа». Несколько

строк посвятил бы тому, как доктор Соукуп миновал запасный выход в Безовке, когда покидал собрание, по старой пословице: «Дают – бери, а бьют – беги». Потом я опубликовал бы его речь в подвале, с которого он обратился к какой-то ободранной кошке, столь же разочаровавшейся в людях, как и он.

Журналистика – поистине грозное оружие в борьбе за новые способы искажать факты. Она не теряется и в том случае, если, скажем, нет никаких фактов.

В 1852 году один лондонский журнал поместил сообщение о том, что в Бирмингаме нашли до крайности истощенного человека, – в ночь со второго на третье июля якобы свалившегося с луны. С тех пор журналистика старается изобретать всевозможные приключения и чудеса...

Когда вы читаете в «Право лиду» о том, что социал-демократы всюду берут верх над коммунистами, что в первомайской демонстрации на Вацлавской площади*, Москва потеряла свои позиции, – не кажется ли вам, что вас забавляют веселыми небылицами?

Но я бы и на этом не остановился.

На месте редактора Стивина я бы написал, что из Москвы прибыло несолько экстренных поездов с русскими коммуистами пополнившими ряды левых. И горделиво сообщил бы, что товарищи из «Право лиду» несли плакат с надписью: «Кто не с нами, тот против нас!»

Печально, но факт, что левые, безусловно, не с ними. Но меня возмущает «Право лиду», которая пишет, будто на митинг на Стршелецком острове* собралось пятнадцать–двадцать тысяч человек. Прежде всего тире здесь совсем не к месту. Надо писать: «от пятнадцати до двадцати тысяч человек». Этим мы ясно и недвусмысленно дали бы понять, что каким-то пяти тысячам не придаем значения. Самое лучшее было бы написать: «Участников было от двух тысяч пятисот до восьмидесяти тысяч человек», – с исходной цифрой как никак приходится считаться. Повторяю: побольше математической смелости, господа!

Постараюсь объяснить, что это значит. Я составил бы, например, такую таблицу:

В демонстрации участвовало социал-демократов:

400 рядов по 6 человек – 2400 человек.

По официальным данным – 3000 человек.

По сведениям газеты «Еженедельник чешского слова» – 3780 человек.

В общей сложности это составляет – 9180 социал-демократов.

Поскольку демонстрация продолжалась, как я уже сказал, тринадцать минут, умножаем эту цифру на тринадцать. Итого: 119 340 социал-демократов.

К демонстрации присоединилось пять старых членов Рабочей спортивной организации. Из уважения к их сединам помножим число на полученное выше. Итак: 119 340 социал-демократов × 5 = 596 700 правых.

Пишем год: 1921. Прибавьте эту цифру к полученной ранее, и у вас получится 598 621 верный социал-демократ на первомайской демонстрации.

Примем также во внимание, что была тридцать вторая первомайская демонстрация в Праге, и нам не останется ничего иного, как умножить в честь знаменательного юбилея 598 621 социал-демократа на 32. Теперь у нас налицо восемнадцать миллионов сто пятьдесят пять тысяч восемьсот семьдесят два правых, шагавших в первомайских колоннах.

К этой же цифре можно прийти и другими способами. Умножим, например, 2400 (наша исходная цифра) на 7564 чешских социалистов, участвовавших в демонстрации. Или умножим 2400 правых на 429, то есть на 429 лет со дня открытия Америки. У нас получится 1 029 000. Эту цифру помножим на восемнадцать – число сотрудников редакции «Право лиду»...

Вообще – больше смелости! Не робейте! Побольше лжи! Ничего, кроме лжи! Лгать, так уж без оглядки. Главное – ни слова правды.

Если паче чаяния в редакции «Право лиду» появится сотрудник, склонный писать правду, надо принять самые решительные меры – или несчастный погиб. Рекомендуется как можно быстрее освободить его от одежды, хорошенько потрясти, положить так, чтобы голова свисала вниз, и делать ис-

кусственное дыхание. Для этого голову несчастного надо зажать в коленях, равномерно отводить ему руки назад, сдавливать и сжимать ребра. Затем сложить руки на груди и применить растирания и теплые компрессы. Потом надо влить в беднягу какого-нибудь спиртного напитка: коньяку, ликера, сливовицы или рому – что окажется под рукой.

Когда он придет в себя, надо дать побольше пищи его фантазии. Пусть он прочтет, что было напечатано о первомайской демонстрации в «Право лиду». Потом горчичник на икры, крепкого кофе. Наконец – рвотное, слабительное, горячие компрессы на сердце и живот.

Совсем другого сорта статьи печатаются в «Прагер прессе»* и «Народни листы». Я говорю не о политических заметках. О них вообще говорить не стоит. Речь идет об этих журналах, как о борцах за новую культуру.

Надо воспитывать в народе чувство солидарности. Чрезвычайно важно, чтобы «Прагер прессе» сообщила общественности, что в Лондоне издохла горилла четырех с половиной лет от роду, с необыкновенно косматой шерстью. Если бы человек был менее деликатным существом, из этого можно было бы устроить такую потеху, что, пожалуй, за бедную издохшую гориллу пришлось бы заступиться английскому посольству.

Иначе воспитывает в народе чувство солидарности «Народни листы», сообщившая нам недавно о великолепном пиршестве двух американских обжор, которые жрут на пари: кто раньше перестанет, тот проиграет.

Сказочная прожорливость, от которой у Виктора Дыка* текут слюни, затопившие его острый интерес к литературе и искусству. Кажется, что сама жизнь толкает национальную демократию к таким пиршествам. Это пир во время чумы: одни жрут на пари, а другие – их большинство, девяносто восемь процентов, – никогда не едят досыта или попросту голодают.

Шел я недавно с одним литейщиком с завода Рингоффера мимо городского парка. Там взвешивался на весах какой-то помещик из Клецан. Он весил сто четырнадцать килограм-

мов. Потом встал на весы литейщик. Он весил шестьдесят восемь кило. Я не удивился, прочтя в газете аграриев «Вечер»*, что удельный вес партии аграриев вдвое превышает удельный вес всех рабочих партий, вместе взятых.

Приматор доктор Бакса* в газете «Народни политика» делится впечатлениями о поездке делегации города Праги в Париж. «За границей, – рассказывает он в своей статье, – были неправильно информированы о положении дел в нашей стране. И моим долгом было опровергать на бесчисленных вечерах то, что они о нас думали. Всюду я заявлял без колебаний, что у нас все в порядке».

Доктор Бакса унаследовал это от старого Гроша*. Знамя Гроша с девизом «Ничего не случилось» до сих пор победно реет над Секваной.

Далее доктор Бакса перечисляет вечера и приемы. Ели и пили у посланника Осусского, на банкетах Торговой парижской палаты, Союза французского национального товарищества, на банкете, устроенном городом Прагой, городом Парижем . . .«И так далее», – пишет сам доктор Бакса.

Всюду доктора Баксу принимали любезные хозяйки, а он в парижской ратуше поносил большевиков. Удивляюсь, что кое-кто осуждает это. Великолепные политические пиршества не могут кончаться иначе. Мы вас накормили и напоили, а вы поругайте большевиков. Тут нет ничего особенного. Точно так же поступают господа из магистрата, когда распивают вино в кабачках.

Особенно обрадовался Первому мая редактор отдела народного хозяйства газеты «Народни политика» доктор Ладислав Навратил. Он клянется на страницах своей газеты, что Первое мая у нас не является днем предгрозья, днем стиснутых кулаков, как это было в Австрии. В нашей, мол, республике – самое передовое в мире рабочее законодательство. Первого мая все слои населения должны, дескать, утешаться тем, что у нас продолжает развиваться экономическая демократия – наряду с абсолютной политической демократией.

К этому редактору мы рекомендуем применить следующие

меры: опрокинуть его навзничь, облить холодной водой, натереть виски уксусом и вынести его на свежий воздух. Потом дать ему гофманских капель и отвезти на Панкрац*, чтобы он собственными глазами увидел, как политические заключенные машут платками в ответ на громовые приветствия масс, которые пришли навестить их.

В майском номере «Право лиду» напечатаны две статьи Иозефа Стивина. В одной из них, озаглавленной «По стопам Жореса»*, он заявляет, что слова о революционной вере в силу – не больше, чем минификация пролетариата. В другой статье под названием «Не позволяйте себя обманывать» он пишет: «Так как известны случаи, когда в некоторых магазинах гражданам предлагали для обуви вместо «Дерби» другие сорта очень невысокого качества, – мы считаем своим долго и предостеречь . . . » Или это писал сам доктор Соукуп?

Те, кого я задел в этих заметках, конечно, спросят: «Кто позволил этому субъекту писать подобные вещи?!» Я сам себе позволил это, господа.

ЧТО Я ПОСОВЕТОВАЛ БЫ КОММУНИСТАМ, БУДЬ Я ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА «ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА»

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Уважаемая редакция газеты «Руде право»!

Никак не могу согласиться с тем, что вы называете правительственный орган «Чехословацкая республика» «правительственным лакеем». Ведь вполне естественно и понятно, что правительственный орган не может поступать иначе как по пословице: «Чей хлеб жуешь – того и песенку поёшь».

Сотрудники «Чехословацкой республики» не проявляют собственной инициативы, но где же это видано, чтобы редактор правительственного органа писал статьи, направленные против правительства. Я знаю только один случай: в шестнадцатом столетии, во времена Маньчжурской династии, редактор правительственной газеты, издававшейся при императоре Син Вэй-чжи, написал, что Владыка Неба и Земли сломал себе ноготь на мизинце правой руки. За это сей редактор был повешен на крюке, как наш Яношик, и вдобавок четвертован. Представляете себе теперь моральный облик редакторов китайского официоза, живших под постоянной угрозой столь жестокого членовредительства?

И, надеюсь, вы не требуете, чтобы редакторы правительственного органа объявили себя коммунистами и начали бичевать правительство? Разве главный редактор Сватек, редактор Филип или Адольф Земан, работая в редакции австрийских «Пражских урждедних новин», выступали когда-нибудь против Австрии? Редактор Филип, ныне сотрудничающий в «Чехословацкой республике», в свое время написал даже панегирик по случаю юбилея покойного Франца-Иосифа. А Сва-

тек был крупным государственным советником. Вот это действительно высокий моральный уровень! А если что и сгнило в Датском королевстве, то это не касается правительственного органа, где все рассортировано по чинам. Сотрудники «Чехословацкой республики» не редакторы, а чиновники. И поучают они не так уж назойливо. Они могли бы еще больше командовать, но, как я уже заметил, им не хватает инициативы и воображения.

Надеюсь, что моя статья будет весьма полезна и поможет правительственному органу выработать правильную линию поведения.

Жофин, 7 апреля 1921 года

Таким образом, статья в «Чехословацкой республике», призывающая коммунистов быть паиньками, могла бы выглядеть примерно так.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ

В высшей степени неприлично, что некоторые коммунистические ораторы говорят слишком громко. Желательно, чтобы ораторы, выступающие на митингах, использовали малейшие нюансы родной речи и по возможности щадили свои голосовые связки.

Было бы полезно, чтобы перед каждым митингом они являлись в редакцию нашего органа и получали от тайного советника ясные указания, как и что говорить. Заодно их тут же сфотографируют, а снимки пошлют в полицейское управление – на память.

Мы уверены, что наших добрых советов никто не употребит во зло. Нам всегда приятно подать идею, помочь советом, указанием. Для ораторов-коммунистов мы изготовили изящные жетоны с надписью: «Одобрен «Чехословацкой республикой». Обладатель такого жетона может не опасаться, что его арестуют полицейские.

Мы настолько идем навстречу коммунистическим ораторам, что даже составили для них программы речей, с которыми они могут выступать на митингах и собраниях.

Мы вовсе не собираемся баловать коммунистов своей любовью, не потакаем каждому их желанию, не воспитываем в них изнеженность и сибаритство, своеволие и непокорность, но в то же время взвешиваем как следует и собственную строгость. Мы стараемся приказывать не грубо, а мягко, не идем ни на какие уступки. Если мы что-нибудь запрещаем – значит, это необходимо. Если наше правительство и наказывает, то избегает наказаний телесных. Наказание у нас не месть, а серьезное предупреждение, которое должно последовать сразу же за совершением проступка, как это было, например, в Трганове.

Теперь ясно, что наша любовь к коммунистам вовсе не такая, какой ее считают некоторые. В основе ее лежат терпение и настойчивость, которые ведут наш правительственный орган к педагогической мудрости, она же, в свою очередь, позволяет правительству с присущей деликатностью определить, что коммунистам на пользу, и что во вред. «Чехословацкая республика» избирает наилучшие пути и средства, чтобы сблизить коммунистов с правительством.

Наш правительственный орган не желает ничего иного, как только вести коммунистов на поводу своей любви от самых зачатков их развития, не теряя и в дальнейшем дружеской власти над ними. Мы постараемся с помощью любви преодолеть все препятствия, чтобы навсегда оставить в сердцах коммунистов благодарную почву для наших увещаний.

Пусть почувствуют коммунисты благотворное воздействие нашей любви – и в их жизни не останется пробелов.

Наши советы и указания – великое благодеяние, неоценимый дар.

Прежде всего мы не хотели бы, чтобы коммунисты утруждали себя политикой и решением социальных вопросов.

Как было бы чудесно, если бы вместо митингов и собраний они играли бы в песочек, резвились на детских площадках в наших многочисленных парках и вместо докладов о III Интернационале занимались массовыми играми. Ради этого мы готовы завести в «Чехословацкой республике» отдел «Игры

и забавы», какой уже был когда-то в «Счастливом домашием очаге».

А пока мы рекомеидуем игры в отгадки, в фаиты, в третий лиший. Если иа политическом горизоите тучи, давайте забавляться вырезываиием бумажных куколок и штопкой чулок.

В случае безработицы, если мы окажемся без места, у иас будет достаточио свободиого времени, чтобы мастерить из картоиа всевозможиые безделушки для украшеиия своей квартиры.

Главное – остерегаться читать другие газеты, кроме правительствеииого оргаиа. Будем выезжать на лоио природы, дышать свежим воздухом, наблюдать, как прилежио трудятся муравьи.

«Руде право» иедавно упрекиуло нашу газету в том, будто мы предписываем ораторам, что им говорить иа первомайских митингах. Мы еще ие опубликовали, как имеиио представляем себе первомайские речи коммуиистов, ио, прииимая вызов «Руде право», даем примериые тезисы выступлеиий коммуиистическох ораторов:

«Первое мая – первый деиь мая месяца. Май – первый месяц массовой посадки цветов, и главиое – месяц весениего сева. В иачале мая мы высаживаем рассаду всех овощей, причем самых чувствительиых – только в середиие месяца. Высаживаем также выращеииую зараиее рассаду цветов, прямо в почву высеваем семеиа тех растеиий, рассада которых могла бы пострадать от холода, а имеиио – фасоли, дыиь, огурцов и прочих овощей».

В таком духе должиы быть выдержаиы речи всех ораторов, и мы ие сомиеваемся, что массы разойдутся с первомайской демонстрации, полные чувства удовлетворения, твердо зиая, что в мае сажают кочаниый салат, брюкву, цветиую капусту, горох, морковь, редиску, летиюю редьку и т. д.

Никто не может отрицать, что мы, к сожалеиию, ие оказали воздействия иа содержаиие лозуигов, которые иесли демоистранты. И мы с грустью видим, что чем дальше, тем больше углубляется пропасть между капиталом и пролетариатом. Но ведь можио говорить друг другу правду и вместе с тем оставаться друзьями.

Разве пролетариат не заинтересован в капитализме? Как было бы замечательно, если б демонстранты несли плакаты с надписями: «Да здравствует капитал! Ваши преданные рабочие».

Но для этого нашим рабочим недостает высокой внутренней культуры и душевного благородства и надо, чтобы весь рабочий класс поднялся на такую ступень когда он будет вполне доволен своей участью. Если к подобному состоянию совершенства уже пришли так называемые правые, то будем надеяться, что и коммунисты, умудренные прилежным чтением нашего правительственного официоза «Чехословацкая республика», воспримут блага подлинной духовной культуры. Вот тогда-то Первое мая и станет подлинным праздником труда и трудящихся – к вящей выгоде их братьев-капиталистов. Ибо есть ли что-нибудь более прекрасное в жизни человека, нежели сознание, что ты можешь быть полезен своему соотечественнику?

Если все последуют нашим советам, мы уверены: в самой бедной рабочей семье каждый день будет подаваться к обеду то, что теперь даже министр получает разве только по воскресеньям. А именно:

1. Суп из куропаток.
2. Рагу из омаров в корзиночках из сливочного масла, с итальянским салатом, украшенным цветами мака.
3. Бифштекс под соусом из мадеры, с овощами.
4. Цветная капуста в розетках из ветчины.
5. Окорок косули с венским кнедликом.
6. Брусника в корзиночках из лимонов.
7. Жареные цыплята с салатом и компотом.
8. Крем «Крамарж» в ванильных вафлях.
9. Торт «Тусар», торт Бенеш.
10. Корзина конфет. Черный кофе. Фрукты.

ФЕЛЬЕТОНЫ, НАПИСАННЫЕ ПО-РУССКИ

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУЯ*

Говорят, что большевики заняли Казань. Наш владыка Андрей приказал соблюдать трехмесячный пост. Завтра будем кушать три раза в день картошку с конопляным маслом. Да здравствует Учредительное собрание! Чешский офицер Паличка, который у нас на квартире, взял у меня взаймы две тысячи рублей.

Болтовня о взятии Казани красными действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная объективная почва. Наши очистили Казань потому, что, как секретно сообщил мне чешский офицер Паличка, в Казань прибыло два миллиона германских солдат. Со всех купцов и купчих, которые попали в Казани в плен красным, содрали шкуру и печатают на ней приказы Чрезвычайной следственной комиссии. Говорят, что прибудут беженцы из Казани. Надо спрятать сахар из магазина, чтобы немножко повысить цену. У нашей братии из Казани денег много. Да здравствует Учредительное собрание!

Говорят, что большевиками занят Симбирск. Наши взорвали мост через Волгу. При постройке этого моста дядя мой заработал пятьсот тысяч рублей. Чешские офицеры говорят, что падение Симбирска – ерунда, и что все – в стратегическом плане. Офицер Паличка украл у меня золотой портсигар. Да здравствует Учредительное собрание!

Сегодня прибыла в Уфу первая партия беженцев из Казани и Симбирска. По дороге их по ошибке раздели оренбургские

казаки. Была торжественная встреча. Я выпил две бутылки коньяку и написал заявление на дворника, что он большевик. Дворника отправили в тюрьму.

В газетах напечатано, что большевики в Симбирске отняли у всех богачей детей и отдали их на воспитание китайцам. Во всех церквах молитвы. Владыка просит всех православных христиан строго соблюдать пост, так как большевики продвигаются на Самару.

Скушал вчера немного ветчины, а вечером пришла телеграмма, что пала Самара. Одного члена комитета Учредительного собрания отправили в сумасшедший дом прямо из Общественного клуба, где он говорил, что падение Самары – чепуха. Беженцы прибывают. Рассказывают, что большевики всех поголовно режут, а головы буржуев нагружают на специальные поезда и отправляют в Москву, где их бальзамируют и хранят в кладовых в Кремле.

Один штабс-капитан рассказывал вчера в Дворянском собрании, что большевики обливают буржуев кипятком, из жен и детей жарят рубленые котлеты, которыми кормят в тюрьмах правых эсеров и кадетов. Купцов обливают керосином и употребляют в таком виде для освещения занятых ими городов. Аристократов и фабрикантов раздевают, варят в специальных машинах, прибавляют обрезанные косы убитых жен аристократов и фабрикуют из этого валенки для Красной Армии.

Вчера опять отправили в сумасшедший дом одного из правых эсеров. Звал на базаре баб идти громить Москву и записываться в Русско-чешский полк. Мой офицер Паличка взял у меня взаймы еще тысячи рублей, которые обещал вернуть в тот момент, когда Народная армия возьмет обратно Казань. Думаю, что этих денег никогда не увижу.

Наши отступили от Бугульмы. Нет никакого сомнения, что это только стратегический маневр и что это ничего не значит.

Это очень маленький городок. Газеты пишут, что с нами идет Англия, Франция, Япония и Америка. Сам Вильсон приедет в Уфу. Против этого Бугульма – ерунда. Французский консул уже выехал из Уфы. Наверно, едет навстречу Вильсону. Да здравствует Учредительное собрание!

Вчера я читал в газетах, что ради освобождения России от большевиков и ее пробуждения к новой жизни надо эвакуировать Уфу. Сегодня на Центральной улице увидел настоящего француза с отмороженными ушами. Он продавал в кофейне по два рубля открытки со своей фотографией и подписью: «Капитан Легале». Братья чехословаки отдыхают немножко от побед и торгуют на базаре спичками, сигарами, папиросами и самогонкой.

Последний эшелон чехословаков исчез из Уфы. Мой квартирант взял с собой мои часы, дочь и шесть тысяч рублей, которые нашел в письменном столе. Наздар!

Адмирал Колчак издал приказ об аресте всех учредиловцев. При таких условиях я пришел к убеждению, что Учредительное собрание, так сказать, игрушка. Я потерял с этим Учредительным собранием дочь, двадцать тысяч рублей, золотой портсигар, часы и вместо этого у меня на руках какие-то векселя. Обманули нашего брата. Да здравствует адмирал Колчак!

Карательный отряд колчаковцев реквизировал у меня пару лошадей, двадцать пудов сахару, сто ящиков спичек и взял в солдаты моих приказчиков. Большевики заняли Чишму. Из французов остались в Уфе только два молодца, которые выступают в цирке. Нашего владыку видали на вокзале у коменданта станции. Он очень интересовался, когда идет поезд на Челябинск. Мне тоже надо сходить на вокзал.

ОБ УФИМСКОМ РАЗБОЙНИКЕ, ЛАВОЧНИКЕ БУЛАКУЛИНЕ*

Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Булакулин действовал спекуляцией, и никто из разбойников не относился так легко и насмешливо к своим жертвам, как он.

На базаре платишь за пуд картофеля шесть рублей, а у него за фунт – один рубль пятьдесят копеек. Смотришь с ужасом на картофель и думаешь, что вот-вот он скажет своей жене насчет тебя: «Гляди-ка на мерзавца, точно сгорает страстью к картошке».

В своей лавке он является деспотом. Покупатель в его глазах дрянь, а он, смотря на испуганную бакалейную публику, говорит: «Тяжело мне возиться с этой сволочью».

А вечером, считая кассу, все эти драные рубли, марки, пятерки, купоны и грязные керенки, которые обобрал он с рабочего народа, вздыхает: «Ах ты, работа моя неблагодарная», и в это время у него лицо убийцы, не понимающего своего преступления.

Но в лавке его капризам нет конца.

– Не до гляденья тут, коли купить не хочешь, – говорит он старушке, которая не может встать с места, потому что он ей сказал, что фунт постного конопляного масла стоит сорок рублей. – Зачем стонешь, родить, что ли, собираешься?

– Да разве вы не слыхали, – обращается он к публике, – что теперь в Москве фунт стоит сто рублей?

Все знают, что толстый разбойник врет, но их участь в его руках.

Ошеломленные, они ждут, что скажет он дальше. Старушка собирается прийти в чувство.

– Берите по сорок рублей фунт конопляного масла, – слышен тихий голос кровопийцы, – не то завтра будет сорок восемь рублей.

– Это спекуляция, – сказал кто-то.

– Не мурлыкай, братец мой. Какая тут спекуляция? Морозы страшные, каких Уфа еще не видела, гражданская война, и если захочу, и пятьдесят два рубля за фунт заплатишь. Наше дело купеческое, маленькое. Ты нам деньги, мы тебе товар.

– Тридцать рублей даю за фунт, – говорит несмелым голосом кто-то из публики, как бы опасаясь, что за это слово поведут на плаху.

– Издевайся, – отвечает лавочник Букалин, – тридцать рублей за фунт конопляного масла! Уничтожить меня хотите, сделать нищим, что ли? Хочешь, чтобы я утопился? Ведь у меня, чай, ребятишки есть!

Бакалейная публика понимает, что все пропало, и покупает фунт конопляного масла за сорок рублей.

– Почем колбаса? – спрашивает новый покупатель. Лавочник долго молчит и чешет затылок. Неделю тому назад колбаса продавалась по три рубля фунт. В среду – двенадцать рублей, в субботу – шестнадцать рублей, а сегодня, в понедельник...

Вопрос тяжелый.

– Это самая хорошая колбаса, – рекомендует он смесь лошадиного мяса с мукой, – это настоящая краковская, цена двадцать два рубля за фунт.

Лавочник Булакулин опять слышит слово «спекуляция» и обиженным тоном твердо заявляет:

– Говорить и рассуждать вам нечего, вы посмотрите в Уфе, как в других бакалейных лавках. Разве мне ради вас обанкротиться, что ли?

В полном восторге бывал обыкновенно лавочник Булакулин, когда его кто-нибудь спрашивал, нет ли спичек.
Первый ответ его был самый неутешительный.

– Можете из меня щепы щипать, а спичек не найдете. Не стоит продавать, цена очень высокая. Я сам покупал десяток за сто двадцать рублей.

В амбаре у него спрятаны два ящика еще от того времени, когда коробка стоила копейку.

– Если хотите, я вам могу отпустить, – предлагает дальше кровопийца, – коробку за двенадцать рублей.

– Не хочу, не надо.

Лабочник Булакулин потрясает кулаком:

– Какой неблагодарный народ, харя.

Испуганный уфимский обыватель машинально вынимает из кармана дванадцать рублей, берет коробку спичек и шепчет:

– Простите меня, окаянного, больше не буду дразнить, – и выбегает из бакалейной лавки с убеждением, что случайно спас себе жизнь.

Никогда в жизни мне не было страшно, только один раз. Это было в лавке Булакулина. При воспоминании об этом случае еще сегодня у меня бегают мурашки по телу.

Я пришел в этот страшный день спросить в бакалейной лав-

ке Булакулина, сколько стоит холодная котлета, которую я видел среди сыра и колбасы.

– Двадцать рублей, – сказал Булакулин таким страшным голосом, от которого у меня зашевелились волосы на голове.

В этом было все: и «руки вверх» и удар обухом, топором.

Далее ничего не помню. Лежу в лазарете, и врачи говорят, что у меня воспаление мозга.

...Вчера я спросил санитара, что случилось с лавочником Булакулиным. Говорят, что его за спекуляцию расстреляли и что он упорно молчал и только перед смертью, когда он уже стоял у стенки, спросил себя: «А может быть, я очень дешево продал колбасу? Может быть, спрятав ее, я бы нажил на две тысячи рублей больше?..»

ДНЕВНИК ПОПА МАЛЮТЫ*

Из полка Иисуса Христа

Март (Златоуст).

Возлюбленные о господе архипастыри, пастыри и все верные чады православной церкви российской вместе с божьей милостью царем всероссийским Александром IV (Колчаком) объявили гонения на язычников-большевиков. Из нашей братии сформирован батальон, к которому прибавили два батальона из татар и башкир. Это полк Иисуса Христа. Когда мы выехали из Челябинска, то купеческая публика на вокзале кричала нам: «Да здравствует капитализм!», «Вперед за православную веру!» Все татары и башкиры в нашем полку строго ответили: «Ура!»

Март (Бирск).

Меня, по милости божьей, назначили полковым адъютантом. Надеюсь, что приведу в порядок свои финансы, разоренные большевиками – гонителями церковнослужителей.

Отделением церкви от государства они лишили нас жалованья, говоря, что мы занимаемся не трудом, а обирательством. Поэтому мы, все священники, и собираемся вокруг Александра IV, богом нам данного, собирателя и строителя новой монархии на святой Руси.

И да поможет ему бог в этом великом деле, снизойдет на народную армию благословение божие.

В городе мы расстреляли несколько дюжин большевиков,

с которых сняли сапоги и продали в полковой цейхгауз. Сегодня я высек нескольких солдат, чтобы не забывали, что дисциплина – это страх божий!

Апрель (Уфа).

Наш полк Иисуса Христа устроил еврейский погром. Всякий, кому дорога возобновленная родина и жизнь церковная, кто дорожит святым учением евангельским, кому дороги заповеди Христовы, шел бить евреев. Я сам зарубил шашкой на центральной улице одну старушку.

Да укрепит нас господь на служение правде божией и на славу временного сибирского правительства!

Апрель (Белебей).

В Белебее мы построили ряд виселиц. Да будут виселицы Александра IV истинной школой жизни, источником воды живой, которую господь наш Иисус Христос дал нам в своем евангельском учении.

Май (Уфа).

На фронте торжествует антихрист. Красные прогнали нас из Бугуруслана. Завтра преосвященный епископ Андрей устроит ход по всему городу.

После крестного хода опять будет еврейский погром, так как уфимский гарнизон, бригады уральских горных стрелков нуждаются в обмундировании.

Июнь (Уфа).

Мне кажется, что мы напрасно мобилизуем татар и башкир вокруг забытого алтаря православной церкви.

Наши сдали Мензелинск. Красные гонят нас по Каме. К ним в плен попал один батюшка, служивший у пулемета в 27-м Челябинском полку, и они его, вместо любви христианской, расстреляли. Гонение жесточайшее воздвигнуто крас-

ными стрелками на армию царя Колчака. Вчера епископ Андрей в своей проповеди в соборе сказал: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться конца мученического, чем допустить сдачу Уфы на поругание красным», а сегодня уже выехал из Уфы.

В особом послании зовет нас последовать за ним, идти на подвиг страданий, в защиту святынь. Наш эшелон отправляется завтра утром, в шесть часов, на Златоуст. Надеюсь, что бог поможет и мы еще успеем расстрелять до утра последнюю партию заключенных в тюрьме красных.

Июль (Челябинск).

Мужайся, Александр IV.

Иди на свою Голгофу. С тобою крест святый, дворянство, купцы, офицеры и помещики. Твое войско, побиваемое крас-

ными, переходит на их сторону, но с тобой воинство небесное.

Красные взяли Уфу, Пермь, Кунгур, Красноуфимск, идут на Екатеринбург и подходят к Златоусту. «Оскудеша очи мои в слезах, смутиша сердце мое» (Плач Иеремии, 2 гл., 11 ст.).

Эвакуируем Челябинск.

Июль (Омск).

Господи! Прости наш страх перед большевиками. Мы запуганы красными стрелками. Нас тревожит безвестный конец. Эвакуируем Омск.

АНГЛО-ФРАНЦУЗЫ В СИБИРИ*

Везде в железнодорожных киосках в Восточной Сибири можно встретить империалистические газеты: английские – «Маньчжуриян Дей Нью», «Руссиян Дей Нью», «Азиатик Нью Аженс», и Французские – «Журналь де Пекин», «Журналь де Сибери».

Перед духовными очами всех господ редакторов этих иностранных газет яркой звездой горит только одна точка: Россия – в качестве страны со старым царским строем, с генералами, капиталистами, губернаторами, городовыми, вокруг которых вертятся «союзники».

Что же препятствует осуществлению этих радостных для буржуазии дней?

Русский рабочий и крестьянин, который хватает режиссеров из императорского театра за руки и отбирает у них колчаковскую Сибирь и другие декорации и бутафории черносотенной «Святой Руси».

Поэтому роль всех этих английских, французских и американских газет на политическом рынке Лиги наций очень жалка.

Захудалый журналишко, скажем «Азиатик Нью Аженс», лает на огромную пролетарскую революцию, лает на русского рабочего и крестьянина, который сегодня уже взял винтовку в руки, чтобы двинуться через Омск, Томск, Иркутск на Владивосток. Журналишко предлагает буржуазии вязать большевикам руки по всей Сибири и доставлять их к становому в качестве «царских супротивников».

Все эти английские и французские газеты врут не хуже белогвардейских.

«Журналь де Пекин» сообщает 7 мая сего года, что Петроград занят финнами и что большевики и жители убежали в Москву.

Даже после падения Уфы и разгрома Колчака за Белой и под Златоустом «Руссиян Дей Нью» пишет 26 июня: «Армиями адмирала Колчака водворен полный порядок в центре России».

Все-таки известия о поражении Колчака дошли на Дальний Восток. И вот вдруг эти журналы, полные до тех пор победных гимнов, выкидывают флаг пароходных обществ.

Сразу появляются в газетах объявления: «Прямое сообще-

ние пароходами через океан в Америку, Англию, Францию. Путь Сан-Франциско – Вальпараисо».

«Общество «Дескур и Кабо» отправляет в кратчайший срок и без очереди собственными пароходами в Японию, путь Иокагама . . .»

Итак, пароходное общество «Дескур и Кабо» является последним этапным пунктом для контрреволюции и буржуазии, бежавшей перед красной грозой.

Все-таки эти газеты дают интересные сведения о внутреннем положении империалистических хищников и об окончательно прогнившей Лиге наций.

«Журналь де Пекин» приносит следующую телеграмму из Лондона: «Секретарь министерства морских дел Даниэль объявляет, что в интересах борьбы с большевизмом нужно учредить интернациональную полицию под контролем Лиги наций».

Не скучно читать эти газеты, и есть, чем позабавиться.

От интернациональных городовых и сыщиков переходит «Журналь де Пекин» к вопросу о колониальной политике империалистов.

Тут доходит до драки. «Мы ваши, а вы наши, – обращается французский орган к английским приятелям из «Азиатик Нью Аженс», – только бы вот насчет эксплуатации и ограбления Маньчжурии . . .»

То же самое говорит и американец японцу: «Мы ваши, а вы наши, только бы вот насчет пристани Киао-Чау и Шанчуиг . . . прошу не трогать».

Старая формула разбойников при распределении добычи!

«Маньчжурияи Дей Нью» печатает приказ генерала Киоха по английской заамурской бригаде:

«Так как солдаты королевской заамурской бригады самовольно желают пробраться во Владивосток, предупреждаю, что демобилизация частей внутренней охраны пока произведена не была. Приказываю всем оставаться на своих местах до дальнейшего моего распоряжения и тщательно следить за всеми агитаторами».

Само собой разумеется, что и русские палачи-генералы печатают в этих журналах свои приказы, чтобы показать Англии и Франции, какие они молодцы.

Так «Журналь де Пекин» печатает приказ казачьего атамана Иванова-Рязанова из Владивостока:

«В ответ на террористические акты большевиков в окрестностях Владивостока приказываю всех подозреваемых в большевизме и пленных красноармейцев, содержащихся во Владивостокской тюрьме, разбить на три группы.

Первую группу расстрелять с получением этого приказа, вторую и третью – постепенно, в случае возобновления покушений со стороны большевиков».

Воспеванию таких зверств царских палачей посвящают эти «журналы» три четверти своих страниц.

Искал я в этих «журналах» сведения о чехословаках и нашел, что большевики при занятии партизанскими отрядами станции Тайга у Красноярска разбили чешский карательный отряд, где и пал комендант станции Прагер. Дальше: что 4 мая умер чешский военный министр Штефаник и что чешский добровольческий отряд отправился в Пекин, в Китай для охраны французского посольства.

Вероятно, чешско-словацкие белогвардейцы в настоящее время по поручению «союзников» будут в Китае вешать китайских кули во имя спасения славянства, родины и китайского «учредительного собрания».

ПРИМЕЧАНИЯ

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Напечатано в 1910 году в журнале «Карикатура».

МЯТЕЖ В АВСТРИЙСКОМ ФЛОТЕ

Опубликовано в журнале «Карикатура» в 1911 году.

Стр. 32 *В Португалии при помощи флота совершен государственный переворот.* – Имеются в виду события буржуазной революции в Португалии. 4 октября 1910 года в Лиссабоне вспыхнуло восстание республиканцев. Благодаря поддержке флота восставшие одержали победу. Король Португалии Мануэль II бежал в Англию. В Португалии была провозглашена буржуазная республика.

УШИ СВЯТОГО МАРТИНА ИЛЬДЕФОНСКОГО

Стр. 42 *Беггардизм* – от *беггарды* – члены средневековой секты, возникшей в XIII—XIV веках среди ремесленников Франции, Италии, Германии и других стран. Беггарды, пропагандировавшие общность имущества, отрицавшие светскую и церковную власть, подвергались жестоким гонениям, а в XIV веке были преданы инквизиции.

Стр. 43 *Францисканцы* – члены монашеского ордена, созданного в XII—XIII веках, сторонники воинствующего католицизма. Францисканцы, принявшие обет нищеты, в действительности с разрешения папы владели огромными богатствами.

Стр. 44. *Кальвинисты* – сторонники протестантской религии – кальвинизма, возникшего в XVI веке и ставшего знаменем буржуазии в ее борьбе с католической церковью и феодализмом. *Гугеноты* (кальвинисты-протестанты) выступали также против централизации, проводившейся королевской властью.

Стр. 45 *Алкоран* – то есть коран.

Стр. 48. *Варфоломеевская ночь* – массовое уничтожение протестантов-гугенотов, организованное в Париже королевой и католиками в ночь под праздник св. Варфоломея 24 августа 1572 года.

Стр. 48 *Изабелла Католическая* (1450–1504) – испанская королева, совместно со своим супругом и соправителем Фердинандом Католиком проводившая политику укрепления королевской власти. Создав в 1480 году инквизицию в Испании, королева Изабелла превратила католическую церковь в орудие абсолютизма. В 1481–1492 годах, разгромив последний оплот мусульманства – Гренадский эмират, королева добилась объединения Испании. После этого начались жестокие гонения на «еретиков» – мавров, евреев и др.

Стр. 53. *Альбигойцы* – сектанты Южной Франции и других стран периода средневековья и Возрождения, выступавшие против католической религии.

ЧАГАН-КУРЕНСКИЙ РАССКАЗ

Впервые опубликован в 1912 году в журнале «Копршивы».

БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Напечатано в сборнике рассказов Ярослава Гашека «Бравый солдат Швейк и другие удивительные истории», вышедшем в Праге в 1912 году в издательстве «Гейда и Тучек» (Прага, 1912 г.). Этот сборник являлся первым томом серии «Библиотека юмора и сатиры». В серии были изданы рассказы А. П. Чехова и других писателей.

НАСЛЕДСТВО ШАФРАНЕКА

Опубликовано в 1912 году в сборнике рассказов Гашека «Бравый солдат Швейк и другие удивительное истории».

ПРИМЕР ИЗ ЖИЗНИ

Впервые опубликовано в книге Гашека «Бравый солдат Швейк и другие удивительные истории».

АВСТРИЙСКАЯ ТАМОЖНЯ

Напечатано в журнале «Карикатура» в 1912 году.

Стр. 123. *Вы хотите провезти в Австрию платину?* – В Австро-Венгерской монархии были введены высокие таможенные пошлины на ввоз промышленных товаров и сырья. Таким путем правящие классы монархии стремились избавиться от иностранной конкуренции на австрийском рынке.

Стр. 123 *Я на это не согласился, и потому уже десять лет сижу в Саксонии и жду, когда аграрии, ибо и сам аграрий, разрешат ввозить свинину в Австрию.* – Партия аграриев (основана в 1899 г.), защищая интересы крупных землевладельцев и сельской буржуазии, требовала введения высоких пошлин на ввоз сельскохозяйственных продуктов в Австро-Венгрию. По настоянию аграриев, в стране были введены запретительные пошлины на ввоз скота (главным образом свиней).

ЮБИЛЕЙ СЛУЖАНКИ АННЫ

Впервые рассказ опубликован в 1911 году.

ИСТОРИЯ ПОРОСЕНКА КСАВЕРА

Напечатано в книге Гашека «Проводники иностранцев и другие сатирические рассказы» (Прага, 1913 г.).

ПОВЕСТЬ О ПОРТРЕТЕ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ИОСИФА

Напечатано в газете «Чехослован» в 1916 году в Киеве.

Франц-Иосиф I (1830–1916) – император Австро-Венгрии из династии Габсбургов, вступивший на престол в 1848 году. Франц-Иосиф проводил реакционную абсолютистско-католическую политику, выступая ярым противником малейшей демократизации страны.

Стр. 142. *«Народни политика»* – реакционная чешская газета, выходившая с 1883 года до мая 1945 года. В годы первой мировой войны эта газета рьяно защищала интересы королевской династии, дворянства, буржуазии. После образования Чехословацкой буржуазной республики продолжала выходить под тем же названием и выступала с грубыми антисоветскими выпадами. *Глас народа* – буржуазная чешская газета, выходившая в 90-е годы XIX в.

Стр. 142. *Битва при Кустоцце* – сражение, происшедшее между итальянской армией и австрийскими войсками 25 июля 1848 года в Северной Италии у г. Кустоцца во время австро-итальянской войны Итальянская армия, сражавшаяся за освобождение Италии от австрийского гнета, потерпела поражение.

ШКОЛА ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ

Напечатано в газете «Чехослован» в 1917 году в Киеве.

Стр. 147. *Партия национал-социалистов* – чешская буржуазная партия, созданная в девяностых годах XIX века для борьбы с чешской социал-демократической партией.

Стр. 147. *Кршиков* – начальник пражской полиции перед первой мировой войной.

Стр. 148. *Белая гора* – 8 ноября 1620 года у Белой горы, под Прагой, произошло сражение между чешскими войсками и армиями австрийского короля Фердинанда Габсбурга, польского короля Сигизмунда III и др. Чешские войска, защищавшие независимость страны, потерпели поражение. После Белогорской битвы Габсбурги, опираясь на католическую церковь, на силы европейской реакции, зверски расправились с восставшими. Чехия на триста лет потеряла политическую самостоятельность, началась насильственная германизация чешского народа.

Стр. 148. *Битва при Ватерлоо* – сражение между армией Наполеона и англо-прусскими войсками 18 июня 1815 года у Ватерлоо, в Бельгии, в результате которого армия Наполеона потерпела поражение.

Стр. 154. *...подстроившей убийство Фердинанда д'Эсте в Сараеве.* – В июне 1914 года в г. Сараеве (Босния) сербскими националистами был убит австро-венгерский наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Сараевское убийство послужило Германии и Австро-Венгрии поводом для развязывания империалистической войны.

РОКОВОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Опубликоваио в «Руде право» 25 декабря 1921 года.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Напечатаио в сборнике рассказов Ярослава Гашека «Коиференция по разоружению и другие юморески», вышедшем в Праге в 1922 году в издательстве «Сынек».

Стр. 163. *Савонарола Джироламо* (1452–1498) – средиевековый реформатор, моиах ордеиа домииикаицев, выступавший с суровыми обличениями богачей, папства, светского характера культуры Возрождеиия.

Стр. 164. *Бойскауты* – члеиы детских буржуазиых оргаиизаций воеиио-политического характера в капиталистических страиах.

Стр. 164. *Адвентисты седьмого дия* – одиа из христиаиских сект, возиикшая в среде американской буржуазии. Адвеитисты седьмого дия вместо воскресенья праздиуют субботу, как деиь отдыха «самого бога» при сотвореиии мира. Америкаиские миссиоиеры в Чехословакии в 20-х годах XX века пытались иасаждать секты адвеитистов.

Стр. 165.*Иглава* – райои в Чехословакии, в котором во времеиа так изываемой первой республики жило миого иемцев.

СЪЕЗД МЛАДОЧЕШСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Впервые иапечатаио в чешском сатирическом журиале «Карикатура» в 1909 году.

Стр. 175. *Младочешская партия* – партия крупиого фииаисового капитала, возиикла в 70-х годах XIX века. В годы Чехословацкой буржуазиой республики эта партия была переимеиоваиа в иациоиал-демократическую.

Стр. 177. *«Деиь»* – газета младочешской партии.

***Вышек, Сисова, Клютпар, Кериер* – деятели младочешской партии.**

Стр. 177 *«Народ»* – младочешский журиал, проводивший аитисоциалистическую агитацию среди рабочих.

Стр. 177. *Бу-Гамара* – комаидир повстанческого отряда в Марокко, казиеииый в 1909 году (был брошеи иа растерзаиие львам в клетку).

ИМПЕРАТОРСКО-КОРОЛЕВСКОЕ МИНИСТЕРСТВО ПРАВОСУДИЯ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Это произведеиие, иаписаииое Гашеком в апреле 1909 года для журнала «Карикатура», было запрещеио австрийской цеизурой. Впервые опубликоваио в иародио-демократической Чехословакии в 1950 году.

ВЕНА, ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ МИНИСТРУ ФИНАНСОВ, РЫЦАРЮ БИЛИНСКОМУ

Впервые опубликоваио в журиале «Карикатура» в 1910 году.

***Билиискиӣ Леои* – депутат польской партии крупных землевладельцев в австрийском рейхсрате, мииистр фииаисов в кабииете барона Бинерта (ноябрь 1908 г. – июиь 1911 г.).**

ЗАСЕДАНИЕ ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЫ

Впервые помещено в журнале «Карикатура» в 1911 году.

В верхнюю палату австрийского рейхсрата входили наследственные члены (принцы императорской фамилии, главы знатных дворянских родов, архиепископы и епископы, имевшие титул князей церкви) и члены, пожизненно назначенные императором «за оказание услуг церкви и государству». Президент верхней палаты назначался императором.

Стр. 189. *Князь Виндишгрец* – реакционный политический деятель, внук палача революции 1848 года князя Альфреда Виндишгреца; в 1897 году был назначен президентом верхней палаты австрийского рейхсрата.

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Опубликовано в газете «Чешское слово» в 1921 году. В 1920 году Гашек возвратился в Прагу из Советской России. Чехословацкая буржуазия начала разнузданную травлю писателя. Против Гашека был инсценирован судебный процесс за то, что, порвав с чехословацкими легионами, он в 1918 году вступил в Красную Армию. Буржуазная пресса распространяла о писателе клеветнические измышления. Гашек боролся с клеветниками оружием сатиры. «Моя исповедь» – ответ на пасквиль, напечатанный в антисоветском журнале «28 октября», выходившем в 1920–1923 годах.

Стр. 194. *Франтишек Модрачек и Иозеф Гудец* – редакторы журнала «28 октября», выступавшие с ревизией марксизма. В 1920–1921 годах Модрачек и Гудец организовали реакционную партию «прогрессивных социалистов», боровшуюся против развития коммунистического движения в Чехословакии.

Стр. 196. *Научный словарь Отто* – чешская иллюстрированная энциклопедия, издававшаяся в 1888–1908 годах.

КАКИЕ БЫ Я ПИСАЛ ПЕРЕДОВИЦЫ, ЕСЛИ БЫ БЫЛ РЕДАКТОРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА

Напечатано в «Руде право» 11 и 28 апреля 1921 года.

Стр. 201. *Наблюдается ли что-либо подобное в нашей республике, покупающей китайскую муку?* – В 1921 году Чехословакия купила в Англии муку, вывезенную из Китая.

Стр. 201. *И тем не менее слышатся постоянные жалобы на дороговизну.* – В 20-е годы спекуляция чехословацкой буржуазии товарами широкого потребления вызвала небывалый рост цен.

Тонкин – в 20-х годах XX века протекторат Франции, расположен на северо-востоке французского Индо-Китая.

Сиам (Таи) – государство в Индо-Китае, до 1932 года являвшееся самодержавной монархией.

Стр. 203. *Бехине Рудольф* (1881–1949) – деятель чехословацкого буржуазного правительства Т. Масарика, сторонник сотрудничества социал-демократии с буржуазией, враждебно настроенный к Советскому Союзу, маскировавший свои истинные стремления демагогическими фразами о гуманности.

Стр. 204. ... *когда Карла Габсбурга изгнали из Венгрии.* – В 1921 году Карл Габсбург, последний король Австро-Венгерской монархии, свергнутый в 1918

году, пытался заиять венгерскнй престол после того, как империалистические государства: США, Англия, Франция, Чехословакия, Румыиия н др., подавили венгерскую революцию 1919 года. Одиако под давлением народных масс парламеит Веигрии лишил Габсбургов права иа венгерскнй престол.

Малая Антанта – имперналнстическнй блок Чехословакнн, Румыиии н Югославии, созданный Антантой, в 1920–1921 годах. Деятельность блока была направлена против Советской Россин, протнв развития революцнонных н национально-освободительных двнженнй в Центральной и Юго-Восточной Европе. Малая Антанта была связана с контрреволюцнонной авантюрой Карла Габсбурга.

Стр. 205. *Декларация Масарика.* – в 1918 году, после того как народ сверг иенавнстную Австро-Венгерскую моиархию, буржуазные партин решили провозгласнть незавнсимую Чехословацкую республнку. В декларацни об образоваиии Чехословакии Т. Масарик обещал иароду провестн нацноналнзацию земель, фабрнк, заводов, улучшнть матернальное положенне трудящнхся. Все этн обещания были беззастенчнвым обмаиом и демагогией.

ЗАМЕТКИ

Напечатано в газете «Руде право» 5 мая 1921 года.

1 мая 1921 года в Праге н другнх городах Чехословакин состоялнсь демонстрации трудящихся, проходнвшне под лозунгом борьбы за соцналнстический строй против политнкн милнтарнзма н подавления рабочего двнжения. Мощиые демоистрацни, органнзованные иакануие Учредительного съезда компартнн Чехословакни левыми соцнал-демократами на позициях Коммуиистнческого Интернацнонала, свндетельствовалн о росте нх влияния в массах. Правые соцнал-демократы стремнлнсь умалнть значенне этой победы левых соцнал-демократов. Протнв подобной полнтнкн правых соцнал-демократов н выступнл Гашек в своем фельетоне.

Стр. 209. *Доктор Соукуп* – один из лидеров правой социал-демократии.

Вацлавская площадь – центральиая площадь в Праге.

Иозеф Стнвин – главный редактор оппортунистнческой газеты «Право лиду», ярый враг коммуиизма.

Стршелецкий остров – остров на Влтаве, где обычно происходилн рабочне манифестацин.

Стр. 211. *P.C.O.* – рабочая спортивная органнзация.

Стр. 212. *«Прагер прессе»* – чехословацкая правнтельственная газета англо-французской ориентацни, основанная в 1921 году.

Внктор Дык (1877–1931) – чешскнй поэт-декадент, в 20-х годах – реакциоииый полнтнческнй деятель. Сотрудннчал в газете амернканской орнентацнн «Народнн лнсты».

Рингофферовка – сталелнтейные заводы Рннгоффера в Смнховском районе Праги.

... прочтя в газете аграриев «Вечер» ... – Аграрная партия в Чехословакии в 20-х годах проводнла профашистскую политику и поэтому не пользовалась поддержкой народиых масс. «Вечер» – газета этой партнн.

Стр. 213. *Доктор Бакса* – бургомнстр Праги в 1920–1921 годах.

... старый Грош – пражский бургомистр иачала XX века, известиый своей беспринцнпиостью. Одиажды в городской управе, ввереиной ему, была разоблачеиа коррупция. Бургомистр Грош, желая замаскировать происшедшее, заявил на заседаиии городского совета: «Господа, иичего не случилось...»

Осусский – был члеиом аграриой партии, чехословацким послаиником в Париже; после 1948 года, нзмеинв родине, эмнгрировал.

... и отвезти на Панкрац... – В Чехословацкой буржуазиой республике преследовалась свобода слова, печати, собраиий. Рабочая забастовка в декабре 1920 года была подавлеиа, ее участиики осуждеиы иа разиые сроки тюремного заключеиия. Большииство осуждеииых иаходилось в пражской тюрьме Паикрац.

Стр. 214. *Жорес* (1859–1914) – выдающнйся вождь реформистского крыла французской социалистической партии; был пацифистом, выступал против первой мировой войиы.

ЧТО Я ПОСОВЕТОВАЛ БЫ КОММУНИСТАМ, БУДЬ Я ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА «ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА»

Напечатано в «Руде право» 8 мая 1921 года.

Стр. 215. *«Пражские ведомости»* – австрийская правительствеииая газета, выходившая в Чехин с коица XVII века до 1918 года. После образоваиия Чехословацкой буржуазной республики газета продолжала выходить под другим назваиием – «Чехословацкая республика» (1918–1938).

Сватек, Филипп Адольф Земан – – реакциоииые чешские писатели и журиалисты, сотрудиики редакции «Пражских ведомостей», а затем официоза «Чехословацкая республика».

Стр. 217. *... как это было в Трганове.* – В 1921 году в воиисой части, расположеииой в г. Тргаиове, по приказу офицера был убнт солдат – члеи левой социал-демократической группы. Убийцы остались безнаказаниыми.

Стр. 218. *«Счастливая родина»* – жеиский журиал мелкобуржуазного толка, издававшийся писателем-иатуралистом Шимачеком в начале XX века.

Стр. 219. *Крамарж Карл* – представитель крупной чешской буржуазии, вождь реакциоиной иацноиал-демократической партии, первый премьер-миинстр чехословацкого буржуазио-помещичьего правительства, злейший враг Советского Союза.

Тусар Властимил – в 1919–1920 годах премьер-мннистр Чехословакии, проводивший политику подавлеиия рабочего движеиия в страие.

Бенеш Эдуард – первый министр иностраниых дел Чехословакии, враждебно иастроеииый к СССР, ориеитнровавшнйся иа сотрудиичество с Англией, Францней, США.

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУЯ

Первый фельетои Гашека, напнсаиный нм иа русском языке, иапечатаи во фроитовой красноармейской газете «Наш путь» 14 яиваря 1919 года в Уфе. Газета являлась оргаиом политотдела 5-й армии Восточиого фроита. Бывший редактор газеты «Наш путь» В. Сорокии в статье «Гашек как фельето-

нист фронтовой части», опубликованной в «Литературной газете» 5 мая 1938 года, написал: «Первый фельетон Гашека очень понравился нашим читателям. Красноармейцы от души хохотали над «переживаниями» уфимского «патриота». Позже Гашек возвращался к избранной им в первой фельетоне форме и писал продолжение «Дневника».

В настоящем издании фельетон «Из дневника уфимского буржуя» печатается по тексту газеты «Наш путь».

ОБ УФИМСКОМ РАЗБОЙНИКЕ, ЛАВОЧНИКЕ БУЛАКУЛИНЕ

Рассказ написан Гашеком на русском языке и напечатан в газете «Наш путь» 9 марта 1919 года. Публикуется по тексту газеты «Наш путь».

ДНЕВНИК ПОПА МАЛЮТЫ

Опубликовано во фронтовой красноармейской газете «Красный стрелок» 9 июля 1919 года. Печатается по тексту газеты «Красный стрелок».

АНГЛО-ФРАНЦУЗЫ В СИБИРИ

Опубликовано в газете «Красный стрелок» 6 сентября 1919 года. Печатается по тексту этой газеты.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

ФЕЛЬЕТОНЫ

ФЕЛЬЕТОНЫ, НАПИСАННЫЕ ПО-РУССКИ

Остальные рассказы публнкуются по желанню переводчнков н нх наследннков без изменений по нзданиям, прнведенным в выходных данных.

Цена 2 р. 11 коп.

[redacted]

Цена 2 р. 11 коп.